

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

4/2002

Послы РФ и КНР о первой
годовщине российско-китайского
договора

Китай и ВТО: мнение ведущего
китайского экономиста

XIV форум ЕАК в Москве.
Интервью председателя
Оргкомитета М.Л.Титаренко

К 225-летию со дня рождения
русского китаеведа
Н.Я.Бичурина

Япония и государства
Корейского полуострова

2002

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

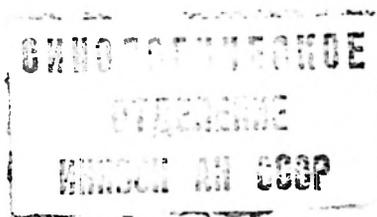
4 / 2002

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.....	7
Хартия Шанхайской организации сотрудничества.....	12

ПОЛИТИКА

<i>И.Розачев.</i> Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: итоги первого года.....	21
<i>Чжан Дэгуан.</i> Широкие перспективы китайско-российских отношений.....	30
<i>Пак Ду Бок.</i> Северная Корея и китайская модель реформ и развития.....	35
<i>А.Шлындов.</i> Япония и государства Корейского полуострова.....	41
<i>К.Асмолов.</i> Профсоюзное движение в Республике Корея.....	54

ЭКОНОМИКА

<i>Ли Теин.</i> ВТО и Китай.....	66
<i>Л.Кондрашова.</i> «Модернизация с китайской спецификой»: проблема экономического измерения.....	75

Бао Оу. Инновация — движущая сила развития китайского общества в современную эпоху.....	9
В.Курбатов. Развитие пастбищного скотоводства в КНР.....	11

ИСТОРИЯ

Шэнь Чжизуа. Столкновение и урегулирование интересов в процессе переговоров о китайско-советском Договоре 1950 года.....	120
А.Алепко. Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX — начале XX вв.	135

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Б.И.Панкратов. Н.Я.Бичурин как переводчик. (Публикация И.Ф.Поповой и В.С.Мясникова).....	145
--	-----

КУЛЬТУРА

А.Желозовцев. Китайский исторический роман в оценке литературоведов КНР.....	158
А.Хисамутдинов. Е.Е.Яшнов — ученый и поэт.....	169

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Празднование первой годовщины подписания российско-китайского договора.....	178
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.Титаренко. Навстречу европейскому форуму китаеведов (Ответы на вопросы редакции ПДВ).....	179
Делегация Академии общественных наук Китая в РФ.....	182
Е.Калкаев. VIII Всероссийская научная конференция “Философии стран Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация”.....	183

РЕЦЕНЗИИ

Г.Яскина. Вклад в российское корееведение. Сотрудничество. Материалы международной конференции.....	187
А.Волохова. Белов Е.А. Краткая история Синьхайской революции.....	189
Е.Кириллова. Крадин Н.П. Харбин — русская Атлантида.....	190

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

И.Рогачев. Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: итоги первого года

В статье Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в КНР изложена его оценка достижений в деле воплощения в жизнь основных направлений и целей российско-китайского договора за первый год после его подписания, перспективы углубления сотрудничества двух стран-соседей. Автор характеризует как успехи, так и стоящие на повестке дня проблемы дальнейшего развития отношений и связей России и Китая в различных областях, которые, по его определению, показывают, какие новые горизонты для нашего взаимодействия открылись после заключения Договора 2001 года. "Нет сомнения, что это — документ долгосрочного исторического действия. Он подписан как минимум на 20 лет, и все мы полны уверенности, что он как бы "сшит на вырост", — подчеркивает российский посол.

Чжан Дэгуан. Широкие перспективы китайско-российских отношений

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ в статье, посвященной годовщине китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, отмечает, что заключение Договора является закономерным результатом развития отношений между нашими странами за несколько последних десятилетий и имеет важное практическое значение на перспективу. Благодаря Договору, отмечает автор, уже в первый год его действия наблюдается рост взаимного политического доверия, отношений добрососедства и дружбы, а также постоянное расширение взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами во всех областях. Такие отношения, убежден посол Чжан Дэгуан, будут и дальше обогащаться и углубляться, внося вклад в дело обеспечения всеобщего мира, стабильности и развития.

Пак Ду Бок Северная Корея и китайская модель реформ и развития

Визит Ким Чен Ира в Пудун (новый район Шанхая) в 2001 г., по мнению автора статьи, ученого-политолога из РК, можно расценивать как событие, предвещающее в перспективе перемены в северокорейском обществе. Похоже, эта поездка означала не просто сдвиг позиции Северной Кореи в сторону китайского курса реформ и открытости, но и символический шаг, добровольно предпринятый ею для выражения своего стремления к переориентации собственной политики. Если КНДР пойдет по пути рыночных реформ и открытости, она в широком плане будет проявлять интерес к китайской модели реформ и развития, благодаря которой Китаю удалось вывести интерес к минимуму изменения в политической системе и в то же время посредством далеко идущих реформ в экономической сфере достичь высоких темпов экономического роста.

Как и в Китае, реформы, которые стала бы проводить Северная Корея, должны быть "реформами и переменами сверху", а не "снизу", считает автор статьи. Дэн Сяопин, ревизовав идеи Мао, "подогнал" их под политику китай-

ских реформаторов (это было сделано во имя экономического развития и при использовании методологического языка и авторитета Мао Цзэдуна). Ким Чен Ир также вполне может, хотя и иными путями, заново сформулировать идеи чучхе таким образом, чтобы они соответствовали его новой политике во имя "развития". Однако в более узком плане явные различия между ситуациями и условиями Китая и Северной Кореи будут ограничивать применение чисто китайской модели в Северной Корее. Следовательно, Пхеньяну придется искать модель развития, включающую китайскую модель и одновременно отражающую нынешнюю конкретную ситуацию Северной Кореи. Позитивная оценка Пхеньяном китайского курса реформ делает возможным его сотрудничество с Китаем в развитии собственных реформ и открытости. По мнению автора статьи, Южной Корее следует более тесно сотрудничать с Китаем, с тем чтобы побуждать его проводить активную политику в вопросе вывода Северной Кореи на путь открытости и реформ.

А.Шлындов. Япония и государства Корейского полуострова

Автор анализирует широкий спектр взаимосвязей Японии с КНДР и Республикой Корея прежде всего под углом зрения подходов в Японии к проблеме обеспечения наиболее важных своих интересов в этом соседнем с ней районе. Давая подробный анализ политико-дипломатических, экономических и военных инструментов японской политики в отношении двух корейских государств, он особое внимание уделяет интерпретации реакции на нее со стороны северокорейского руководства и японской роли в формировании "тройственной" линии политики США, Южной Кореи и Японии в отношении КНДР.

К.Асмолов. Профсоюзное движение в Республике Корея

Статья посвящена такой малоотраженной в отечественной литературе теме, как профсоюзное движение Республики Корея. В ней анализируется общее положение корейских рабочих, структура профсоюзного движения основные требования профсоюзов, формы и методы их борьбы за права лиц наемного труда, взаимоотношения профсоюзов с властью и иными социальными структурами. Приведены примеры наиболее громких акций, организованных профсоюзами за последние годы.

Деятельность южнокорейских профсоюзов рисуется автором двояко. С одной стороны, на фоне необходимости выхода страны из кризиса и официальных призывов к жертвенным мерам со стороны профсоюзного движения, его нередко изображают "палкой в колесе" развития страны. С другой, условия жизни корейского рабочего неизбежно порождают требования их улучшения. Поэтому в этой обстановке, по оценке автора, профсоюзы служат своеобразным амортизатором, который позволяет сделать процесс реструктуризации экономики менее болезненным для трудовых масс.

Ли Теин. ВТО и Китай

Автор, президент Академии общественных наук Китая, один из ведущих разработчиков политики и идеологии экономической реформы в КНР, анализирует факторы, сделавшие необходимым вступление КНР в ВТО, показывает сопряженные с ним возможности и вызовы для развития народного хозяйства страны, а также вытекающие из вступления в ВТО крупные изменения в экономической системе, функциях правительства страны.

Л.Кондрашова. «Модернизация с китайской спецификой»: проблема экономического измерения

В статье дается краткий анализ формирования концепции модернизации Китая и оцениваются итоги ее реализации по нескольким основным «модернизационным блокам» (демографическая ситуация, степень экономического развития, состояние хозяйственной системы, включенность в мировую экономику, жизненный уровень населения). Проводится сравнение ряда данных с разработанными на Западе «эталонами» модернизации и с установочным уровнем «малого благосостояния» — понятием, заимствованным из конфуцианской доктрины. Автор констатирует значительные достижения Китая в деле модернизации при известной незавершенности этого процесса и определенных его издержках. В частности увеличение доходов населения (фактическое учетверение за 20 лет) производилось с явным копированием потребительских стандартов развитых стран и с отступлением от одного из важнейших «идеалов модернизации» — выравнивания социальных и экономических условий. Между тем, концепция «потребительского общества» в том виде, как она сложилась в развитых капиталистических странах, непригодна, считает автор, для прямой пересадки на китайскую почву в силу сложной демографической и экологической обстановки в Китае.

Бао Оу. Инновация — движущая сила развития китайского общества в современную эпоху

С середины 90-х годов в науке и публицистике Китая слово «инновация» стало господствующим, отражая не без основания убеждение, что успех модернизации не возможен без самого широкого внедрения в народное хозяйство науки и техники, создания современной системы высшего и среднего специально-технического и общего образования, формирования системы подготовки кадров, соответствующих рыночной экономики, и в конечном итоге — без формирования в обществе творческого подхода ко всем вопросам его жизни. Под этим углом зрения автор, рассмотрев различные формы деятельности в этом направлении международных организаций типа Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и имеющиеся теоретические программы и разработки, приходит к выводу, что инновация дает Китаю шанс занять достойное место в мире в условиях глобализации экономики.

В.Курбатов. Развитие пастбищного скотоводства в КНР

Автор рассматривает состояние и развитие пастбищного скотоводства за протяжении всего периода существования КНР. В статье освещаются влияние государственной политики и хода различных преобразований на жизнь национальных меньшинств — исконных обитателей степей, успехи и трудности в хозяйственной деятельности кочевников, современное состояние естественных пастбищ, причины их деградации и проблемы восстановления продуктивности.

Шэнь Чжихуа. Столкновение и урегулирование интересов в процессе переговоров о китайско-советском Договоре 1950 года

Статья является результатом исследовательской работы научного сотрудника Пекинского университета в российских и китайских архивах, в том числе недавно рассекреченных, о подготовке китайско-советского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. Особый интерес представляет анализ позиций тогдашних лидеров двух стран — И.В.Сталина и Мао Цзэдуна, в частности, во время их личных переговоров в Москве в декабре 1949 - феврале 1950 гг. Автор статьи подчеркивает, что установление союзнических отно-

шений между КНР и СССР было в то время выгодно обеим сторонам, хотя они неодинаково интерпретировали свои интересы в ряде экономических и внешнеполитических вопросов.

А.Алепко. Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX — начале XX в.

Проблема пребывания китайцев на российском Дальнем Востоке весьма насущна и привлекает внимание российской общественности и исследователей. Автор полагает, что обширные возможности развития взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами в настоящее время используются не наилучшим образом. Процветают контрабанда цветных металлов и древесины, незаконный промысел китайцами рыбы. Проникновение дешевого китайского ширпотреба и продуктов тормозит развитие соответствующих отраслей российского сельского хозяйства и промышленности в этом регионе. В связи с этим автор тщательно исследовал конкретные попытки российского правительства регламентировать в рассматриваемый период деятельность китайцев на Дальнем Востоке и знакомит читателей с перипетиями взаимоотношений вокруг этих вопросов.

Б.И.Панкратов. Н.Я.Бичурин как переводчик

В связи с 225-летием со дня рождения крупнейшего российского китаеведа Н.Я.Бачурина (1777-1853) в разделе "Архивы и документы" публикуется статья (она была написана в 1953 г.) известного советского востоковеда — китаеведа, монголоведа и тибетолога — Б.И.Панкратова, рассказывающая о многолетней работе Н.Я.Бачурина над переводом китайского исторического памятника "Всеобъемлющее зеркало, управлению помогающее". Публикация подготовлена доктором исторических наук И.Ф.Поповой и академиком В.С.Мясниковым.

А.Желоховцев. Китайский исторический роман в оценке литературоведов КНР

На основе трудов китайских литературоведов в статье анализируется отношение к жанру исторического романа в современной китайской литературе, начиная с 50-х годов. Приводятся их оценки на примерах как романа 50-х и 60-х годов, так и современного романа литературы "нового периода". В 90-х годах в Китае возник жанр "нового исторического романа", который не только заслужил положительную оценку китайского литературоведения, но и обрел популярность у массового читателя. Только общая цифра ежегодно издаваемых в Китае новых исторических романов приближается к 100.

А.Хисамутдинов. Е.Е.Яшнов — ученый и поэт

Говорят, если человек талантлив, то он талантлив во всем. Это в полной мере можно отнести к Е.Е.Яшнову. Общеизвестный авторитет в области изучения народонаселения Китая, китайской экономики и статистики, каким он стал в годы послереволюционной эмиграции в эту страну, он также был талантливым поэтом. Прибыв в 1921 г. на жительство в Харбин, Яшнов, помимо работы статистиком, активно сотрудничал в русскоязычных художественных периодических изданиях в этом городе, как и в Пекине, Тяньцзине и Шанхае, внося заметный вклад в культурную жизнь русской эмиграции в Китае.

Документы

Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества

Сегодня мы, главы государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан торжественно подписали Хартию — основной уставной документ Шанхайской организации сотрудничества (ШОС или Организация). Это событие знаменует создание правового фундамента для нового международного объединения, учреждение которого мы провозгласили в июне 2001 года в Шанхае.

Мы считаем, что создание ШОС соответствует реальной обстановке в регионе и в мире, а также отвечает коренным интересам народов шести стран.

I

ШОС является наследницей "Шанхайской пятерки", возникшей на основе двух новаторских для азиатского континента соглашений о мерах доверия в военной области и сокращении вооружений.

ШОС создана с целью укрепления между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства, упрочения разностороннего взаимодействия в деле поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, совместного противодействия новым вызовам и угрозам, поощрения эффективного и взаимовыгодного сотрудничества в различных областях, содействия экономическому росту, социальному и культурному развитию государств-членов Организации.

ШОС базируется на принципах взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности и нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой, равноправия всех государств-членов.

II

Скорейшему запуску всех механизмов ШОС, призванных обеспечить эффективное функционирование Организации, будет способствовать быстрое осуществление процедур ратификации Хартии ШОС и Соглашения о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) ШОС.

Национальным координаторам ШОС поручается, не дожидаясь выполнения всех внутрисоюзных процедур, связанных со вступлением в силу Хартии ШОС, приступить к подготовке комплекса договорных и норматив-

ных документов, регламентирующих порядок работы органов Организации и других сторон ее деятельности.

В рамках ШОС будут предприняты действенные шаги для реализации Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, для принятия соответствующих документов о многостороннем сотрудничестве в деле пресечения незаконного оборота наркотиков и оружия, других видов преступной деятельности, имеющей транснациональный характер, а также незаконной миграции.

Актуальное значение имеет создание механизма взаимного информирования и поиска общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим взаимный интерес, в том числе в рамках международных организаций и форумов, включая ООН.

Мы с удовлетворением отмечаем, что параллельно с решением организационных вопросов идет процесс развития и институализации предметного взаимодействия государств-членов в различных областях. Мы высоко оцениваем итоги первой встречи глав правительств стран ШОС 14 сентября 2001 г. в Алматы и совещаний министров иностранных дел 7 января 2002 г. в Пекине и 26 апреля 2002 г. в Москве, поддерживаем развитие контактов между оборонными, внешнеполитическими и пограничными ведомствами, руководителями правоохранительных органов и спецслужб в рамках "Бишкекской группы", министерствами культуры, службами по чрезвычайным ситуациям и другими правительственными структурами. Мы договорились продолжать поступательное расширение областей сотрудничества между государствами-членами ШОС.

Мы считаем, что развитие экономического партнерства является особо важной задачей в деятельности ШОС. В этих целях будет активизирован переговорный процесс по вопросам создания благоприятных условий для торговли и инвестиций, разработки долгосрочной Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества в соответствии с Меморандумом между правительствами государств-участников ШОС от 14 сентября 2001 года. В ближайшее время необходимо определить приоритетные проекты для практического взаимодействия в таких сферах, как строительство транспортных коммуникаций и объектов энергетики, водопользование, добыча и транспортировка энергоресурсов, а также в других областях, представляющих взаимный интерес.

III

Государства-члены ШОС строят свои отношения в рамках формирующейся многополярной системы международных отношений, полагают, что миропорядок в XXI веке должен опираться на механизмы коллективного решения ключевых проблем, верховенство права и последовательную демократизацию международных отношений.

Государства-члены ШОС будут предпринимать усилия по предотвращению и мирному урегулированию международных конфликтов, связанных с межэтническими, межконфессиональными, территориальными, политическими и иными противоречиями, в строгом соответствии с Уставом ООН и нормами международного права.

Государства-члены ШОС намерены наращивать сотрудничество между собой и с другими странами в поиске ответов на вызовы процесса глобализации, нейтрализации его негативных аспектов и возможных рисков, сохранения многообразия форм экономического, социального и культурного развития. Глобализация и национальные интересы государств — не взаимоисключающие, а взаимодополняющие структурные элементы развивающегося мироустройства. Международное сообщество нуждается в выработке концепции безопасности нового типа, базирующейся на принципах взаимного доверия, взаимной выго-

ды, равенства и взаимодействия, способствующей радикальному ослаблению факторов, подрывающих безопасность, и искоренению источников новых угроз.

Государства-члены ШОС преисполнены решимости активизировать сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также оружия. Они рассматривают эти явления как транснациональные угрозы, эффективное противодействие которым может быть организовано только коллективными усилиями международного сообщества.

Государства-члены ШОС решительно отвергают все акты, методы и практику терроризма. Борьба с терроризмом должна вестись на основе норм и принципов международного права, не отождествляться с борьбой против какой-либо религии, отдельных стран и национальностей, должна быть лишена тенденциозности и "двойных стандартов".

Государства-члены ШОС считают необходимым создать глобальную систему противодействия новым угрозам и вызовам при центральной координирующей роли ООН и Совета Безопасности ООН, которая включала бы соответствующие многосторонние механизмы взаимодействия, в том числе по раннему предупреждению и предотвращению возникающих угроз, решительному и адекватному реагированию на их проявления. Для действий на этом направлении исключительно важно сформулировать в рамках ООН принципы, а также четкую, обязательную для всех международно-правовую базу антитеррористической деятельности, которые не давали бы повода для двойного толкования их содержания и не служили бы прикрытием для вмешательства в дела других государств и ущемления их суверенитета.

Весомым вкладом в эти усилия являются Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., а также Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 7 июня 2002 г. Тем самым создаются четкие правовые рамки для налаживания на региональном уровне практического взаимодействия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Государства-члены ШОС уверены, что важным направлением глобальной антитеррористической борьбы должно стать лишение терроризма социальной опоры, в том числе — ликвидация нищеты, безработицы, неграмотности, дискриминации по расовым, этническим и религиозным признакам.

Государства-члены ШОС поддерживают усилия друг друга по ликвидации проявлений терроризма, сепаратизма и экстремизма, а также шаги международного сообщества, направленные на перекрытие каналов финансирования террористической деятельности, будут наращивать собственные усилия по недопущению на своих территориях подготовки и финансирования актов терроризма и отказывать террористам в убежище.

Государства-члены ШОС подтверждают свое намерение всемерно содействовать усилению роли ООН в международных делах, дальнейшему повышению эффективности и авторитета Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Государства-члены ШОС считают, что соблюдение международного режима ядерного нераспространения является одним из важнейших элементов обеспечения мира и безопасности как в Азии, так и в глобальном масштабе. Скорейшее присоединение всех стран к Договору о нераспространении ядерного оружия, а также подписание и ратификация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний теми государствами, которые этого еще не сделали, будут способствовать укреплению стратегической стабильности на различных уровнях.

Государства-члены ШОС поддерживают создание зон, свободных от ядерного оружия, в том числе, инициативу Республики Узбекистан по созданию ЗСЯО в Центральной Азии.

Государства-члены ШОС подчеркивают уважение и поддержку безъядерному статусу Монголии.

Государства-члены ШОС приветствуют заключение нового российско-американского договора, касающегося дальнейших крупных сокращений стратегических наступательных вооружений, и расценивают это как позитивный вклад в дело сокращения ядерного оружия.

Государства-члены ШОС призывают к скорейшему началу многосторонних переговоров по подготовке всеобъемлющей договоренности о неразмещении оружия в космосе, неприменении силы или угрозы силой в отношении космических объектов.

Государства-члены ШОС, обязуясь действовать в соответствии с принципами Устава ООН, подтверждают универсальность, неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность всех прав человека, а также свои обязательства соблюдать права и основные свободы человека, считают мир и развитие основной гарантией содействию и защите прав человека, выступают против применения "двойных стандартов" в вопросах прав человека и вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом их защиты.

IV

Государства-члены ШОС имеют неотъемлемое право на самостоятельный выбор форм и методов обеспечения своей безопасности, включая налаживание сотрудничества с другими государствами. Они будут проводить эту политику таким образом, чтобы не вызвать негативных последствий для региональной стабильности и безопасности.

Государства-члены ШОС считают, что безопасность Центральной Азии неразрывно связана с перспективами мирного процесса в Афганистане. В этой связи они будут наращивать сотрудничество между собой в области содействия послевоенному политическому и экономическому восстановлению этой страны.

Государства-члены ШОС приветствуют создание нового, стабильного Афганистана — свободного от террора, войны, наркотиков и бедности, заявляют о своем уважении культур и традиций всех народов, населяющих эту страну. Они готовы содействовать процессу формирования широко представительного правительства в интересах всего афганского народа.

Государства-члены ШОС хотят видеть Азиатско-тихоокеанский регион зоной мира, стабильности и совместного процветания, готовы конструктивно сотрудничать со всеми государствами и региональными объединениями в деле формирования в АТР кооперативной системы общерегиональной безопасности, действующей в рамках Устава ООН и международного права, в равной степени учитывающей интересы и подходы всех участников. Становлению такой системы будет способствовать укрепление уже зарекомендовавших себя механизмов многостороннего взаимодействия — таких, как Региональный форум АСЕАН (АРФ) и других.

Государства-члены ШОС исходят из того, что правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемой частью территории Китая.

Государства-члены ШОС поддерживает усилия двух корейских государств по развитию и расширению диалога и сотрудничества в духе договоренностей межкорейского саммита в июне 2000 года, считают полезным разрывание диалога и конструктивного сотрудничества между КНДР, США и

другими странами Запада с тем, чтобы обеспечить достижение прочного мира и стабильности на Корейском полуострове.

Государства-члены ШОС призывают Индию и Пакистан к возобновлению политического диалога с целью снятия напряженности и развития сотрудничества между двумя странами.

Государства-члены ШОС выражают глубокую озабоченность в связи с затянувшимся кризисом на Ближнем Востоке, что оказывает негативное влияние на региональную и международную безопасность и стабильность. Государства-члены ШОС призывают Израиль и Палестину немедленно приступить к выполнению соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, позитивно откликнуться на миротворческие усилия со стороны мирового сообщества, вернуться к поиску мирных путей решения спора.

Государства-члены ШОС готовы совместно с мировым сообществом продолжать политико-дипломатические усилия в целях обеспечения полного выполнения всех соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН по иракскому вопросу.

Государства-члены ШОС высоко оценивают инициативу Республики Казахстан о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и считают, что этот форум, наряду с существующими в Азии структурами и механизмами, сыграет важную роль в повышении уровня взаимного доверия и развития многостороннего сотрудничества между азиатскими странами.

V

Мы подтверждаем, что ШОС не является блоком или замкнутым альянсом, не направлена против отдельных стран или групп государств, открыта для широкого сотрудничества с другими государствами и международными объединениями в соответствии с целями и принципами Устава ООН и нормами международного права на основе учета взаимных интересов и общности подходов к решению региональных и общемировых проблем.

Президент Республики Казахстан	Н.А.Назарбаев
Председатель Китайской Народной Республики	Цзян Цзэминь
Президент Кыргызской Республики	А.А.Акаев
Президент Российской Федерации	В.В.Путин
Президент Республики Таджикистан	Э.Ш.Рахмонов
Президент Республики Узбекистан	И.А.Каримов

г. Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.

Хартия Шанхайской организации сотрудничества

Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан, являющиеся государствами - учредителями Шанхайской организации сотрудничества (именуемой далее ШОС или Организация),

основываясь на исторически сложившихся связях их народов;

стремясь к дальнейшему углублению всестороннего сотрудничества;

желая совместными усилиями внести вклад в укрепление мира, обеспечение безопасности и стабильности в регионе в условиях развития процессов политической многополярности, экономической и информационной глобализации;

будучи убежденными в том, что создание ШОС способствует более эффективному совместному использованию открывающихся возможностей и противостоит новым вызовам и угрозам;

считая, что взаимодействие в рамках ШОС содействует раскрытию огромного потенциала добрососедства, единения и сотрудничества между государствами и их народами;

исходя из утвердившегося на встрече глав шести государств в Шанхае (2001 г.) духа взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур и стремления к совместному развитию;

отмечая, что соблюдение принципов, изложенных в Соглашении между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 года и в Соглашении между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 года, а также в документах, подписанных в ходе встреч на высшем уровне глав Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан в период с 1998 года по 2001 год, внесло важный вклад в дело поддержания мира, безопасности и стабильности в регионе и во всем мире;

подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, другим общепризнанным принципам и нормам международного права, касающимся поддержания международного мира, безопасности и развития добрососедских и дружественных отношений, а также сотрудничества между государствами;

руководствуясь положениями Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2001 года;

договорились о следующем:

Статья 1

Цели и задачи

Основными целями и задачами ШОС являются:

укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;

развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;

совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией;

поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес;

содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов государств-членов;

координация подходов при интеграции в мировую экономику;

содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством;

поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями;

взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании;

совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI веке.

Статья 2

Принципы

Государства - члены ШОС придерживаются следующих принципов:

взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ, ненападения, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах;

равноправия всех государств-членов, поиска совместных точек зрения на основе взаимопонимания и уважения мнений каждого из них;

поэтапного осуществления совместных действий в сферах общего интереса;

мирного разрешения разногласий между государствами-членами;

ненаправленности ШОС против других государств и международных организаций;

недопущения любых противоправных действий, направленных против интересов ШОС;

добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из настоящей Хартии и других документов, принятых в рамках ШОС.

Статья 3

Направления сотрудничества

Основными направлениями сотрудничества в рамках ШОС являются: поддержание мира и укрепление безопасности и доверия в регионе; поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в международных организациях и на международных форумах;

выработка и реализация мероприятий по совместному противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, другим видам транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграции;

координация усилий по вопросам разоружения и контроля над вооружениями;

поддержка и поощрение регионального экономического сотрудничества в различных формах, содействие созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий;

эффективное использование имеющейся инфраструктуры в области транспорта и коммуникаций, совершенствование транзитного потенциала государств-членов, развитие энергетических систем;

обеспечение рационального природопользования, включая использование водных ресурсов в регионе, осуществление совместных специальных природоохранных программ и проектов;

оказание взаимной помощи в предупреждении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и ликвидации их последствий;

обмен правовой информацией в интересах развития сотрудничества в рамках ШОС;

расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма.

Государства - члены ШОС могут по взаимному согласию расширять сферы сотрудничества.

Статья 4

Органы

1. Для выполнения целей и задач настоящей Хартии в рамках Организации действуют:

Совет глав государств;

Совет глав правительств (премьер-министров);

Совет министров иностранных дел;

Совещания руководителей министерств и/или ведомств;

Совет национальных координаторов;

Региональная антитеррористическая структура;

Секретариат.

2. Функции и порядок работы органов ШОС, за исключением Региональной антитеррористической структуры, определяются соответствующими положениями, которые утверждаются Советом глав государств.

3. Совет глав государств может принять решение о создании других органов ШОС. Создание новых органов оформляется в виде дополнительных протоколов к настоящей Хартии, которые вступают в силу в порядке, установленном статьей 21 настоящей Хартии.

Статья 5

Совет глав государств

Совет глав государств является высшим органом ШОС. Он определяет приоритеты и выработывает основные направления деятельности Организации, решает принципиальные вопросы ее внутреннего устройства и функционирования, взаимодействия с другими государствами и международными организациями, а также рассматривает наиболее актуальные международные проблемы.

Совет собирается на очередные заседания один раз в год. Председательствование на заседании Совета глав государств осуществляет глава государства - организатора очередного заседания. Место проведения очередного заседания Совета определяется, как правило, в порядке русского алфавита названий государств - членов ШОС.

Статья 6

Совет глав правительств (премьер-министров)

Совет глав правительств (премьер-министров) принимает бюджет Организации, рассматривает и решает основные вопросы, относящиеся к конкретным, в особенности экономическим сферам развития взаимодействия в рамках Организации.

Совет собирается на очередные заседания один раз в год. Председательствование на заседании Совета осуществляет глава правительства (премьер-министр) государства, на территории которого проводится заседание.

Место проведения очередного заседания Совета определяется по предварительной договоренности глав правительств (премьер-министров) государств-членов.

Статья 7

Совет министров иностранных дел

Совет министров иностранных дел рассматривает вопросы текущей деятельности Организации, подготовки заседания Совета глав государств и проведения консультаций в рамках Организации по международным проблемам. Совет может в случае необходимости выступать с заявлениями от имени ШОС.

Совет собирается, как правило, за один месяц до проведения заседания Совета глав государств. Внеочередные заседания Совета министров иностранных дел созываются по инициативе не менее двух государств-членов и с согласия министров иностранных дел всех других государств-членов. Место проведения очередного и внеочередного заседания Совета определяется по взаимной договоренности.

Председательствование в Совете осуществляет министр иностранных дел государства - члена Организации, на территории которого проводится очередное заседание Совета глав государств, в течение срока, начинающегося с даты завершения последнего очередного заседания Совета глав государств и завершающегося датой очередного заседания Совета глав государств.

Председатель Совета министров иностранных дел при осуществлении внешних контактов представляет Организацию в соответствии с Положением о порядке работы Совета.

Статья 8

Совещания руководителей министерств и/или ведомств

В соответствии с решениями Совета глав государств и Совета глав правительств (премьер-министров) руководители отраслевых министерств и/или ведомств государств-членов на регулярной основе проводят совещания для рассмотрения конкретных вопросов развития взаимодействия в соответствующих областях в рамках ШОС.

Председательствование осуществляет руководитель соответствующего министерства и/или ведомства государства - организатора совещания. Место и время проведения совещания согласуются предварительно.

Для подготовки и проведения совещаний по предварительной договорённости государств-членов могут создаваться на постоянной или временной основе рабочие группы экспертов, которые осуществляют свою деятельность в соответствии с регламентами работы, утверждаемыми на совещаниях руководителей министерств и/или ведомств. Эти группы формируются из представителей министерств и/или ведомств государств-членов.

Статья 9

Совет национальных координаторов

Совет национальных координаторов является органом ШОС, осуществляющим координацию и управление текущей деятельностью Организации. Он проводит необходимую подготовку заседаний Совета глав государств, Совета глав правительств (премьер-министров) и Совета министров иностранных дел. Национальные координаторы назначаются каждым государством-членом в соответствии с его внутренними правилами и процедурами.

Совет собирается на заседания не реже трёх раз в год. Председательствование в Совете осуществляет национальный координатор государства - члена Организации, на территории которого будет проводиться очередное заседание Совета глав государств, в течение срока, начинающегося с даты завершения последнего очередного заседания Совета глав государств и завершающегося датой очередного заседания Совета глав государств.

Председатель Совета национальных координаторов по поручению председателя Совета министров иностранных дел при осуществлении внешних контактов может представлять Организацию в соответствии с Положением о порядке работы Совета национальных координаторов.

Статья 10

Региональная антитеррористическая структура

Региональная антитеррористическая структура государств - участников Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года с месторасположением в городе Бишкеке (Кыргызская Республика) является постоянно действующим органом ШОС.

Основные ее задачи и функции, принципы формирования и финансирования, а также порядок деятельности регулируются отдельным международным договором, заключаемым между государствами-членами, и другими необходимыми документами, принимаемыми ими.

Статья 11

Секретариат

Секретариат является постоянно действующим административным органом ШОС. Он осуществляет организационно-техническое обеспечение мероприятий, проводимых в рамках ШОС, готовит предложения по ежегодному бюджету Организации.

Секретариат возглавляется Исполнительным секретарем, который утверждается Советом глав государств по представлению Совета министров иностранных дел.

Исполнительный секретарь назначается из числа граждан государств-членов на ротационной основе в порядке русского алфавита названий государств-членов сроком на три года без права продления на следующий срок.

Заместители Исполнительного секретаря утверждаются Советом министров иностранных дел по представлению Совета национальных координаторов. Они не могут быть представителями того государства, от которого назначен Исполнительный секретарь.

Должностные лица Секретариата нанимаются из числа граждан государств-членов на квотной основе.

При исполнении служебных обязанностей Исполнительный секретарь, его заместители и другие должностные лица Секретариата не должны запрашивать или получать указания от какого бы то ни было государства-члена и/или правительства, организаций или частных лиц. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед ШОС.

Государства-члены обязуются уважать международный характер обязанностей Исполнительного секретаря, его заместителей и персонала Секретариата и не оказывать на них влияние при исполнении ими служебных обязанностей.

Местом расположения Секретариата ШОС является город Пекин (Китайская Народная Республика).

Статья 12

Финансирование

ШОС имеет собственный бюджет, который формируется и исполняется в соответствии со специальным Соглашением между государствами-членами. Это Соглашение также определяет размеры взносов, которые ежегодно вносят государства-члены в бюджет Организации на основе принципа долевого участия.

Средства бюджета направляются на финансирование постоянно действующих органов ШОС в соответствии с вышеупомянутым Соглашением. Государства-члены самостоятельно несут расходы, связанные с участием их представителей и экспертов в мероприятиях Организации.

Статья 13

Членство

ШОС открыта для приема в ее члены других государств региона, которые обязуются соблюдать цели и принципы настоящей Хартии, а также положения других международных договоров и документов, принятых в рамках ШОС.

Решение вопроса о приеме в ШОС новых членов принимается Советом глав государств по представлению Совета министров иностранных дел на основе официального обращения заинтересованного государства, направляемого действующему председателю Совета министров иностранных дел.

Членство в ШОС государства-члена, нарушающего положения настоящей Хартии и/или систематически не выполняющего свои обязательства по международным договорам и документам, заключенным в рамках ШОС, может быть приостановлено по представлению Совета министров иностранных дел решением Совета глав государств. Если это государство продолжает нарушать свои обязательства, то Совет глав государств может принять решение о его исключении из ШОС с даты, которую определяет сам Совет.

Любое государство-член имеет право выйти из ШОС, направив депозитарию официальное уведомление о выходе из настоящей Хартии не позднее чем за двенадцать месяцев до даты выхода. Обязательства, возникшие в период участия в настоящей Хартии и других документах, принятых в рамках ШОС, связывают соответствующие государства до их полного выполнения.

Статья 14

Взаимоотношения с другими государствами и международными организациями

ШОС может вступать во взаимодействие и диалог, в том числе по отдельным направлениям сотрудничества, с другими государствами и международными организациями.

ШОС может предоставить заинтересованному государству или международной организации статус партнёра по диалогу или наблюдателя. Порядок и процедуры предоставления такого статуса устанавливаются специальным соглашением между государствами-членами.

Настоящая Хартия не затрагивает прав и обязательств государств-членов по другим международным договорам, участниками которых они являются.

Статья 15

Правоспособность

ШОС в качестве субъекта международного права обладает международной правоспособностью. Она пользуется на территории каждого государства-члена такой правоспособностью, которая необходима для реализации ее целей и задач.

ШОС пользуется правами юридического лица и может, в частности:

- заключать договоры;
- приобретать движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им;
- выступать в судах в качестве истца или ответчика;
- открывать счета и совершать операции с денежными средствами.

Статья 16

Порядок принятия решений

Решения в органах ШОС принимаются путём согласования без проведения голосования и считаются принятыми, если ни одно из государств-членов в процессе согласования не возразило против них (консенсус), за исключением решений о приостановке членства или об исключении из Организации, которые принимаются по принципу "консенсус минус один голос заинтересованного государства-члена".

Любое государство-член может изложить свою точку зрения по отдельным аспектам и/или конкретным вопросам принимаемых решений, что не является препятствием для принятия решения в целом. Эта точка зрения заносится в протокол заседания.

В случаях незаинтересованности одного или нескольких государств-членов в осуществлении отдельных проектов сотрудничества, представляющих интерес для других государств-членов, участие в них указанных государств-членов не

препятствует осуществлению заинтересованными государствами-членами таких проектов сотрудничества и, вместе с тем, не препятствует указанным государствам-членам в дальнейшем присоединиться к осуществлению таких проектов.

Статья 17

Исполнение решений

Решения органов ШОС исполняются государствами-членами в соответствии с процедурами, определяемыми их национальным законодательством.

Контроль за выполнением обязательств государств-членов по реализации настоящей Хартии, других действующих в рамках ШОС договоров и решений ее органов осуществляется органами ШОС в пределах их компетенции.

Статья 18

Постоянные представители

Государства-члены в соответствии с их внутренними правилами и процедурами назначают своих постоянных представителей при Секретариате ШОС, которые будут входить в состав дипломатического персонала посольств государств-членов в г.Пекине.

Статья 19

Привилегии и иммунитеты

ШОС и ее должностные лица пользуются на территориях всех государств-членов привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для выполнения функций и достижения целей Организации.

Объем привилегий и иммунитетов ШОС и ее должностных лиц определяется отдельным международным договором.

Статья 20

Языки

Официальными и рабочими языками ШОС являются русский и китайский языки.

Статья 21

Срок действия и вступление в силу

Настоящая Хартия заключается на неопределенный срок.

Настоящая Хартия подлежит ратификации подписавшими ее государствами и вступает в силу на тридцатый день с даты сдачи на хранение депозитарию четвертой ратификационной грамоты.

Для государства, подписавшего настоящую Хартию и ратифицировавшего ее позднее, она вступает в силу с даты сдачи им на хранение депозитарию своей ратификационной грамоты.

После вступления настоящей Хартии в силу она открыта для присоединения любого государства.

Для присоединяющегося государства настоящая Хартия вступает в силу на тридцатый день с даты получения депозитарием соответствующих документов о присоединении.

Статья 22

Разрешение споров

В случае возникновения споров и разногласий в связи с толкованием или применением настоящей Хартии государства-члены будут разрешать их путём консультаций и переговоров.

Статья 23

Изменения и дополнения

В настоящую Хартию по взаимному согласию государств-членов могут вноситься изменения и дополнения. Решения Совета глав государств о внесении изменений и дополнений оформляются отдельными протоколами, которые являются ее неотъемлемой частью и вступают в силу в порядке, предусмотренном статьей 21 настоящей Хартии.

Статья 24

Оговорки

К настоящей Хартии не могут быть сделаны оговорки, которые противоречат принципам, целям и задачам Организации, а также могут препятствовать исполнению каким-либо органом ШОС своих функций. В случае если не менее 2/3 государств-членов имеют возражения, оговорки должны быть сочтены как противоречащие принципам, целям и задачам Организации или препятствующие исполнению каким-либо органом своих функций и не имеющие юридической силы.

Статья 25

Депозитарий

Депозитарием настоящей Хартии является Китайская Народная Республика.

Статья 26

Регистрация

Настоящая Хартия в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций подлежит регистрации в Секретариате Организации Объединенных Наций.

Совершено в городе Санкт-Петербурге 7 июня 2002 года в одном экземпляре на русском и китайском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Подлинный экземпляр настоящей Хартии сдаётся на хранение депозитарию, который направит заверенные копии всем подписавшим её государствам.

За	За	За	За	За	За
Республику Казахстан	Китайскую Народную Республику	Кыргызскую Республику	Российскую Федерацию	Республику Таджикистан	Республику Узбекистан

Хартия Шанхайской организации сотрудничества была подписана главами шести государств-членов ШОС 7 июня 2002 года на саммите ШОС в г. Санкт-Петербурге. Документ проходит стадию ратификации и к настоящему моменту в силу еще не вступил.

Политика

Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: итоги первого года

© 2002

И. Рогачев

Год тому назад, 16 июля 2001 года, в Кремле президент России В.В.Путин и Председатель КНР Цзян Цзэминь подписали исторический документ — Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Наверное, будет небезынтересно совершить здесь небольшой экскурс в историю наших договорных отношений с Китаем. Она ведет свой отсчет с 1689 г., когда был заключен Нерчинский договор, затем последовали Кяхтинский трактат 1727 г., Айгуньский и Пекинские договоры 1858 и 1860 гг. В этих документах затрагивались вопросы разграничения между двумя соседними империями — Российской и Китайской. Характерно, что территориальное размежевание между нашими странами, несмотря на различия в их военной мощи, складывалось не в результате вооруженных конфликтов или войн.

Падение Цинской империи в Китае и Октябрьская революция 1917 г. в России создали новую обстановку для развития российско-китайских отношений. В 1924 г. наша страна отказалась от льгот и привилегий в Китае, полученные по договорам царского правительства, и подписала с Пекином соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между двумя странами, что привело к официальному установлению межгосударственных отношений Советской России со своим дальневосточным соседом, способствовало укреплению позиций каждой из сторон на международной арене. Нарастающие раскаты новой мировой войны и, в частности, начавшаяся агрессия Японии против Китая побудили Советский Союз и Китай заключить летом 1937 г. Договор о ненападении сроком на 5 лет.

Следующий крупный двусторонний документ — Договор о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китайской Республикой от 14 августа 1945 г. В нем были зафиксированы цели достижения совместной военной победы над милитаристской Японией, что явилось осознанной реакцией обеих стран на задачу завершения второй мировой войны и послевоенного урегулирования.

Советский Союз признал Китайскую Народную Республику 2 октября 1949 г., то есть на следующий день после ее провозглашения. Поскольку все прежние договоры СССР с Китаем утратили силу, перед Москвой и Пекином

встала задача формирования новой базы договорных отношений. 14 февраля 1950 г. молодая Китайская Народная Республика и Советский Союз заключили важный межгосударственный договор — Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. В нем стороны принимали на себя обязательства в случае возникновения вооруженного конфликта оказывать друг другу военную и прочую помощь. История показала, что в сложной послевоенной ситуации этот документ сыграл весьма значительную роль: он стал мощным фактором стабилизации международной обстановки, укрепил позиции СССР и КНР на мировой арене, в большой степени способствовал становлению нового Китая и — что особенно важно — как никогда ранее сблизил народы наших стран. Но это был союз двух соседей в специфических условиях “холодной” войны, отвечавший их интересам в конкретно - исторической обстановке. Как известно, по истечении срока действия договора в 1980 г. его продления не последовало. Целый ряд его положений не укладывался в рамки отношений, существовавших на тот момент между нашими странами и их отношений с другими государствами.

Всю историю взаимосвязей между нашими государствами после 1949 г. можно охарактеризовать как поиск оптимальной модели сосуществования и сотрудничества двух держав-соседей. За три десятилетия мы прошли в этом плане весьма сложный, подчас драматический путь, на котором было все: и военно-политический союз, и идеологические разногласия, переросшие в межгосударственную конфронтацию чуть было не обернувшуюся непоправимыми последствиями. Не будем здесь вдаваться в анализ причин такого рода перепадов, заметим лишь, что ошибки были допущены как с одной, так и с другой стороны.

К концу второй половины XX столетия ситуация стала меняться к лучшему, однако потребовалась политическая мудрость и воля руководителей двух стран, чтобы в калейдоскопе глобальных изменений найти именно ту формулу взаимоотношений, которая позволила бы оптимальным образом учитывать национальные интересы каждой из наших стран как на ближайшую перспективу, так и на будущее. В середине 90-х годов такая модель политических взаимоотношений России и Китая стала отчетливо вырисовываться и для Москвы, и для Пекина. Стороны осознали, что добрососедству альтернативы нет. Идеологические разногласия, полемика вокруг которых в течение нескольких десятилетий сводила на нет нормальные двусторонние связи, отошли в прошлое и перестали определять характер отношений двух государств. В 1992 г. Российская Федерация заключила с Китайской Народной Республикой соглашение об основах взаимоотношений, а в 1994 г. эти взаимоотношения были трансформированы в конструктивное партнерство, и взаимодействие между двумя странами вышло на качественно новый уровень. И в Москве, и в Пекине был сделан вывод: в XXI веке Россия и Китай должны быть стратегическими партнерами, всемерно развивать политический диалог, углублять взаимопонимание и взаимное доверие, наращивать масштабы сотрудничества, вместе решать практические вопросы двусторонних связей, оказывать друг другу поддержку в международных делах. Нынешнее состояние российско-китайских отношений отражает объективный ход истории наших стран и одновременно является результатом многолетних кропотливых и подчас нелегких усилий сторон по налаживанию партнерства. Россия и Китай стали друзьями, характер их взаимоотношений изменился коренным образом: они не противостоят друг другу, они стали подлинными партнерами, зрелыми, честными и открытыми. Все это потребовало новой правовой базы межгосударственных отношений — разработки договора основательного и всеобъемлющего, который смог бы отразить итоги развития нашего сотрудничества за последние годы, зафиксировать главные принципы и генеральные направления взаимодействия двух стран на продолжительную перспективу, передать последую-

щим поколениям эстафету добрососедства и дружбы. Вряд ли есть смысл пересказывать в настоящей статье содержание Договора. Его текст опубликован и прокомментирован в многочисленных откликах средств массовой информации. Договор ратифицирован парламентами обеих стран и вступил в силу с весны нынешнего года.

Нет сомнения в том, что первый год нашего сотрудничества после подписания Договора был для нас и китайских партнеров очень успешным. В 2001 г. достигнут рекордный в истории уровень товарооборота — почти 11 млрд долларов. Есть основания полагать, что в 2002 году он будет перекрыт. За январь-апрель текущего года объем двусторонней торговли составил 3 миллиарда 463 млн долл., увеличившись по сравнению с тем же периодом 2001 г. на 11,2%, в том числе экспорт России в КНР — 2566 млн долл. (рост на 7,6%), импорт России из КНР — 898 млн долл. (прирост на 23,1%).

Российская сторона в основном завершила контрактные обязательства по строительству в Китае ТЭС на основе соответствующего межправительственного соглашения. В настоящее время российские компании готовятся к участию в строительстве и модернизации еще ряда китайских объектов в области электроэнергетики. В частности, на последнем заседании Подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству китайские партнеры предложили приступить к переговорам о продолжении закупок российского энергооборудования для расширения мощностей ТЭС “Иминь” и “Цзисянь-Паньшань”, а также о поставках оборудования для новой ТЭС “Хуахуа”.

В соответствии с межправительственным Соглашением 1992 г. о сотрудничестве в сооружении на территории Китая АЭС и предоставлении государственного кредита ведутся работы на Тяньваньской АЭС — самом крупном объекте нашего взаимодействия. С конца 2000 г. начата поставка туда из нашей страны больших партий технологического оборудования. При российском участии организован выпуск ядерного топлива на двух газоцентрифужных заводах.

В практическую плоскость переведен вопрос о поставках в КНР российской авиатехники нового поколения. В ходе предыдущей регулярной встречи глав правительств двух стран (сентябрь 2001 г.) был подписан контракт на поставку в Китай пяти самолетов Ту-204 - 120 с опционом еще на 10 подобных машин. Существуют перспективы закупок Китаем также других видов российской гражданской авиатехники, в том числе самолетов Ил-96, Ил-76, Ил-103, Ил-144, Ту-214 и вертолетов Ми-171 в различных модификациях.

В плане наращивания поставок в Китай российской продукции, в том числе машинотехнической, наиболее перспективное направление — это энергетика. Стороны работают сейчас над крупными проектами строительства нефте- и газопроводов для поставок углеводородов из нашей страны в КНР, а также объектов топливно-энергетического комплекса на китайской территории (трубопроводы, подземные хранилища газа, оборудование для перевода автотранспорта на газовое топливо и др.). Другой перспективной сферой является двустороннее сотрудничество по высоким технологиям. Так, в г. Ньятай (пров. Шаньдун) и г. Цюйчжоу (пров. Чжэцзян) созданы базы освоения высоких технологий, где подготовлена соответствующая инфраструктура. В стадии изучения находится вопрос о создании на территории России российско-китайского технопарка.

Хорошие возможности для расширения взаимодействия открывает реализация принятой в Китае в конце 1999 г. программы ускоренного развития западных районов страны. По мнению китайских партнеров, прежде всего это относится к крупным инфраструктурным (транспорт, энергетика и др.) и экологическим проектам. Они приветствуют также участие российских организа-

ций в освоении на западе КНР богатых сельскохозяйственных ресурсов и месторождений нефти, газа, цветных металлов.

Намечены конкретные меры в области совместного освоения и использования лесных ресурсов.

Растет интерес китайских деловых кругов к размещению инвестиций в развитие в России телекоммуникационных сетей, к организации сборочных производств и поставкам в нашу страну продукции микроэлектроники и бытовой электротехники.

Надо признать, однако, что двустороннее сотрудничество в инвестиционной сфере остается пока на довольно низком уровне. На конец 2000 г. Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества КНР было санкционировано создание в России всего около 400 предприятий с китайским капиталом, объем же контрактных инвестиций сторон в эти предприятия составляет немногим более 250 млн долл. (речь идет о предприятиях в основном в таких сферах, как микроэлектроника, связь, сельское хозяйство, переработка леса, общественное питание, сборка бытовых электроприборов, торговля). Примерно такая же картина наблюдается и на территории Китая: к концу 2000 г. здесь насчитывалось около 1160 предприятий с российским капиталом, при общем объеме инвестиций свыше 230 млн долл. (ядерная промышленность, сборка и ремонт автомобилей и сельскохозяйственных машин, химическая промышленность, строительство).

У обеих сторон есть понимание того, что требуется существенно улучшить инфраструктуру торговли, включая банковскую, страховую, арбитражно-судебную и информационную составляющие, активно развивать транспортное обслуживание торговли, стандартизацию и инспекцию качества товаров. Без этого в перспективе невозможно будет обеспечить стабильное развитие двусторонних торгово-экономических отношений.

Подытоживая тему нынешнего состояния российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, следует отметить, что позитивные изменения в этой сфере во многом являются следствием эффективной работы механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая. Как известно, функционирует Комиссия по подготовке таких встреч, в ее составе действуют восемь отраслевых подкомиссий: по торгово-экономическому, научно-техническому, межбанковскому сотрудничеству, по ядерным вопросам, по связи и информационным технологиям, по сотрудничеству в областях энергетики, транспорта, космоса.

Важнейшее значение для развития полновесных российско-китайских отношений в настоящее время и на перспективу имеют все более расширяющиеся контакты между регионами двух наших стран, особенно это относится к приграничным районам. Уже сейчас 53 субъекта Российской Федерации установили прямые связи с провинциями и городами Китая. В течение прошлого года в рамках двусторонних обменов, а также в качестве участников различных конференций и международных выставок в десятках городов КНР побывали представительные делегации Башкортостана, Якутии, Красноярского края, Амурской, Калужской, Московской, Оренбургской, Томской, Сахалинской и Читинской областей, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. Летом 2001 г. в Хабаровске прошло заседание Постоянной рабочей группы по межрегиональному и приграничному сотрудничеству, в котором, как всегда, участвовали главы и руководители ряда администраций субъектов Российской Федерации и регионов КНР. В итоге заседания были приняты весьма конкретные решения, касающиеся основных направлений развития взаимосвязей. Важная роль в этом плане принадлежит еще одной совместной структуре — Координационному совету по приграничному и межрегиональному сотрудничеству.

Хотелось бы отметить хорошую динамику разнообразных контактов столиц двух стран. Одно из наиболее крупных мероприятий — это Неделя культуры Пекина, которая была проведена в Москве летом прошлого года. Активно взаимодействуют москвичи и пекинцы на уровне округов, городских ведомств и других организаций.

Одним из крупнейших торговых партнеров России на Дальнем Востоке является провинция Хэйлуцзян. Здесь наблюдается значительная активизация приграничного сотрудничества, а объем товарооборота одной этой провинции с Россией превысил в 2001 г. 2 млрд долларов. Не хочет отставать от Хэйлуцзяна и соседняя провинция Ляонин, где уже началась разработка специального плана наращивания экономического взаимодействия с российскими регионами, рассчитанного на ежегодное увеличение взаимных инвестиций и двустороннего товарооборота не менее чем на 50%. В августе 2001 г. в центре провинции Ляонин г. Шэньяне прошла российско-китайская ярмарка экспортно-импортных товаров. В ней приняли участие 100 предприятий из 11 городов России и более 150 компаний из 16 регионов КНР. В ходе работы ярмарки подписаны контракты на 10 млрд долларов. Проведение ярмарки способствовало установлению прямых связей российских деловых кругов со многими китайскими регионами, в том числе и не имеющими общей границы с нашей страной. Весной этого года там же была организована выставка новых технологий, которая стала одним из крупнейших мероприятий в этой области с участием российского бизнеса.

Руководство третьей провинции Северо-Восточного Китая — провинции Цзилинь — в последнее время также серьезно активизировало усилия по наращиванию внешнеэкономической инфраструктуры для взаимодействия с Россией. Особая роль здесь принадлежит Яньбянь-Корейскому автономному округу, граничащему с Россией и КНДР. В 2000 г. была открыта транзитная грузопассажирская линия Хуньчунь (КНР) — Зарубино (Россия) — Сокчхо (КНДР), которая призвана стать важным фактором развития региональных торгово-экономических связей между тремя странами. Между Сокчхо и Зарубино курсирует паром вместимостью 467 пассажирских мест и 130 грузовых контейнеров. В целом можно заключить, что, как показывает прогресс приграничных контактов, в расширении географии региональных обменов и у нас, и у китайских друзей налицо устойчивое понимание необходимости поиска новых форм двустороннего и многостороннего сотрудничества, более эффективного использования особенностей и преимуществ географического расположения дальневосточных регионов, возможностей транспортной инфраструктуры.

Весьма важным для развития региональных связей является вступление в силу в 2001 г. Межправительственного соглашения о временной трудовой деятельности российских граждан в Китайской Народной Республике и китайских граждан в Российской Федерации. Такая договоренность сторон должна способствовать совершенствованию взаимного предоставления трудовых услуг. В этом контексте хотелось бы отметить, что, к сожалению, в ряде российских СМИ время от времени появляются материалы на тему о существовании на Дальнем Востоке некой “китайской угрозы”. Между тем факты показывают, что среди десятков тысяч китайцев, работающих в российских приграничных регионах в качестве сезонных или временных рабочих, чрезвычайно мало лиц, нарушающих правила пребывания иностранных граждан в России. А пользу китайские рабочие приносят существенную: строят дома, школы, выращивают зелень и овощи, одним словом, выполняют ту трудоемкую и тяжелую работу, на которую у коренного населения в этих российских регионах рук не хватает. Вместе с тем, действительно существует вопрос о китайской нелегальной иммиграции, и закрывать глаза на это не следует. Из провинций китайского Се-

веро-Востока к нам едут те, кто хотел бы заниматься торговлей или другим бизнесом, однако, как показывает статистика, количество китайцев, пожелавших остаться на постоянное проживание, оказывается незначительным. Проблема здесь в том, что многочисленные нарушения визового режима обычно возникают в тех случаях, когда китайские граждане хотят продлить свое пребывание в России, а это сделать зачастую гораздо сложнее, чем, к примеру, заплатить разовый штраф. Но въезжали-то они на территорию России на законном основании.

Как представляется, этот вопрос возможно и нужно регулировать, и правоохранительные органы обеих стран ведут работу на этом направлении. Важно не запрещать гражданам КНР въезжать в Россию, а четко контролировать соблюдение ими правил пребывания в нашей стране, противодействовать не желанию ездить в нашу страну торговать и сотрудничать с нами, а нарушению паспортно-визового режима.

Что касается международного значения подписанного год назад "большого" российско-китайского договора, то это — весомый вклад в региональную и глобальную стабильность. Нетрудно заметить, как тщательно прописана его международная составляющая. И это не случайно, ведь в документе отражены созвучие, совпадение взглядов России и Китая на ключевые проблемы современности и наш настрой на совместную работу по укреплению мира, формированию нового демократического и справедливого миропорядка. По оценке президента России В.В.Путина, которую он высказал в недавнем интервью газете "Жэньминь жибао", "мы с Китаем предлагаем миру новую модель взаимоотношений государств, в которой сознательный отказ от формирования союза сочетается с самой тесной координацией усилий по отстаиванию общих интересов. Эта модель отношений предполагает полное равноправие партнеров, решение всех вопросов в духе взаимного равноправия".

Глубоко символично, что годовщина заключения базового межгосударственного Договора совпадает с другим знаковым событием — пять лет назад высшие руководители двух стран приняли Совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка. В этом документе было впервые официально озвучено перспективное видение нашими странами основополагающих азимутов мирового развития. Курс на построение многополюсной архитектуры мира прочно вошел в арсенал многовекторной внешней политики России, нацеленной на активное продвижение взаимовыгодного сотрудничества со всеми основными мировыми центрами.

Задача формирования широкого международного консенсуса в определении ориентиров постконфронтационного глобального развития — а в этом такие геополитические гиганты, как Россия и Китай могут сыграть консолидирующую роль — продиктована отнюдь не абстрактными понятиями о том, каким мы хотели бы видеть мир в XXI веке. Эта задача проистекает из насущных, можно сказать, сугубо прагматических потребностей человечества, которому сейчас приходится иметь дело с совершенно новыми по своим масштабам и проявлениям угрозами.

Искоренить международный терроризм во всех его видах, выстроить сбалансированные механизмы глобальной безопасности, продвигать вперед разоруженческий процесс, добиться перехода глобальной экономики к устойчивому росту в русле процессов глобализации — все эти и многие другие практические задачи невозможно решить в мире, разделенном на соперничающие военные группировки. Ведь негативные сценарии, к сожалению, вполне вероятны, если общепризнанные нормы международного права подменять "двойными стандартами", а исторически сложившееся богатство мозаики культурного, политического и экономического развития человечества попы-

таться перекраивать по лекалам единственной социальной и политической модели. Вот почему Москва и Пекин выступают за то, чтобы исключить из международной практики односторонние и прежде всего силовые действия, отказаться от рецидивов мышления “холодной” войны и претензий на достижение геополитического доминирования, придерживаться мирных, политических способов урегулирования международных споров и конфликтов. И в таком подходе ключевое место наши страны отводят Организации Объединенных Наций. Россия и Китай едины в том, что ресурс ООН используется далеко не полностью и что именно эта организация и ее Совет Безопасности должны играть центральную роль в решении фундаментальных международных проблем. Очень ценно, что эта задача записана в российско-китайском Договоре что называется “отдельной строкой”.

Проблематика построения сбалансированного и равноправного мира во многом благодаря тесной координации дипломатических усилий наших двух стран находит все большее отражение в повестке дня и таких представительных международных форумов, как Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Этим летом Шанхайской организации сотрудничества, так же как и новому российско-китайскому Договору, исполняется год. Совпадение по времени двух знаковых событий — “кодификации” базовых параметров сотрудничества двух наших стран и создания первой и пока единственной в Евразии юридически оформленной структуры многостороннего взаимодействия — не простая случайность. В перспективе ШОС призвана стать влиятельным центром притяжения политической, торгово-экономической и финансово-инвестиционной активности на пространстве от Балтики до Тихого океана, ареной широкого диалога цивилизаций и культур. Стоит заметить, что ШОС уже играет важную роль в поддержании стабильности в Центральной Азии. В рамках организации отлаживается уникальный по масштабам механизм укрепления военно-политического доверия и транспарентности. Документы, положившие начало “шанхайскому процессу”, — Шанхайское и Московское пятисторонние соглашения о мерах доверия в военной области и о сокращении вооруженных сил вдоль границы — прошли испытание на прочность. Не будет преувеличением сказать, что заключение российско-китайского Договора послужило импульсом к активизации взаимодействия в формате ШОС. Дальнейшее развитие получила ее многопрофильная направленность. Набирают обороты регулярные консультации министров иностранных дел, обороны, культуры, глав правоохранительных органов и спецслужб, руководителей ведомств, курирующих торгово-экономические вопросы и проблематику чрезвычайных ситуаций. Уже намечены конкретные направления совместных проектов в разных сферах. 7 июня в ходе Санкт-Петербургского саммита подписана Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Это завершило процесс становления ШОС как самостоятельной и полномасштабной международной организации.

В российско-китайском Договоре закреплен основополагающий принцип нашего взаимодействия — ненаправленность против третьих стран. Важно подчеркнуть, что ШОС, созданная при самом активном участии России и Китая, — это не замкнутый военно-политический блок, а, как было заявлено в Санкт-Петербурге, “открытое объединение без каких-либо умолчаний о своей деятельности”. Эффективность ШОС неразрывно связана с процессами и тенденциями, происходящими в глобальном измерении. Примечательно, что интерес к деятельности ШОС уже проявил целый ряд других стран. Необходимо, чтобы устойчивость, результативность и притягательность этой молодой многосторонней структуры, как и дальнейшее развитие российско-китайского взаимодействия на мировой арене в целом, шли в ногу с происходящими на наших глазах изменениями в мире.

Одной из насущных задач, без сомнения, является борьба с международным терроризмом, о котором россияне и китайцы, к сожалению, знают не понаслышке. Да и главный рассадник этого зла долгое время находился непосредственно у рубежей наших двух стран. Не может не обнадеживать, что записанное в Договоре обязательство Москвы и Пекина тесно сотрудничать в антитеррористической сфере уже находит практическое претворение. Основой здесь служит совпадение или близость подходов наших стран к этой проблеме. Мы настаиваем на недопустимости произвольного толкования проявлений терроризма, применения “двойных стандартов”, вмешательства во внутренние дела суверенных государств под предлогом борьбы с ним.

Плотный график российско-китайских контактов в этой сфере позволяет не только “сверять часы” при выработке согласованных позиций, но и предпринимать скоординированные или параллельные шаги по конкретным направлениям. Весомый вклад вносит в эту работу деятельность двусторонней межведомственной рабочей группы по противодействию новым вызовам. После того, как на саммите государств ШОС в Санкт-Петербурге был дан старт Региональной антитеррористической структуре, Россия и Китай, разумеется, намерены активно участвовать в этом во многом новаторском механизме координации и взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Вместе с китайскими партнерами мы рассматриваем такую работу как неотъемлемую часть общего курса двух стран на содействие обеспечению стратегической стабильности в мире. Ведь эта задача отдельно сформулирована в нашем Договоре.

Россия и Китай придерживаются сходных позиций по проблемам разоружения и контроля над вооружениями, нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Они выступают против планов создания национальных систем противоракетной обороны. На протяжении последних лет наши страны неизменно содействовали принятию Генеральной Ассамблеей ООН резолюций о необходимости сохранения и укрепления Договора по ПРО от 1972 г. как краеугольного камня сложившейся с таким трудом архитектуры глобальной безопасности. На Конференции по разоружению Россия и Китай выступили с совместной инициативой о запрещении милитаризации космического пространства. Если наши предложения примут характер полновесных международных обязательств, это станет серьезной победой миролюбивого и трезво мыслящего большинства международного сообщества в выработке подходов к обеспечению глобальной безопасности в наступившем столетии.

В духе закрепленного на договорной базе стратегического партнерства Москва и Пекин поддерживают интенсивный обмен мнениями по широкому спектру региональных проблем. Это и европейская безопасность, и тематика “третьего мира”, и урегулирование конфликтов в Африке. Можно констатировать, что и здесь в наших позициях много общего. Россия и Китай последовательно возражают против политики блокостроительства, в частности, расширения НАТО на Восток. Мы убеждены, что такие действия не могут способствовать построению долгосрочных и эффективных механизмов региональной безопасности.

Региональная проблематика — важное направление нашего взаимодействия в формате международных структур, прежде всего в рамках Генассамблеи и Совета Безопасности ООН. В числе недавних успехов — принятие важной резолюции по Ираку, вносящей новую модальность в развитие программы гуманитарного сотрудничества с этой страной. Здесь, как и по многим другим ключевым для международной безопасности вопросам, дипломаты двух стран не видят альтернатив политическим средствам урегулирования и призывают строго руководствоваться “буквой и духом” международного права, в том числе соответствующими резолюциями СБ ООН. С этих позиций наши страны выступают в отношении

конфликтов на Ближнем Востоке, индо-пакистанского противостояния, методов урегулирования афганской ситуации. Наше сотрудничество по Афганистану плодотворно развивается как в рамках “пятерки” постоянных членов Совета Безопасности и группы “6+2”, так и в формате других международных структур.

Не менее интенсивный диалог складывается между Россией и КНР и по проблеме стабильности в АТР. Москва и Пекин взаимодействуют в выработке регионального консенсуса относительно основополагающих подходов к обеспечению безопасности в регионе. Их планируется закрепить в разрабатываемой Декларации о руководящих принципах взаимоотношений в АТР “Тихоокеанское согласие”. Выполнение этой задачи позволит уберечься от столкновения интересов ключевых мировых держав, причудливым образом переплетающихся в этом “регионе XXI века”. Надо ли говорить о том, что это станет еще одним практическим шагом в реализации базового Договора — тех его положений, где речь идет о построении в сопредельных с нашими странами районах эффективных механизмов по обеспечению безопасности.

Вызовы, с которыми человечество столкнулось на рубеже веков, еще раз доказали известную истину — безопасность неделима, говорим ли мы о безопасности глобальной, региональной, национальной или о гарантиях прав личности на мирную, защищенную жизнь. Наша с Китаем позиция по правозащитной тематике хорошо известна: “гуманитарное вторжение”, оправдывается ли оно лозунгами защиты прав нацменьшинств или совершается под предлогом привития извне демократических ценностей, опасно своими последствиями прежде всего в правочеловеческом измерении.

В русле отношений партнерства и стратегического взаимодействия на представительных региональных и международных форумах китайская сторона неизменно поддерживает нашу политику по нормализации обстановки в Чеченской Республике, а российские представители противодействуют попыткам некоторых государств “ошельмовать” позицию КНР в тибетском или синьцзян-уйгурском вопросах. Так, во многом благодаря принципиальной позиции нашей страны, удалось заблокировать включение в повестку дня последней сессии Комитета ООН по правам человека в Женеве обсуждения китайской политики в этом вопросе.

Выше были затронуты лишь некоторые, наиболее важные аспекты развития российско-китайского партнерства за год, прошедший со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Но они, на мой взгляд, весьма отчетливо показывают, какие новые горизонты для нашего взаимодействия открылись после подписания этого документа. Нет сомнения, что это — документ долгосрочного исторического действия. Он подписан как минимум на 20 лет, и все мы полны уверенности, что он как бы “сшит на вырост”. И в Москве, и в Пекине дают самую высокую оценку нынешнему этапу российско-китайского сотрудничества. Как заявил Президент РФ В.В.Путин, в XXI век Россия и Китай вступили добрыми соседями и равноправными партнерами, настроенными на тесное долгосрочное партнерство. По мнению Председателя КНР Цзян Цзэминя, “плодами Договора будут пользоваться и наши дети, и наши внуки”.

Осязаемый положительный заряд Договора укрепляет уверенность в том, что в лице России и Китая мировое сообщество обрело мощную конструктивную силу, стоящую на защите базисных принципов международного права. Российско-китайское партнерство на деле становится важным фактором становления нового, демократичного миропорядка.

Широкие перспективы китайско-российских отношений

**(К первой годовщине заключения Договора о добрососедстве,
дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной
Республикой и Российской Федерацией)**

© 2002

Чжан Дэгуан

В июле прошлого года Председатель Цзян Цзэминь и Президент В.В.Путин подписали в Москве Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. В то время в качестве заместителя министра иностранных дел Китая я сопровождал Председателя Цзян Цзэминя в поездке в Россию и сам был свидетелем этого большого события в истории китайско-российских отношений. В течение менее чем полугода парламенты обеих стран успешно рассмотрели и ратифицировали Договор, стороны обменялись ратификационными грамотами, завершив тем самым всю юридическую процедуру в своих странах. 28 февраля 2002 г. Договор вступил в силу.

Считаю, что заключение этого Договора является своевременным и закономерным результатом развития китайско-российских отношений и имеет эпохальное значение для их долгосрочного развития в новом столетии.

За прошедшие 10 лет в результате непосредственной стимулирующей роли высших руководителей двух государств китайско-российские отношения в целом прошли три стадии развития: отношения, при которых мы "рассматривали друг руга как дружественные страны"; "конструктивные партнерские отношения" и равноправные, доверительные "отношения стратегического партнерства и взаимодействия", обращенные в XXI век. Отношения между двумя странами непрерывно развивались по восходящей линии, сотрудничество в различных сферах получало всестороннее развитие, с каждым днем углубляясь и принося ощутимые результаты: Договор обобщил и подытожил те достижения, которые были получены в разное время, на разных уровнях и в различных сферах, и закрепил их. Поэтому Договор вобрал в себя все лучшее, что было достигнуто между Китаем и Россией за 10 лет развития их отношений.

Как я считаю, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией ясно определил статус наших отношений как равноправных и доверительных отношений стратегического партнерства и взаимодействия. Он концентрированно отразил широкий круг интересов в развитии связей между Китаем и Россией и в международных делах, закрепил в юридической форме идею мира между народами двух государств, выраженную формулой "дружить из поколения в поколение, никогда не враждовать". Цен-

тральной идеей Договора является развитие долговременного и стабильного добрососедства и дружбы между двумя странами, а также взаимовыгодного сотрудничества на базе невступления в союз, непротивостояния, ненаправленности против третьих стран. Договор определил принципы быстрого, здорового, стабильного и непрерывного развития китайско-российских отношений и указал для этого направление. Заключение Договора означает, что китайско-российские отношения стратегического партнерства и взаимодействия вступили в новый этап постоянного обогащения и углубленного развития.

Любой договор или соглашение, наполненные даже самым превосходным содержанием, утрачивают свое значение для стимулирования отношений между двумя странами, если после их подписания они, как говорится, “кладутся под сукно”. С тех пор, как я занял пост посла, я непосредственно занялся развертыванием работы по воплощению в жизнь главной линии в китайско-российских отношениях, которую определил Договор. За прошедший год мы с удовлетворением констатируем, что сотрудничество между Китаем и Россией в различных областях развивается синхронно и весьма успешно, отличается большой активностью, а отношения между нашими странами поднимаются на новую ступень. В этом можно убедиться, учитывая следующее:

во-первых, все более возрастает взаимное политическое доверие между нашими странами.

За прошедший год Председатель Цзян Цзэминь и Президент В.В.Путин, используя различные формы, продолжали укреплять взаимные контакты и своевременно проводить углубленный обмен мнениями по вопросам международной обстановки и двусторонних отношений. Их личная дружба также стала еще более глубокой. Если учитывать широту и глубину сотрудничества по множеству проблем международной жизни, то Китай и Россия уже стали в этой сфере партнерами постоянного диалога и тесного взаимодействия. Состоялись визиты премьера Госсовета Китая Чжу Жунцзи, заместителя председателя Ху Цзиньтао, а также председателя Государственной думы России Г.Н.Селезнева и вице-преьера В.И.Матвиенко. Чрезвычайно активными были контакты и телефонные переговоры между министрами иностранных дел двух стран. 6 июня нынешнего года Председатель Цзян Цзэминь и Президент В.В.Путин вновь провели продуктивную встречу в период санкт-петербургской сессии Шанхайской организации сотрудничества. Считаю, что благоприятное развитие китайско-российских отношений полностью оправдало слова Председателя Цзян Цзэмина, произнесенные им в прошлом году в Московском государственном университете, а именно: “цель заключения Договора состоит в необходимости укрепления взаимного доверия”.

Во-вторых, постоянно расширяется взаимовыгодное сотрудничество, явно возрастают движущие силы общего развития сторон.

Китай и Россия отличаются мощной взаимодополняемостью с точки зрения природных ресурсов, науки и техники, товарной структуры и т.д. и потому двустороннее торгово-экономическое сотрудничество имеет гигантский потенциал. Заключение Договора открыло широкий простор для дальнейшего углубления этого сотрудничества. За прошедший год несмотря на то, что на двустороннюю торговлю явно повлияли замедление роста мировой экономики, сокращение инвестиций и торговли, а также другие неблагоприятные факторы, в ней по-прежнему происходило прорывное продвижение вперед. Согласно китайской таможенной статистики, объем китайско-российской торговли в 2001 г. достиг 10,67 млрд ам. долл. — рост на 33,3% по сравнению с предыдущим годом. Был достигнут прорыв по ряду крупных проектов сотрудничества, о которых стороны договаривались в течение многих лет, например, о закупке российских гражданских самолетов, прокладке нефтепроводов и т.д. Китайская

сторона активно стимулирует усиление сотрудничества китайских предприятий с Россией в области бытовой электротехники, связи, лесного хозяйства и в других областях. Недавно, в апреле с.г. 100 российских предпринимателей посетили Китай и во время этого визита стороны заключили целую серию новых соглашений о сотрудничестве. Предприниматели двух стран сделали еще один шаг в понимании ситуации в двух странах и друг друга. Торгово-экономические связи между Китаем и Россией обрели прекрасные перспективы развития.

Заключение Договора подняло на новый этап развитие китайско-российского научно-технического сотрудничества. В этой сфере достигнут существенный прогресс как по размаху, так и по глубине и эффективности взаимодействия. В 2001 г. в Китае стороны создали “Чжэцзянский китайско-российский научно-технический парк Цзюйхуа” и “Хэйлунцзянский центр китайско-российского научно-технического сотрудничества и внедрения его результатов в производство.” Официально начал осуществляться проект совместного создания “Китайско-российского научно-технического парка”. Научно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией постепенно вступает в новый этап, характеризующийся равноправием и взаимной выгодой, упорядоченностью и новаторством.

За прошедший год имели место обмены и сотрудничество между армиями двух стран, охватившие высокие сферы и отличавшиеся включением в них многих систем и многих областей. Состоялся обмен визитами министров обороны и начальников генеральных штабов. Постоянно усиливается сотрудничество армий Китая и России в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Обе стороны осуществляли постоянные контакты и достигли позитивных результатов в общей борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, этими “тремя темными силами”, а также в поддержании регионального мира и стабильности.

Ограниченное военно-техническое сотрудничество осуществлялось сторонами на базе скрупулезного соблюдения соответствующих международных договоров и путем принятых в международном сообществе методов. Это сотрудничество не было направлено против третьих государств и не представляло угрозы для какой-либо страны.

Всестороннее здоровое развитие получили благодаря Договору консульские связи между Китаем и Россией. Во время взаимных поездок граждан двух стран успешно претворялось в жизнь визовое соглашение. Оно играет позитивную роль для упорядочения этих поездок. В ноябре прошлого года министерства иностранных дел двух стран провели консультации по консульским вопросам, и взаимное сотрудничество между заинтересованными ведомствами и аккредитованными за рубежом организациями получило значительное развитие. 25 апреля 2002 г. министры иностранных дел наших стран подписали китайско-российский Консульский договор, который является базовым программным документом, призванным регулировать развитие консульских связей между двумя странами на достаточно продолжительную перспективу.

В-третьих, благодаря активному развертыванию культурных связей и укреплению взаимопонимания между народами наших стран великое древо китайско-российской дружбы все заметнее растет и зеленеет всеми своими ветвями.

Я долгие годы внимательно следил за Россией и неизменно считаю, что культура России по своему богатству не уступает богатству ее природных ресурсов. Китайский народ питает к ней глубокие чувства и ощущает влияние богатой и глубоко духовной российской культуры. Многие прекрасные произведения из сокровищницы этой культуры формировали и воспитывали целые поколения китайцев. Российский народ также испытывает высокий интерес и

восхищается китайской культурой, имеющей блестящую историю. За год, прошедший после заключения Договора, рамки культурных обменов между нашими странами еще более расширились, их интенсивность возросла, каналы обменов умножились, а формы стали еще более многообразными. В прошлом году массы москвичей после полувекового перерыва получили возможность полюбоваться китайским национальным достоянием — гигантской пандой. Благодаря инициативе Китайско-российского комитета мира, дружбы и развития молодежь двух стран также совершала взаимные поездки. В результате этих исполненных общего энтузиазма и непринужденности контактов обе стороны получали более полное впечатление от содержательных визитов друг к другу. Недавно китайская сторона с большим успехом провела в Москве и Санкт-Петербурге Неделю китайского кино. А осенью этого года российская сторона проведет в Китае Неделю российского кино. Проведенная в апреле текущего года в Пекине первая встреча министров культуры Шанхайской организации сотрудничества показала, что многосторонние культурные обмены, в том числе между Китаем и Россией, будут придавать двустороннему сотрудничеству новые движущие силы и формы. Эти культурные обмены углубляют взаимопонимание двух народов, укрепляют социальную базу развития отношений между нашими государствами.

В-четвертых, две стороны прилагают совместные усилия в целях дальнейшего укрепления стратегического взаимодействия в интересах всеобщего мира и развития.

На плечах Китая и России, двух великих держав, обладающих значительным влиянием в мире и являющихся постоянными членами Совета безопасности ООН, лежит выполнение важной миссии по защите мира и стабильности во всем мире. В прошедшем году две державы осуществляли плодотворное сотрудничество в поддержании глобального стратегического равновесия и стабильности, в урегулировании региональных горячих точек, в отстаивании авторитета Совета безопасности и в других вопросах. В этих целях они проводили между собой консультации, диалог и координацию действий. После событий 11 сентября между двумя сторонами развернулось весьма успешное сотрудничество в новой области — в области борьбы с терроризмом. Обе страны выступили против терроризма, какие бы формы он ни принимал, и за его разгром, поддержали друг друга в борьбе с террористическими силами "Восточного Туркестана" и Чечни. Развитие ситуации постоянно подтверждало, что тесная координация и сотрудничество Китая и России по важным международным и региональным вопросам является серьезным фактором в защите мира во всем мире и содействии общему развитию.

Китай и Россия являются друг для друга крупнейшими соседями, самой судьбой им предопределено жить вместе, они обречены на мирное сосуществование. Как говаривали в древнем Китае, "богатство страны — это приверженность гуманности и дружбе с соседями". По моему мнению, это — справедливейшая истина, верная для всех стран и народов. Весьма отраднo, что благодаря многолетним усилиям обеих сторон и особенно благодаря новой энергии, которую вдохнул Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в достижение этой цели, о которой мечтали, уже стало реальностью.

Китайско-российские отношения прочно зиждятся на фундаменте основополагающих норм межгосударственных отношений — взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Исходным пунктом для наших отношений служит удовлетворение интересов народов двух стран и отстаивание мира и безопасности во всем мире; носителем наших отношений являются механизмы дву-

стороннего и многостороннего сотрудничества, а их ускорителем — взаимное политическое доверие и взаимовыгодное сотрудничество, подчиненные и служащие основной цели — экономическому строительству в обеих странах. Этот новый тип межгосударственных отношений, учитывающий как существующее положение, так и устремленность в будущее, воплощает в себе новую концепцию безопасности. Эта концепция реализуется в процессе сотрудничества, ведения диалога, установления взаимного доверия, утверждения принципа взаимной выгоды и развития. Новая концепция безопасности идет в ногу с эпохой, отвечает интересам обоих государств, воплощает в себе чаяния наших народов, а потому обладает мощной жизненной силой.

В общем, китайско-российские отношения уже обрели ясное направление своего развития, а именно, равноправные и доверительные отношения стратегического взаимодействия и партнерства. Эти отношения имеют крепкую политическую базу, строящуюся на принципах, содержащихся в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Отношения между Китаем и Россией уже располагают эффективным механизмом их обеспечения, а именно, механизмом регулярных встреч, созданным главами и премьерами двух государств, а также многосторонним механизмом Шанхайской организации сотрудничества. У нас есть все основания быть уверенными, что в новом столетии китайско-российские отношения обязательно будут и дальше существенно обогащаться и углубляться, продолжать служить на благо двух стран и народов и будут вносить новый вклад в дело обеспечения всеобщего мира, стабильности и развития.

Как Чрезвычайный и Полномочный Посол Китая в России, руководствуясь Договором, я буду усердно трудиться рука об руку с российскими друзьями в интересах развития китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства, ради подъема на новую ступень торгово-экономического сотрудничества между нашими странами, содействовать тому, чтобы обмена двух стран в области культуры, образования и в других гуманитарных сферах были еще более плодотворными. Я буду вносить свой вклад для того, чтобы укрепление взаимопонимания и доверия между народами двух стран в еще большей степени выразалось в конкретных делах.

Перевод с китайского языка В. Барышникова

Северная Корея и китайская модель реформ и развития

© 2002

Пак Ду Бок

Визит Ким Чен Ира в Пудун — признак стремления к реформе?

Главный вопрос, которым мы задаемся в связи с переменами в Северной Корее, — смогла бы она принять сформировавшуюся за истекшие 20 лет модель реформ и развития китайского типа. В данной статье предпринята попытка оценить проявляющуюся в последнее время волю Северной Кореи к открытости и реформам и рассмотреть, в какой степени китайская модель реформы и развития может применяться в Северной Корее, если она начнет реальное движение по этому пути.

Сперва Северная Корея демонстрировала позитивное отношение к политике открытости и реформ в Китае. Когда же там выдвинули «теорию начальной стадии социализма» и принялись проводить реформы в весьма радикальном направлении, Пхеньян пересмотрел свою позитивную оценку. Установление дипломатических отношений между Китаем и Южной Кореей в 1992 г. еще более ослабило доверие Северной Кореи к Китаю. Свидетельством резкого неприятия ею несоциалистических элементов китайских реформ была передовая статья, опубликованная 1 июня 1999 г. в газете «Нодон Синмун» и журнале «Кыллочжа», в которой указывалось, насколько важно «в зародыше искоренять несоциалистические элементы». Таким образом, Северная Корея отвергла «теорию начальной стадии социализма» и «теорию социалистической рыночной экономики», то есть идеологическую основу, разработанную китайскими реформаторами для того, чтобы ввести в экономику несоциалистические элементы, жизненно необходимые для развития социалистического производства и повышения социалистической производительности.

Более того, Северная Корея до сих пор квалифицировала как несоциалистическое то «раскрепощение сознания», которое, как подчеркивали китайские реформаторы, дало им возможность отойти от прежней маоистской системы идей, создававшей серьезные препятствия на пути рыночных реформ в Китае.

Однако есть основания полагать, что визит Ким Чен Ира в Пекин в мае 2000 г. положил начало серьезным изменениям в негативном отношении Северной Кореи к китайской политике реформ. Об этом свидетельствуют позитивная оценка китайской политики реформ, которую Ким Чен Ир высказывал руководству Китая в ходе своего визита в Пекин, а также благожелательное освещение китайских реформ в северокорейских средствах массовой инфор-

мации после его возвращения в Пхеньян (как и сама его проведенная втайне поездка в Китай).

Но если во время визита в Пекин в мае 2000 г. Ким Чен Ир все еще оценивал китайскую политику реформ в примитивных и весьма абстрактных формулировках, то в ходе его поездки в шанхайский район Пудун в январе 2001 г. его оценки по этому вопросу были более основательными и имели развернутый характер, представляя шаг вперед к «оценке курса реформ» в целом.

Реализация проекта развития района Пудун началась в Китае в 1992 г. В каком-то смысле его можно рассматривать как продукт системы социалистической рыночной экономики — той самой системы, задача создания которой была выдвинута в качестве главного направления китайской экономической реформы и которую Северная Корея столь определенно и целиком отвергала первоначально. В этом свете визит Ким Чен Ира в Пудун знаменует собой фундаментальную перемену в отношении Северной Кореи к проводимой Китаем политике реформ. В то же время данный визит возможно определить как «событие огромной важности», которое предвещает грядущие значительные изменения в северокорейском обществе.

Более того, с начала 2001 г. Северная Корея демонстрирует новые подходы к идеологии и «новое мышление», что можно расценить как желание отойти от прежнего набора застывших оценок по поводу политики открытости и реформ. Нынешние призывы в северокорейском обществе к «новому мышлению» можно считать значительным изменением по сравнению с прежней критикой, как несоциалистического явления, приветствуемого в Китае «раскрепощения сознания». Таким образом, можно расценивать визит Ким Чен Ира в Пудун как шаг, символизирующий «новое мышление» Пхеньяна.

Возможности применения китайской модели в Северной Корее

Китайская модель реформы и развития, т.е. курс Дэн Сяопина, сводится к формуле «единый центр и две опоры». В данном случае «единый центр» означает развитие социалистического производства (то есть экономическое развитие) в качестве национальной цели. «Два базовых пункта», на которых зиждется «единый центр», предусматривают приверженность как реформам, так и четырем основным принципам — сохранение социалистического пути; марксизм-ленинизм и маоизм (идеи Мао Цзэдуна. — Ред.); демократическая диктатура народа и руководство Коммунистической партии Китая (КПК).

Если рассматривать «две опоры» в отрыве от «центра», они могут показаться противоречащими друг другу, ибо второе может служить препятствием для реализации первого, предусматривающего реформу и открытие рынка.

Дэн Сяопин, однако, понимал соотношение между «единым центром и двумя опорами» как дополнительную диалектическую связь между тезой, антитезой и синтезом, и его подход разделяют другие китайские реформаторы. Иными словами, поскольку реформа, к которой стремится Китай, представляет собой процесс, неминуемо сопровождаемый сильнейшим шоком, — в частности, переходом от системы плановой экономики к рыночной системе — то, по мнению реформаторов, для последовательной и упорядоченной трансформации необходимы сильное руководство со стороны центральной власти и политическая и социальная стабильность в стране. В свою очередь, приверженность четырем основным принципам выступает наиболее важным фактором в обеспечении политической и социальной стабильности и сильного руководства.

С другой стороны, китайская модель реформы, основанная на «едином центре и двух опорах», является «левацкой в политическом плане и правоуклонистской в экономическом плане», ибо предусматривает активные и качественные изменения, направленные на преодоление факторов неэффективности

и низкой эффективности в сфере экономики, однако в то же время не допускает никаких перемен в сфере политики. В этом в основном и состоит ее отличие от подхода, принятого в бывшем СССР и в России, который нацелен на одновременное проведение всеобъемлющей реформы по всем направлениям как в политической, так и в экономической областях.

Очевидно, китайская модель реформы и развития максимально ограничивает изменения в политической сфере и при этом сохраняет и укрепляет социалистическую однопартийную систему, созданную Компартией Китая. В то же время она обеспечила высокие темпы экономического роста, достигнутые благодаря преодолению структурных факторов экономической неэффективности посредством таких качественных изменений, как развитие рыночной экономики и использование других методов капиталистической экономики. На протяжении последних 20 лет эта модель обеспечивает Пекину впечатляющие успехи, которые прогнозируются и на достаточно длительную перспективу в будущем. У Северной Кореи также не остается иного выбора, кроме как приступить к программе структурных преобразований, которые позволили бы искоренить присущую ее экономической системе неэффективность, возродить практически несостоятельную экономику и в то же время сохранять основы существующей однопартийной социалистической системы. Именно поэтому Северная Корея не может не проявлять глубокого интереса к китайской модели реформы и развития.

Однако нынешняя ситуация в Северной Корее разительно отличается от той, что была в Китае, когда там началось осуществление политики реформ и открытости. Как показано ниже, эти различия, по-видимому, будут создавать для Пхеньяна определенные ограничения в применении китайской модели в неизменном виде.

Во-первых, китайский курс реформ является продуктом серьезной борьбы двух линий. После кончины Мао Цзэдуна в 1976 г. разгорелась острая борьба между консерваторами, которые требовали продолжать осуществление его идей, и силами реформаторов, которые выступали за глубокую трансформацию. Основа для проведения реформы было создана благодаря победе реформаторов и принятию соответствующей резолюции на третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г., а главной движущей силой, которая обеспечила их победу и признание необходимости реформ, фактически послужила «культурная революция». Именно, «культурная революция» посеяла в умах китайцев убежденность в том, что для прогресса страны и решения стоящих перед ней проблем необходимо полностью отречься от маоистской линии и маоистской философии. Таким образом, представление о дальнейшей невозможности развития Китая в соответствии с радикальной социально-экономической и политической философией маоизма распространилось на общенациональном уровне и обусловило рождение реформы как новой тенденции в китайском обществе. В этом смысле у Северной Кореи нет такого мощного стимулятора реформ, каким оказалась «культурная революция» в Китае.

Более того, в Китае реформы проводятся под руководством элиты, представленной жертвами «культурной революции», наиболее пострадавшей при маоистском режиме. Этот факт вдохновлял их на проведение реформы с четким осознанием этой своей миссии. Мало того, что Северная Корея не пережила событий, аналогичных «культурной революции» в Китае, —высшая элита нынешнего режима в Пхеньяне представляет собой класс с собственными интересами: несмотря на практическое банкротство экономики, этот класс имеет вполне комфортные условия жизни и потому, по всей вероятности, будет противодействовать динамичным реформам.

Кроме того, между Китаем и Северной Кореей существует коренное различие в процессах принятия политических решений, необходимых для реализации программы реформ и открытости. В то время как Северная Корея представляет собой авторитарную систему, в Китае действовала система коллективного руководства и разделения власти, которая уравнивалась усилиями Дэн Сяопина. Таким образом, процесс выработки политики являлся не отражением авторитарных решений Дэн Сяопина, а коллективным процессом принятия решений, требовавшим компромиссов и определенного времени для сглаживания многочисленных конфликтов и разногласий. Хотя Китай, вероятно, и сталкивался с трудностями в процессе принятия политических решений, главное достоинство его системы состояло в том, что она позволила китайскому руководству обеспечить законность, реалистичность, стабильность и длительную жизнеспособность своей политики. С другой стороны, преимущества аналогичного процесса в авторитарной системе Ким Чен Ира заключаются в возможности принятия простых, легких и быстрых решений. Однако сама политика в Северной Корее, разумеется, требует не меньшей стабильности, легальности и реалистичности, чем в Китае.

Во-вторых, различие между двумя странами состоит в том, что в Северной Корее Ким Чен Ир обладает абсолютным правом на интерпретацию идей чучхе, в то время как в Китае Дэн Сяопин не имел возможности обеспечить себе подобную монополию на интерпретацию маоизма. Поэтому у Дэн Сяопина не было иного выбора, кроме как практиковать крайне осторожный и осмотрительный подход к пересмотру и коррекции идей и политики предыдущего руководства. Иными словами, пересмотр прежних систем, идей и политики при отсутствии идеологических механизмов для обеспечения такого пересмотра всегда создавал для Дэна опасность нападков со стороны консервативных сил. Поэтому он шел по обходному пути создания идеологической системы или структуры, дававшей возможность узаконивать и обосновывать каждый случай пересмотра или коррекции (в форме партийных решений) перед его осуществлением на практике.

Наилучшими примерами таких обходных маневров служат выработанные Дэном концепция «развития идей Мао Цзэдуна» (она появилась на свет перед ревизией маоизма), а также «теория о начальной стадии социализма» и «теория социалистической рыночной экономики» — все они сформулированы перед допуском несоциалистических (то есть капиталистических) элементов, столь остро необходимых для повышения производительности.

С другой стороны, Ким Чен Ир обладает абсолютной монополией на интерпретацию идей чучхе; поэтому в Северной Корее их пересмотр или адаптация к любой идее или политическому курсу руководства возможны в любой момент, и при этом нет необходимости искать обходные пути, как это делалось в Китае.

В Северной Корее, где Ким Чен Ир является официальным наследником идей чучхе, их полное отрицание вело бы к «самоотрицанию», и потому возможность для любого их пересмотра или коррекции, по-видимому, весьма ограничена. Однако, если бы Пхеньян решился на политику открытости и реформ и если бы она оказалась в конфликте с идеями чучхе или потребовала бы их ревизии, то не следует исключать, что Пхеньян пересмотрел бы эти идеи во имя «развития» — так, как это сделал Китай.

Третье различие заключается в том, что в Китае политика реформ и открытости продуманно осуществлялась постепенно. Можно предположить, что по причинам огромной территории страны, а, возможно, и в результате опыта «культурной революции», горячее стремление китайского народа к политической и социальной стабильности служит препятствием любым радикальным

реформам, способным вызвать хаос. Политику постепенных преобразований в Китае начали осуществлять с открытия нескольких зон (четыре особые экономические зоны, открытые в 1980 г.) и прибрежных районов (открытие 14 портовых городов на восточном побережье в 1984 г.). Затем последовало открытие всей страны — сначала в 1888 г. всего морского побережья (восточные прибрежные районы общей площадью 330 тыс. кв. км) и в 1992 г. — городов, расположенных по течению главных рек (таким образом произошли открытие и интеграция в виде единой системы прибрежных, приграничных и внутренних районов).

Помимо того, что Северная Корея гораздо меньше Китая, она не имеет опыта, сопоставимого с китайской «культурной революцией», и потому лишь в ограниченной степени сможет применять китайский постепенный подход в его чистом виде. В частности, в Северной Корее будет трудно найти подходящее место (каким был, например, район Шэньчжэня в Китае), где имеются благоприятные условия для рыночных реформ и где правительство сможет минимизировать их последствия для политической системы. В этой связи Ким Чен Ир у предстоит сделать шаг, для которого понадобится еще больше мужества, чем в свое время требовалось Дэн Сяопину.

Кроме того, между Китаем и Северной Кореей сохраняется большая разница с точки зрения доли работоспособного населения. В Китае население, занятое в сельском хозяйстве, составляет 70 процентов от всех трудовых ресурсов страны, в то время как в Северной Корее — менее 30 процентов. В Китае реформа началась с экономической системы в сельском хозяйстве и уже затем была распространена на городскую экономику. Подъем экономики сельского хозяйства Китая, который начался со структурной реформы введения системы производственной ответственности и был продолжен через индустриализацию сельскохозяйственного производства, создал основу для развития всей экономики страны. Едва ли Северная Корея при ее относительно низкой доле сельского населения способна применить такую модель развития в неизменном виде.

И последнее различие — это во внешней ситуации для осуществления политики реформ и открытости: у Северной Кореи она явно отличается от внешней ситуации Китая конца 1970-х — начала 1980-х годов. В тот период Китай нормализовал дипломатические отношения с США, и внешняя среда благоприятствовала его сотрудничеству с Западом. Отношения между Северной Кореей и США по сей день не нормализованы, и, учитывая жесткий подход администрации Буша к Пхеньяну, нельзя исключать возможность их дальнейшего ухудшения. Таким образом, перспективы поддержки северо-корейской программы реформ и открытости со стороны Запада (или «международных организаций») остаются весьма неопределенными.

Более того, экономический рост и процветание Тайваня играли позитивную роль катализатора в реализации рыночных реформ в Китае и особенно в развитии его приморских районов. Несмотря на явный разрыв в экономическом развитии, Китай всегда превосходил Тайвань в плане совокупной национальной мощи, включающей такие параметры, как население, территория и военный потенциал. Поэтому обмены с Тайванем и открытость по отношению к Тайваню оказывали ограниченное влияние на ситуацию в Китае, и Китай не испытывал опасений по поводу кризиса, возможного в случае объединения путем поглощения. Северная Корея, напротив, не может не учитывать возможность объединения путем поглощения или другие негативные последствия, которые несет режиму резкая активизация контактов между Севером и Югом Кореи. Кроме того, застой в экономике Южной Кореи после финансового кри-

зиса 1997 г. также препятствует развитию делового проникновения южнокорейских компаний в Северную Корею.

Выводы

Визит Ким Чен Ира в Пудун можно расценивать как событие, предвещающее крупные перемены в северокорейском обществе. Похоже, он означает не просто поворот позиции Северной Кореи в направлении китайского курса реформ и открытости, но и символический шаг, добровольно предпринятый Северной Кореей для выражения своего стремления к переориентации собственной политики.

Если Северная Корея пойдет по пути рыночных реформ и открытости, она в широкой перспективе будет проявлять неизбежный интерес к китайской модели реформ и развития, благодаря которой Китаю удалось свести к минимуму изменения в политической системе и в то же время достичь высоких темпов экономического роста. На заре реформ в Китае Дэн Сяопину при разработке «китайской модели» пришлось пройти через многочисленные трудности, конфликты, пробы и ошибки, и сейчас Северная Корея могла бы использовать китайскую модель как своего рода путеводитель или компас.

Как и в Китае, реформы, которые будет проводить Северная Корея в будущем, станут «реформами и переменами сверху», а не «снизу». Дэн Сяопин, ревизовав маоизм, «подогнал» его под политику китайских реформаторов (это было сделано во имя «развития» и при использовании методологического языка и авторитета Мао Цзэдуна), и Ким Чен Ир также вполне может (хотя и иными средствами) переформулировать идеи чучхе таким образом, чтобы они соответствовали его новой политике во имя «развития».

Однако в более близкой перспективе явные различия между ситуациями и условиями Китая и Северной Кореи станут ограничивать применение чисто китайской модели в Северной Корее. Следовательно, Пхеньяну придется искать такую модель развития, которая включала бы китайскую модель и одновременно отражала нынешнюю ситуацию Северной Кореи. Благодаря позитивной оценке Ким Чен Иром в ходе визита в Пудун китайской реформы, произошедшее в Шанхае было поднято на уровень «оценки курса» — как фактическое одобрение Северной Кореей всей политики реформ в Китае и китайской модели реформы. Если ранее Китай не играл никакой роли в развитии открытости и реформ в Северной Корее, ибо последняя рассматривала новую политику Пекина как неприемлемую для себя, то теперь, когда Северная Корея позитивно оценила китайский курс на реформы — по крайней мере, данный курс как таковой, — роль Пекина в выработке политики реформ и открытости Пхеньяна, по всей вероятности, будет расти.

Центральным фактором, который способствовал бы развитию и гарантировал бы развитие дальновидной активной позиции Северной Кореи в решении проблем Корейского полуострова, не может стать ничто кроме изменений в северокорейском режиме. Следовательно, Южной Корее следует тесно сотрудничать с Китаем в создании условий, необходимых для обеспечения реформ и открытости Северной Кореи.

Перевод с английского Т. Каргановой

Япония и государства Корейского полуострова

© 2002

А. Шлындов

Корейский полуостров в силу его географической близости к Японии традиционно имеет первостепенное значение в обеспечении японских национальных интересов в экономической, политической, военно-стратегической и других сферах. Тем не менее во всем комплексе аспектов политики Японии в отношении двух корейских государств — КНДР и Республика Корея волей исторических судеб образовавшихся на пространстве Корейского полуострова, особенно важное место занимают интересы обеспечения военной безопасности Японии.

Япония и КНДР

На протяжении всей послевоенной истории Япония рассматривала ситуацию на Корейском полуострове как одну из серьезных потенциальных угроз своей безопасности. Эта угроза, в трактовке правящих кругов страны персонифицируемая Северной Кореей, в процессе развития военно-политической обстановки в мире и регионе безусловно подвергалась существенной трансформации. Однако для Токио она не меняла своей сути. До окончания «холодной войны», распада СССР и краха социализма на большей части евразийского континента исходящая с Корейского полуострова угроза Японии истолковывалась с позиции глобального противостояния противоположных социально-политических систем, возглавляемых двумя сверхдержавами. Она рассматривалась в Токио с учетом договорных обязательств СССР и Китая по оказанию военной поддержки КНДР как некая комбинированная идеологическая и военная угроза. Однако в условиях относительной стабильности, обеспечивавшихся примерным равенством военных потенциалов СССР и США, степень реализуемости этой угрозы, т.е. возможность ее превращения из потенциальной в реальную, оставалась невысокой, и японское руководство отдавало в этом себе полный отчет, довольно умело используя указанное обстоятельство в своей внутренней и внешней политике. В отличие от СССР и США, а также КНР, КНДР и Южной Кореи, Японии удавалось избежать милитаризации экономики и обходиться весьма умеренными ассигнованиями на нужды национальной обороны, концентрируя свои усилия на экономическом развитии.

Как ни парадоксально, распад СССР и прекращение «холодной войны» способствовали лишь изменению характера исходящей с Корейского полуострова угрозы для жизненно важных интересов Японии при значительном возрастании ее уровня и степени реализуемости. Это было связано с тем, что в результате нормализации отношений Китая и тогдашнего СССР с Республикой Корея, а также фактического отказа советского, а впоследствии и российского руководства от Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, подписанного меж-

ду СССР и КНДР в 1970 г., был значительно ослаблен рычаг воздействия на Пхеньян. Последний стал еще более неуправляемым и непредсказуемым. Ситуация усугублялась тем, что в это время КНДР начала демонстративно проводить масштабные работы по созданию собственного ядерного оружия и средств его доставки в виде баллистических ракет. При этом шантаж, возведенный в ранг официальной политики, стал одним из главных элементов его стратегической линии в отношении Японии, США и Южной Кореи.

В Японии об усилении северокорейской угрозы заговорили в начале 90-х годов, когда достоянием разведывательных служб США, Японии и Южной Кореи стали факты, свидетельствующие о наличии в КНДР программы создания оружия массового поражения, включая ядерное, и баллистических ракет. Обеспокоенность Японии в связи с ведущимися в Северной Корее работами по созданию ядерного оружия и его носителей достигла своего пика на рубеже 1993–1994 гг., когда завершились провалом попытки США и ООН убедить северокорейский режим разрешить инспектирование его ядерных объектов экспертами МАГАТЭ с тем, чтобы предоставить международному сообществу доказательства их неиспользования в военных целях. Фактически одновременно с этим в интересах усиления психологического воздействия Пхеньян заявил о своем желании выйти из режима Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Серьезность таких намерений он подкрепил тем, что в апреле 1994 г. демонстративно демонтировал стержни из отработанного ядерного топлива в исследовательском реакторе в г. Енбён, которые правилами МАГАТЭ разрешались к использованию как непригодные к созданию оружейных расщепляющихся материалов, заменив их на другой тип. Эта специально спланированная акция давала веские основания подозревать, что новые стержни используются для наработки оружейных расщепляющихся материалов.

Хотя решающее значение в разрядке сложившейся кризисной ситуации безусловно имели США, тогдашний президент которых Дж. Картер встретился с северокорейским лидером Ким Ир Сенем, достигнув с ним принципиальной договоренности, обеспечившей в октябре 1994 г. возможность подписания так называемого рамочного соглашения между США и КНДР, роль Японии в этом деле также была весьма значительной. Она, в частности, выступила с идеей налаживания японо-американо-южнокорейского сотрудничества в рамках создаваемой для реализации договоренности между Вашингтоном и Пхеньяном некоммерческой Организации содействия развитию энергетики на Корейском полуострове (KEDO)*, призванной реализовать на практике основные условия рамочного соглашения, которое предусматривало отказ Пхеньяна от реализации своей ядерной программы и соблюдения им буквы и духа Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В контексте указанной договоренности Южная Корея брала на себя обязательство поставить КНДР легководные реакторы, Япония — обеспечить частичное финансирование проекта, а США — обеспечивать потребности Северной Кореи в мазуте вплоть до времени введения этих установок в строй действующих. (При общей стоимости

* Организация содействия развитию энергетики на Корейском полуострове стала не только структурой, ответственной за реализацию проекта и обеспечение безопасности работы реакторов до их передачи КНДР, но и взяла на себя определенные посреднические функции по координации усилий заинтересованных сторон по налаживанию контактов между КНДР и Республикой Корея. В частности, в актив этой организации можно записать и последнюю договоренность об открытии в 2002г. между Севером и Югом Корейского полуострова прямого воздушного пути, который будет пролегать над акваторией Японского (Восточного — согласно корейской топонимики) моря. Намечалось, что в июле 2002г. первый самолет с пассажирами и грузами KEDO приземлится в аэропорту Янгъан северокорейской провинции Канвондо.¹

проекта, равной 4,6 млрд долл., Южная Корея выделяла на его реализацию 3,22 млрд долл., Япония — около 1 млрд долл.). Сразу же после создания указанной структуры между Японией и Северной Кореей было заключено отдельное соглашение о поставках комплекта оборудования для строительства двух атомных энергетических установок с реакторами на легкой воде.

Другой важной причиной беспокойности Японии стала так называемая ракетная угроза со стороны Северной Кореи, связанная с реализацией Пхеньяном программы создания баллистических ракет. Вкупе с ядерными амбициями эта программа также имела своей целью усилить позиции КНДР на переговорах с США, Южной Кореей и Японией с тем, чтобы обеспечить наиболее благоприятные для себя условия решения всех стоящих в их повестке дня вопросов. Однако основу главных стратегических расчетов северокорейского руководства в отношении вышеназванных государств, и в особенности Японии, составляло стремление добиться максимальных финансовых вливаний в находящуюся на грани развала экономику страны в обмен на отказ от реализации указанных программ.

Предназначаясь для решения проблем, существующих между Пхеньяном, с одной стороны, и Вашингтоном и Токио — с другой, эта стратегия имела своей дополнительной целью внести раскол в единство США, Японии и Южной Кореи в отношении Пхеньяна. Расчет строился на том, что разное восприятие северокорейской ракетной угрозы США, Японией и Южной Кореей может нарушить их взаимодействие в вопросе отношений с КНДР. В Пхеньяне исходило из того, что для США в силу их большой удаленности от Корейского полуострова создаваемые по примитивной технологии северокорейские баллистические ракеты реальной угрозы представлять не могут, а возможность их применения против Южной Кореи не имеет принципиального значения, поскольку большая часть территории последней и так находится в зоне действия северокорейской авиации и ракетно-артиллерийских систем сухопутных войск (реактивных систем залпового огня, гаубичной артиллерии).

Как отмечает японский исследователь Х. Курата, «разный уровень толерантности к северокорейской угрозе явился достаточно серьезной помехой в реализации трехстороннего взаимодействия между США, Японией и Республикой Корея в проведении их скоординированной политики в отношении Пхеньяна»². В частности, введение Японией ограниченных санкций в виде приостановки программы оказания продовольственной помощи Северной Корее, отказа от возобновления переговоров о нормализации японо-северокорейских отношений, а главное, отсрочки подписания соглашения с КЕДО, США и Южной Кореей было оценено как слишком жесткая реакция, наносящая ущерб процессу реализации принципиальных американо-северокорейских договоренностей, и на Токио был оказан определенный нажим, который в конечном итоге и обеспечил подписание указанного соглашения.

Тем не менее главные надежды в связи с реализацией стратегии шантажа связывались с Японией как крупнейшим финансово-экономическим донором Восточной Азии. В связи с этим основное, пропагандистское по своей реальной сути острие обеих программ также было направлено против этой страны. При выборе Японии в качестве объекта шантажа учитывалось то, что Япония стала первой и единственной жертвой ядерного оружия, и ее население продолжает испытывать сильнейшую «ядерную аллергию». Кроме того, она находится в непосредственной близости от Корейского полуострова и в силу высокой плотности населения, концентрации промышленных предприятий, включая химические и другие потенциально опасные производства, а также наличия большого числа атомных электростанций является чрезвычайно уяз-

вимой в случае нанесения даже одиночных ударов баллистическими ракетами в обычном снаряжении, не говоря уже о ракетах с ядерными боеголовками.

Пропагандистская атака на Японию началась в мае 1993 г., когда Северной Кореей были осуществлены испытательные запуски баллистических ракет «Нодон-1», которые, пролетев над японской территорией, упали в акватории Японского моря. И хотя руководство Японии имело информацию о планируемых Пхеньяном испытаниях баллистических ракет, эффект их воздействия на политический истеблишмент и население страны был шокирующим. Японцы осознали, что их территория, включая такие мегаполисы, как Осака находятся в зоне досягаемости ракетного оружия, находящегося в руках неконтролируемого и полностью непредсказуемого тоталитарного государства, каким является КНДР. Второе испытание баллистической ракеты «Тэпходон-1» повышенной дальности, осуществленное в августе 1998 г., имело еще большее психологическое воздействие на Японию: в зону действия северокорейских баллистических ракет попадала фактически вся японская территория.

Ситуация вокруг испытаний усугублялась тем, что как раз в это время достоянием японского правительства стали данные разведывательных спутников США о строительстве в КНДР подземных объектов в интересах создания ядерного оружия, что являлось прямым нарушением подписанного в октябре 1994 г. американо-северокорейского рамочного соглашения. Это обстоятельство совпало по времени с усилением разведывательной активности КНДР против Японии. В японских территориальных водах были обнаружены два северокорейских разведывательных судна, для выдворения которых боевые корабли морских сил самообороны Японии впервые применили оружие.

Таким образом, в иерархии потенциальных угроз национальной безопасности Японии вызовы, исходящие от КНДР, выдвинулись на первое место и задача их парирования для японской политики стала приоритетной.

Для решения указанной задачи Япония использует весь спектр имеющихся в ее распоряжении средств. Тем не менее в качестве наиболее результативных рассматриваются меры политико-дипломатического и экономического характера. Среди политических мер Токио существенное внимание уделяет проблеме выработки и институализации мер доверия в районе Корейского полуострова, особенно между двумя корейскими государствами. К одной из результативных форм воздействия на Пхеньян Токио относит японо-северокорейские переговоры о нормализации отношений между двумя странами. Начавшиеся в сентябре 1990 г. эти переговоры изначально не были нацелены на решение обозначенной в их названии конечной задачи.³ Они рассматривались в Токио скорее с точки зрения возможности формирования канала влияния на северокорейское руководство и в качестве одного из методов ознакомления с позициями друг друга. Кроме того, японская сторона надеялась решить ряд гуманитарных вопросов, в частности касающихся прав 1800 японских женщин, которые, будучи женами северокорейских граждан, проживали в КНДР и были лишены контактов со своими родственниками в Японии, а также судьбы японцев, якобы похищенных северокорейской разведкой.

Будучи в сущности политическими, эти переговоры, тем не менее в конечном итоге ориентированы на применение экономических мер, которые, в случае с Пхеньяном, переживающим острейший экономический кризис, признавались японскими экспертами как наиболее эффективное средство достижения приемлемой для Японии договоренности. Это связано с тем, что нормализация отношений представляется Токио как основное условие оказания широкомасштабной экономической и, самое главное, — продовольственной помощи КНДР со стороны Японии. Это также является наглядным подтверждением мысли о служебной роли указанных переговоров, выступающих как средство, нацеленное на обеспечение

если не контроля, то, по крайней мере, достаточно надежного управления поведением Пхеньяна на международной арене и внутри страны. Несмотря на заверения японских представителей о том, что посулы экономической поддержки и собственно продовольственная помощь Северной Корее имеют под собой гуманитарные основы и ни в коей мере не обусловлены политическими или иными требованиями, эта продовольственная помощь, учитывая хронический дефицит продуктов питания в КНДР, имеет чрезвычайно большое значение не только для выживания населения, но и для поддержания внутренней стабильности в стране и поэтому рассматривается как один из самых эффективных инструментов воздействия на северокорейское руководство. Как утверждает один из ведущих японских экспертов по корейской проблематике Х. Идзуми, «размеры гуманитарной продовольственной помощи КНДР со стороны Японии, т.е. напрямую не обставляемой политическими условиями, не должны превышать 100 тыс. т в год, в то время как помощь, превышающая эту цифру, называемая «стратегической», должна предоставляться только в обмен на крупные политические уступки Пхеньяна. Если Северная Корея пойдет на компромисс, например в вопросе о баллистических ракетах, который обсуждается на двусторонних переговорах с США или вступит в МАГАТЭ, т.е. серьезно будет учитывать интересы Японии и США, только в этом случае Япония может ответить взаимностью, взяв на себя обязательство поставить 1 млн т продовольствия (картофеля) в течение пятилетнего периода. При этом задача Вашингтона будет заключаться в том, чтобы нейтрализовать негативное отношение Сеула, убедив его, что такая сделка в конечном итоге отвечает коренным интересам Южной Кореи».⁴

Возможность оказания Японией полномасштабного экономического содействия КНДР по линии программы официальной помощи развитию (ODA) и широкого инвестирования в северокорейскую экономику, помимо того тупика, в котором топчутся двусторонние переговоры о нормализации отношений, блокируется принципиальным несовпадением позиций сторон в вопросах, касающихся толкования истории японо-корейских отношений.

В Токио исходят из того, что Северная Корея в течение 36 лет с 1910 по 1945 гг. являлась частью Японии, в силу чего комплекс экономических вопросов должен быть разделен на два блока в соответствии с периодами, когда Корея, включая ее северную часть, находилась под японским оккупационным управлением и когда она получила независимость.

В свою очередь Пхеньян настаивает на том, что Япония и Корея находились в состоянии войны, в результате которой Корейская освободительная армия под руководством Ким Ир Сена разбила японские войска и поэтому Япония как побежденное государство, виновное в развязывании агрессии против корейского народа, должна выплатить Пхеньяну контрибуцию за нанесенный ущерб. Более того, северокорейская сторона утверждает, что Япония входит в число государств, виновных в насильственном разделении Кореи и должна компенсировать КНДР материальные потери, которые она понесла в результате такого разделения.

Япония такую позицию северокорейского руководства не может принять в принципе, тем более, что большинство частных проблем, связанных с периодом японской оккупации Кореи, таких, как статус Договора 1910 г., на основании которого Корея была включена в состав японской империи, вопросы, касающиеся собственности, — уже нашли свое разрешение на основе норм международного права в рамках японо-южнокорейских отношений. Однако гипотетический размер компенсационных выплат КНДР со стороны Японии представляет реальный интерес. При этом в качестве примера для определения его общей суммы может быть взято японо-южнокорейское соглашение о выделении Сеулу 500 млн долл. в виде правительственных грантов и льготных правительственных кредитов.

Япония считает, что переговоры с Пхеньяном в случае принятия политического решения на их возобновление могут проходить гораздо легче, чем в свое время это было с Сеулом в силу двух причин: во-первых, Южная Корея не испытывала таких серьезных экономических трудностей и в первую очередь остройшей нехватки продовольствия, которые характерны для нынешней Северной Кореи; во-вторых, многие вопросы, стоявшие тогда на повестке дня японо-южнокорейских переговоров о нормализации двусторонних отношений, такие, например, как проблема рыболовства, еще нельзя было решать на основе соответствующих международно-правовых соглашений, поскольку в тот период времени они не были выработаны международным сообществом.

Реакцией на усиление северокаорейской угрозы стало возрастание роли военных средств в японской стратегии комплексного обеспечения безопасности, которые по своей значимости фактически сравнялись с невоенными. В ноябре 1998 г. в Японии вопреки резолюции парламента от 1969 г., запрещающей использование космических технологий в военных целях, было принято решение о создании собственной группировки так называемых многоцелевых искусственных спутников земли (ИСЗ), способных вести наблюдение за территорией КНДР. В марте 1999 г. начальник Управления национальной обороны Японии (УНО) Х. Норота заявил в комитете по обороне парламента Японии, что нанесение Японией упреждающего удара в случае неизбежного ракетного нападения не противоречит ее конституции⁵.

Возможность использования боевых самолетов воздушных сил самообороны для уничтожения северокаорейских баллистических ракет, нацеленных на Японию, не выглядела как чисто гипотетическая, если учитывать тот факт, что пятилетняя программа развития сил самообороны (1996–2000 гг.) предусматривала проработку вопроса об оснащении японских боевых самолетов оборудованием для дозаправки в воздухе⁶.

В апреле–мае 1999 г. в обеих палатах японского парламента без свойственных для такой процедуры трудностей и проволочек были приняты законы о реализации новых руководящих принципов силами самообороны, регламентирующие взаимодействие между Японией и США в сфере обеспечения военной безопасности. В августе 1999 г. японское правительство дало принципиальное согласие на проведение совместных с США исследований относительно возможности разработки определения тактико-технических требований и стоимости НИОКР по созданию системы ПРО ТВД для обеспечения противоракетного прикрытия расширенного морского (океанского) ТВД в Восточной Азии, зона действия которого предположительно должна распространяться на весь Корейский полуостров, районы Тайваня и Японии.

В ответ на нарушения северокаорейскими разведывательными судами японских территориальных вод руководство УНО инициировало вопрос о необходимости закупки для морских сил самообороны партии высокоскоростных патрульных кораблей, оснащенных противокорабельными ракетами и их развертывании на постоянной основе в Японском море с целью предотвращения возможных вторжений в пределы национальных морских границ северокаорейских разведывательных судов, в том числе с диверсионными группами на борту, а также создания в структуре сухопутных сил самообороны специальных антидиверсионных подразделений, ориентированных на борьбу с северокаорейскими агентами, которые могут засылаться в Японию для ведения разведки и подрывных действий.⁷ Предполагалось, что уже в следующей среднесрочной программе развития сил самообороны Японии (2001–2005 гг.) такие специальные силы, подготовленные и оснащенные для ведения партизанской борьбы и боевых действий в конфликтах низкой интенсивности будут сформированы и развернуты на всех потенциально опасных направлениях. На 2002

фин. г. планировалось направить большую группу военнослужащих из этих подразделений в США для изучения тактики боевых действий аналогичных специальных формирований в американских вооруженных силах и прохождения совместных с ними тренировок⁸.

Совпадение подходов Японии и Южной Кореи в трактовке северо-корейской угрозы явилось стимулом для сближения Токио и Сеула в военной области. Помимо участия в военно-морских учениях «Тим спирит», Япония и Южная Корея впервые после окончания «холодной войны» заявили о своей готовности развивать двустороннее военное сотрудничество. Между военными ведомствами двух стран была установлена так называемая линия «горячей связи», налажены регулярные контакты между военным руководством, а в августе 1999 г. были проведены первые в истории японо-южнокорейских отношений совместные учения по поиску и спасению на море с участием боевых кораблей и авиации двух стран (трех эсминцев морских сил самообороны и двух эсминцев ВМС Южной Кореи).

Считая Северную Корею авторитарно-деспотическим государством, находящимся вне сферы действия принятых мировым сообществом международно-правовых норм и поэтому способным на непредсказуемые действия в своей внутренней и внешней политике, Япония воспринимает ее как источник потенциальной опасности. Однако после трезвого анализа экономических, военных, научно-технических, технологических и других возможностей КНДР, в Токио постепенно начинают избавляться от драматических оценок ситуации вокруг этой угрозы. Тем более, что сам Пхеньян в ответ на прессинг со стороны США, Японии, Южной Кореи и некоторых других стран проявил известную податливость, порождая надежды на возможность не только нахождения общего языка с ним, но и выстраивания более или менее надежных каналов влияния на северокорейское руководство.

Япония в связи с этим четко осознала, что ей выгодно иметь дело с экономически несостоятельным режимом КНДР, связывающим свое выживание с финансово-экономической помощью индустриально-развитых стран Запада. Она стала более активно применять в отношении Пхеньяна политику «кнута и пряника». Стоворчивость северокорейского руководства в вопросах, касающихся приостановки его ядерной и ракетной программ со стороны Японии была отмечена целым рядом «подарков», а именно: в ноябре 1999 г. японское правительство объявило о частичной отмене санкций в отношении КНДР, в частности запрета на полеты из Японии чартерных авиарейсов в Пхеньян, была восстановлена практика неофициальных контактов с представителями северокорейских властей, и, самое главное, в августе 2000 г. в Токио дали согласие на возобновление японо-северокорейских переговоров о нормализации двусторонних отношений.

Отдавая себе отчет в том, что северокорейское руководство основные надежды на получение широкомасштабной помощи связывает с Японией, в Токио рассчитывают использовать это для повышения уровня своего влияния в решении проблем Корейского полуострова, способствуя усилению своих позиций в регионе в целом. Поэтому Япония выступает за сохранение существующего на Корейском полуострове статус-кво, не приемля возможности воссоединения двух корейских государств по германской модели. В случае развития ситуации по указанному сценарию Япония через 25–30 лет в лице единой Кореи будет иметь мощного соперника, опирающегося на богатые природные ресурсы Севера и развитую производственную и технологическую базу Юга, способного проводить значительно более активный, чем в настоящее время курс на сужение традиционной для японских производителей ниши как на региональном, так и на мировом рынках.

В случае блокирования единой Кореи с Китаем, подкрепляемого общим негативным восприятием исторического прошлого в отношениях двух государств с Японией, может возникнуть ситуация, при которой под угрозу будет поставлен весь комплекс ее жизненно важных интересов, включая и те, которые напрямую связаны с обеспечением национальной безопасности.

Отношения Японии с Республикой Корея

Проблемы обеспечения национальной безопасности определяют чрезвычайно большую значимость Республики Корея в системе взаимоотношений Японии со странами Северо-Восточной Азии. Эта значимость Сеула для Японии определяется следующими факторами.

Южная Корея является одним из ключевых звеньев созданной под эгидой США в годы «холодной войны» и продолжающей функционировать в настоящее время системы безопасности в Восточной Азии, включающей и саму Японию. Южная Корея и Япония, формально не находясь в союзнических отношениях друг с другом, посредством фактически однотипных договоров о взаимном обеспечении безопасности связаны с США и являются главными опорами американской политики в регионе, что изначально предполагает довольно высокий уровень их взаимодействия в различных сферах.

Несмотря на предпринимаемые Токио усилия в направлении повышения своей самостоятельности в системе военно-политического взаимодействия с США, Японии в обозримой перспективе будет трудно избавиться от подчиненной по отношению к Вашингтону роли и она еще длительный период времени будет оставаться младшим партнером США, на политику которого последние будут оказывать если не решающее, то, по крайней мере, весьма существенное влияние.

В контексте американо-японских отношений конкретная борьба за влияние на Корейском полуострове явится одним из условий дальнейшего повышения самостоятельности внешнеполитического курса Японии и может стать существенным элементом, обеспечивающим прочность японских позиций в не исключаемом в будущем обострении соперничества между США, Китаем и Японией за лидерство как в Восточной Азии, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Имея в виду перспективу такого соперничества, Япония рассматривает Южную Корею, с одной стороны, как одну из первоочередных целей своей экспансии в регионе, а на первом этапе — в качестве объекта вовлечения в орбиту японской экономики путем закрепления за Сеулом подчиненной по отношению к Токио роли в складывающейся в настоящее время глобальной экономической системе, которая закрепляет существующее несправедливое распределение между высокоразвитыми, среднеразвитыми и развивающимися государствами. С другой стороны — учитывая значимость Южной Кореи в противостоянии такому непредсказуемому государству, каким является КНДР, Япония вынуждена не только отказываться от применения в отношении Сеула мер, продиктованных законами конкурентной борьбы, которые могли бы ослабить позиции последнего в регионе, но и оказывать ему прямую поддержку в политической, экономической, финансовой, технологической, военной и других сферах.

Во всех вышеперечисленных областях японо-южнокорейские отношения получили заметное ускорение после прихода к власти в Южной Корее путем демократических выборов правительства президента Ким Дэ Чжуна. По мнению авторитетного американского исследователя Р. Скалапино, приход к власти в Южной Корее Ким Дэ Чжуна, который в качестве основной цели своей внешней политики провозгласил улучшение отношений Сеула с соседними

странами, и особенно с Японией, явился мощным толчком в расширении всесторонних связей и взаимодействия между двумя странами⁹.

Визит Ким Дэ Чжуна в Японию, состоявшийся в октябре 1998 г., стал одним из ключевых этапов на пути формирования новой системы взаимоотношений двух стран. Венцом этой системы была подписанная двумя странами совместная японо-южнокорейская декларация, которая в качестве обоюдной цели двух государств провозгласила «строительство обновленного партнерства, устремленного в XXI век».

Важным фактором, свидетельствующим о стремлении сторон поставить окончательную точку в непрекращавшихся спорах в связи с оценкой двумя государствами исторического прошлого своих взаимоотношений, стало официальное извинение японского премьер-министра за тот урон, который нанесла Япония народу Кореи в период своего колониального господства. Подписание совместной декларации создавало базу для установления регулярных контактов как на уровне высшего руководства двух стран — между премьер-министром Японии и президентом Республики Корея, между членами кабинетов министров, в первую очередь между министрами иностранных дел, министрами, отвечающими за экономический блок, главами военных ведомств, так и на уровне законодательной власти — между членами парламентов двух стран, и особенно между молодыми парламентариями — поколением XXI века.

Уникальной формой японо-южнокорейского взаимодействия становились совместные заседания кабинетов министров двух стран.

Весьма важное значение в совместной декларации придавалось военно-политическому аспекту японо-южнокорейского взаимодействия, в частности стороны констатировали обоюдную заинтересованность в продолжении диалога между двумя странами по проблеме безопасности и расширения обменов в области обороны на различных уровнях. При этом было подчеркнуто, что как Республика Корея, так и Япония поддерживают американскую систему безопасности в Восточной Азии и заявляют о необходимости активизации усилий по налаживанию переговорных процессов с подключением возможно большего числа стран в интересах обеспечения мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Реально такая трактовка позиций обеих стран в военно-политической области означала их согласие на формирование новой, более широкой структуры обеспечения безопасности в регионе, основы которой стало бы взаимодействие между Японией, США и Республикой Корея, предусматривающее не только совместное противодействие северокорейской угрозе, но и выработку и институционализацию мер доверия, особенно между двумя корейскими государствами, способных обеспечить мир и стабильность в регионе.

Осознавая то, что и Республика Корея и КНДР традиционно испытывают недоверие к Японии, существенно ограничивающее ее влияние на обе стороны, она из тактических соображений признает их право решать существующие проблемы на межкорейском уровне и не пытается навязывать свою посредническую роль в этом процессе, отдавая предпочтение коллективным усилиям всех государств, вовлеченных в дела Корейского полуострова. Токио поддерживает как индивидуальные шаги Сеула по налаживанию межкорейского диалога, выраженные в его политике «солнечного тепла», так и четырехсторонний диалог между КНДР, Республикой Корея, КНР и США, не настаивая на своем непосредственном в нем участии. В контексте такого подхода Япония рассматривает в частности и свою деятельность в рамках трехсторонней группы координации и наблюдения (Trilateral coordination and Oversight Group), состоящей из представителей США, Республики Корея и Японии. Эта группа, созданная под эгидой ведущих научно-исследовательских институтов трех стран, занимающихся проблемами безопасности в Северо-Восточной Азии

в интересах координации позиций сторон, выработки их единого подхода в отношении совместных действий в отношении КНДР, не имеет четкого официального статуса, но ее рабочие встречи, как правило, проводятся на уровне заместителей министров иностранных дел стран-участниц.

С подписанием совместной декларации стороны фактически оформили создание механизма проведения регулярных консультаций на уровне глав внешнеполитических и оборонных ведомств, их заместителей, руководителей департаментов по вопросам обеспечения безопасности двух государств и региона в целом. До настоящего времени имели место три раунда переговоров в рамках японо-южнокорейского диалога по вопросам безопасности, последний из которых состоялся в декабре 2000 г. в Сеуле.

Заложенная в совместной декларации база позволила существенно поднять уровень взаимодействия двух стран по военной линии. В мае 1999 г. между военным руководством двух стран была установлена так называемая «горячая» линия связи, а в августе того же года состоялись первые японо-южнокорейские военно-морские учения, в которых были задействованы довольно значительные силы: три эсминца морских сил самообороны Японии, два эсминца ВМС Южной Кореи, несколько патрульных и разведывательных самолетов двух стран. И хотя в ходе указанных учений формально отрабатывались вопросы поиска и спасения на море, их реальной задачей явилось налаживание взаимодействия боевых кораблей и авиации двух государств.

При всей важности японо-южнокорейских взаимосвязей в политико-дипломатической, военной, гуманитарной, культурной и других сферах базовую основу их отношений составляет экономический комплекс: вопросы торговли, финансов, инвестиций, технологического сотрудничества, стандартов и спецификаций, добычи биоресурсов, в том числе в экономических зонах друг друга.

Значение сотрудничества двух стран в финансово-экономической области особенно наглядно обозначилось в период преодоления Южной Кореей последствий финансового кризиса, охватившего страны Восточной Азии в 1997 г.

Как известно, Япония уже в августе 1998 г. через свой Экспортно-импортный банк выделила Южной Корее на весьма льготных условиях так называемый стабилизационный иеновый кредит в размере 1 млрд долл. США, а в октябре того же года во время первого визита в Японию президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна было объявлено о предоставлении Сеулу на нужды восстановления экономики еще одного иенового кредита равного 3 млрд долл. США. Именно в это тяжелое для Южной Кореи время помимо финансовой помощи со стороны Японии был предпринят ряд мер по активизации привлечения японских инвестиций в южнокорейскую экономику. В мае 1998 г. в Сеул прибыла группа влиятельных японских экспертов в области экономики и финансов из государственных и частных структур в количестве более 100 человек с целью изучения на месте возможностей для расширения инвестиционной деятельности японских корпораций в Южной Корее. В октябре 1998 г. бизнесмены, сопровождавшие президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна в ходе его визита в Японию предложили японскому деловому сообществу конкретную программу инвестиционных проектов с привлечением японских капиталов.

В интересах активизации инвестиционной активности японского бизнеса в Южной Корее в декабре того же года в Сеуле была организована специальная конференция, в работе которой приняли участие министр внешней торговли и промышленности Японии и министр торговли, промышленности и энергетики Республики Корея. В ходе состоявшегося в ноябре 1999 г. совместного заседания кабинета министров Японии и Республики Корея соответствующие министры двух стран, ответственные за финансовый и экономический блок, выразили обоюдное согласие начать предварительные консультации в инте-

ресах скорейшего заключения японо-южнокорейского договора об инвестициях. В результате всех этих мер в 1999 г. в южнокорейскую экономику удалось привлечь прямых японских инвестиций на общую сумму 175 млн. долл. США.

Учитывая то, что доверие к южнокорейской экономике в результате кризиса было во многом подорвано, эта довольно скромная для периода экономического процветания сумма в посткризисных условиях имела большой вес. Она свидетельствовала, что взаимные усилия двух сторон по повышению инвестиционной активности японского капитала в Южной Корее не были безрезультатными. Увеличение японских инвестиций в южнокорейскую экономику создавало благоприятный климат для повышения инвестиционной активности других стран и создавало основу для скорейшего преодоления кризиса и выхода южнокорейской экономики на режим стабильного развития.

Япония и Южная Корея являются важными торговыми партнерами друг для друга. В 2000 г. Япония по объему экспорта своей продукции в Южную Корею заняла первое место среди торговых партнеров последней. Этот показатель составил 3,3 трлн иен, при импорте равном 2,2 трлн иен¹⁰.

Основу японского экспорта в Южную Корею составили: электромеханическое оборудование, машиностроительная продукция, транспортные средства, роботизированные системы для автомобильной промышленности, продукция точного машиностроения, радиоэлектроника, включая комплектующие для информационно-коммуникационных систем, прокат черных и цветных металлов, продукция химической промышленности.

В свою очередь импортные закупки Японии в Южной Корее включали текстиль, продукты нефтепереработки, некоторые виды продовольствия, электрооборудование, радиоэлектронику. Примечательно, что доля Южной Кореи в японском импорте радиоэлектронной продукции в 2000 г. достигла 12,2%. Этот показатель, по оценкам экспертов, был достигнут за счет так называемого «эффекта бумеранга», когда продукция функционирующих в Южной Корее дочерних предприятий ведущих японских корпораций экспортируется в другие страны, включая Японию, уже как южнокорейская.

В качестве элемента хозяйственно-экономического взаимодействия обе стороны рассматривают свои связи в сфере добычи морских биологических ресурсов. Важной вехой на пути налаживания двустороннего сотрудничества в этой области стало вступление в силу в январе 2000 г. после ратификации законодательными органами двух стран нового японо-южнокорейского соглашения по рыболовству. Это соглашение, несмотря на существование проблемы принадлежности острова Такэсима в отношениях между Японией и Южной Кореей, регулируют правила ведения добычи морских биоресурсов в исключительных экономических зонах двух стран, создавая правовую базу их сотрудничества в этой сфере.

В контексте японо-южнокорейских экономических отношений в последнее время весьма важное значение приобретает научно-техническое и технологическое сотрудничество, которое рассматривается Сеулом в качестве средства преодоления несбалансированности двусторонней торговли и повышения экспортного потенциала национальной экономики. Одним из направлений такого сотрудничества является упоминавшееся выше налаживание на южнокорейских предприятиях производства оборудования, машин, аппаратуры и технических устройств по японским лицензиям.

Другой важной формой технологического сотрудничества двух стран становится открытие в Южной Корее филиалов, специализирующихся на производстве высокотехнологической, наукоемкой продукции крупных японских компаний, которые используют часть комплектующих местного производства для сборки радиоэлектронной и компьютерной техники под своими торговыми марками. Так, в мире широкую известность приобрели процессоры, мониторы,

принтеры, сканирующие устройства и другие комплектующие для персональных компьютеров, произведенных в Южной Корее дочерними предприятиями признанных лидеров японской радиоэлектроники, таких, как «Мацусита», «Хитати», «Санъё» и других.

Примером объединения усилий японских и южнокорейских производителей на рынках третьих стран является создание на территории США крупного совместного предприятия с японской компанией «Мицубиси моторс» и американской «Даймлер-Крайслер» по производству двигателей для легковых автомобилей, которое будет выпускать до 1,5 млн двигателей в год¹¹. Знаменательным событием в японо-южнокорейском научно-техническом и технологическом сотрудничестве стало подписание во время второго визита в Японию в сентябре 2000 г. президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна так называемой «Инициативы о кооперации в области информационных технологий». В этом документе правительства двух стран, подтверждая положение о важности японо-южнокорейского сотрудничества в сфере высоких технологий, зафиксированное в подписанных во время первого визита Ким Дэ Чжуна в Японию в октябре 1998 г. в совместном коммюнике и «Плане действий», брали на себя обязательство продолжать усилия в направлении дальнейшего продвижения отношений сотрудничества между двумя странами по важнейшим направлениям развития информационных технологий, а именно: в сфере электронной торговли как внутри двух стран, так и за их пределами, главным образом в Восточной Азии; в области создания информационных технологий и коммуникационных систем следующего поколения, таких, как гиперскоростные коммуникационные сети, а также спутниковые космические системы и соответствующее наземное оборудование для их функционирования.

Кроме того, стороны соглашались содействовать подготовке и обучению специалистов и инженерно-технического персонала, а также обмену научно-исследовательскими работниками и разработчиками в сфере информационных и коммуникационных систем. Инициатива предусматривала сотрудничество двух стран в создании информационных сетей между их отдельными районами, префектурами, а также в масштабе АТР — азиатско-тихоокеанская телекоммуникационная сеть, а в рамках ASEM (Asia-Europe Meeting) — проект трансевразийской сети.

Говоря о значительных перспективах японо-южнокорейского научно-технического и технологического сотрудничества, следует отметить, что расширение связей двух стран в сфере высоких технологий в целом осуществляется в рамках концепции глобализации, предлагаемой ведущими индустриально развитыми государствами в качестве базовой модели развития. При этом Япония как один из полноправных членов этой группы государств, причисляющих себя к мировой интеллектуальной элите, к так называемым странам «мозгам», ставит своей целью занять и сохранить за собой в мировой экономике и, соответственно, на мировом рынке те ниши, которые определяют облик современной научно-технической и технологической революции. В соответствии с таким видением глобализации в сфере экономики южнокорейским производителям передаются лишь «рядовые» технологии и «ноу-хау» второго, от силы третьего поколения техники, не способные обеспечить решающих технологических прорывов.

За последние три десятилетия во взаимоотношениях между Японией и Республикой Корея была сформирована солидная структура всестороннего взаимодействия со своими довольно эффективными механизмами регулирования, которые позволяли не только оперативно разрешать текущие разногласия, но и приглушать существенные противоречия, возникающие между двумя странами в процессе исторического развития, не позволяя им выйти на критический уровень. Как известно, обе стороны оспаривают свое право на остров Такэсима, располо-

женный в Восточно-Китайском море. Между ними периодически возникают разногласия в связи с толкованием в японских учебниках исторического прошлого, связанного с периодом оккупации Японией Корейского полуострова. Иногда такие разногласия достигают весьма большой остроты, как это было, например, в начале 2001 г., когда Сеул в знак протеста в связи с отказом японского правительства пересмотреть текст школьного учебника истории, обеляющего период японской оккупации Кореи, отозвал своего посла из Токио, а группа корейских историков провела в японской столице многодневную голодовку. Толкование исторического прошлого во взаимоотношениях между Кореей и Японией, а так же существующая между ними территориальная проблема отражается на многих вопросах, определяющих общественное сознание народов двух стран. Так, например, указанные проблемы затрагивают сферу национальной топонимики. Корейцы считают, что Японское море должно называться Восточным.

В свою очередь японская сторона как бы в ответ на корейские демарши высказала недовольство по поводу приобретения у России южнокорейскими рыбопромысловиками квот на добычу биоресурсов в районе российских Курильских островов, на которые претендует Япония.

Указанные противоречия, имеющиеся или возникающие в процессе развития двусторонних отношений, никогда не приводили к серьезным последствиям. Более того, можно сказать, что они, несмотря на довольно громкие внешние проявления, даже не оказывали сколько-нибудь реального влияния на характер и масштабы японо-южнокорейского взаимодействия.

В случае с учебниками истории проблема, как правило, оказывалась исчерпанной после официального извинения японского представителя или увольнения должностного лица, допустившего неблагоприятные для Сеула высказывания, как это неоднократно случалось ранее, или после того, как Япония соглашалась внести в тексты учебников соответствующие поправки, как это было в июле 2001 г. Даже в таком сложном вопросе, как территориальный, обе стороны стараются уважать позиции друг друга, стремятся как заявил премьер-министр Японии Д.Коидазumi, «отставив в сторону существующий антагонизм, сосредоточиться на сотрудничестве», избегая шагов, которые могли бы негативно отразиться на их отношениях.

1. Российская газета. 2002. 27 июня.
2. Х.Курата. Китатесэн-но дандо миссайру то нитибэйкан канкэй: аратана киики анпо но бунмяку. (Северокорейские баллистические ракеты и японо-американские отношения: новый критический фактор в подходах к безопасности).// Кокусай Мондай. N 468. 1999. С. 62
3. В 1992 г. японо-северокорейские переговоры о нормализации двусторонних отношений были прерваны и возобновились лишь в августе 2000 г.
4. The Korean Journal of Defense Analysis. Vol. XII. No. 2. Winter 2000. P. 130.
5. Йомиури симбун. 1999. 5 марта.
6. Бэй хакусэ. 1998. С. 118.
7. Daily Yomiuri. 2000. 29 January.
8. Daily Yomiuri. 2000. 28 August
9. Нихон токэй гэнпо. Monthly statistics of Japan. September 2001. N 483. P. 81.
10. Robert A. Scalapino. The Political-Security Situation in Northeast Asia //: ERINA report. February 2000. Vol 32. P. 5.
11. Финансовые известия. 2002. 7 мая.

Профсоюзное движение в Республике Корея

© 2002

К. Асмолов

Не секрет, что нынешнее экономическое положение Республики Корея продолжает оставаться достаточно зыбким. Хотя, по мнению экспертов, страна оправилась от последствий кризиса 1997 года, она разделилась на 20 % богатей и 80 % бедняков, что вызвало к жизни новый блок социальных проблем.

В ходе безусловных подвижек в сторону демократизации, которые произошли в правление нынешнего президента Ким Дэ Чжуна, в мозгу среднего корейца произошло укоренение комплекса "демократических ценностей" западного образца, вследствие чего массы во многом осознали свое правовое положение по сравнению с гражданами развитых стран и перестали быть образцовыми подданными, готовыми перенести еще один год лишений ради светлого завтра. Однако при ограниченном количестве ресурсов нельзя вытащить страну из болота, не поражая в какой-то мере прав ее рядовых граждан.

Естественно, народ не безмолвствует, но лицо основного участника массовых демонстраций или иных форм протеста сменилось. Столь известное (и изучаемое нами) в предшествующие времена студенческое движение претерпело значительные изменения и пошло на спад, и сейчас основную роль во всех формах протеста играет движение профсоюзное, анализом которого в посткризисные времена пока еще никто специально не занимался.

Общие сведения о положении корейских рабочих

Вначале составим себе представление о том, как в принципе живет корейскому рабочему. В 2000 г. РК занимала 13-ое место в мире по объему ВВП и 37-ое по размерам доходов на душу населения, но по продолжительности рабочей недели она стоит на седьмом месте в мире. Средняя продолжительность рабочей недели рабочих производственной сферы — 50 часов, то есть более 8.3 часа в день. Статистические данные Международной Организации Труда (МОТ) показали, что корейцы в течение года в среднем работали 2612 часов, в то время как их коллеги в большинстве государств — членов Организации экономического сотрудничества и развития — от 1400 до 1900 часов. Даже в Японии, по аналогичным официальным данным, число рабочих часов в год составляет 2200, то есть на 412 часов меньше.

Это объясняется как официальной 44-часовой рабочей неделей (суббота — короткий день), так и практически обязательными сверхурочными. Согласно данным независимых профсоюзов, еще в 1996 г. рабочие производственной сферы в РК работали сверхурочно в среднем 366 часов в год — гораздо больше, чем в Соединенных Штатах (250) или на Тайване (196).

Заработная плата на этом фоне не так уж и велика. В 1997г. минимальная заработная плата в Корее равнялась 335610 вонам (\$ 302), составляя только 30 % от средней заработной платы по стране. Для сравнения — минимальные уровни заработной платы в других государствах - членах Организации экономического сотрудничества и развития составляют более 40 % средней заработной платы. Почасовая минимальная заработная плата в РК — вообще около \$ 1.05, что ниже всякой критики, ибо Ена потребительская корзина в сегодняшней Южной Корее составляет минимум \$ 1000 на семью из четырех человек с двумя детьми.

Об отдыхе. Номинально кореец имеет 40 свободных дней в году (без учета воскресений), фактически — 25, то есть 7 дней оплаченного отпуска (составляющего 10 календарных дней, включая выходные) и 18 дополнительных нерабочих дней за счет праздников. Отпуск невелик, но большинство рабочих не могут использовать и его из-за требований начальства. И в 1998 г. корейские рабочие отдыхали в среднем, включая 52 воскресенья, 78.8 дней в году, тогда как в США рабочие отдыхают 126, в Англии 136 и в Японии 132 дня.¹

Кроме этого, по тем же данным МОТ, в 2000 году РК имела самый высокий показатель смертности от несчастных случаев на производстве, косвенной причиной которых тоже можно считать как повышенную утомляемость работающих из-за увеличенного рабочего дня, так и рост числа рабочих-контрактников, имеющих слабый уровень профессиональной подготовки. На 10000 рабочих в год в РК приходится 3.33 травмы, в то время как в США — 0.05, в Японии — 0.1 и в Сингапуре — 1.56.² По сведениям одного из источников, в результате производственных травм в среднем суммарно в месяц происходят одиннадцать случаев потери пальцев на руках.

Особенно тяжелое положение у “нерегулярных” рабочих, то есть тех, кто работает не в штате компании, а нанят по контракту на относительно короткий срок. После кризиса 1997 г. число таких рабочих значительно выросло. По данным на февраль 2000 г., число частично занятого населения и рабочих-контрактников составляло 52.3 % от общего числа занятого населения (12.8 миллионов). Помимо более низкой оплаты, они страдают от ненадежности своего положения, так как по истечении срока контракта (а он может длиться как год, так и меньше), они могут быть уволены. Еще хуже условия иностранных чернорабочих. Их права часто игнорируются, их вынуждают работать много дольше обычного за меньшую плату.

Структура профсоюзного движения и основные объединения профсоюзов

Структура движения достаточно аморфна, профсоюзов много, и потому стандартные методы “сортировки” помогают не всегда — разделение по профессиональному признаку может сочетаться с участием в профсоюзной организации одной конкретной компании, где ячейка по месту работы объединяет представителей различных профессий. По сути, такая ячейка или профсоюзная организация представляет собой просто объединение рабочих компании для защиты собственных прав, а число ее членов может колебаться от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч.

Многочисленные и разномасштабные профсоюзы объединены в две основные организации — это Корейская конфедерация профсоюзов (ККТУ), и Федерация корейских профсоюзов (ФККТУ). Обе организации являются как бы “надпрофсоюзами”, и в англоязычной прессе для их обозначения часто применяется термин “umbrella labor group”. Они являются скорее представительными органами для переговоров с правительством или выполнения общекорейских

национных функций, и хотя их лидеры весьма часто мелькают на ТВ или дают интервью в прессе, окончательные решения об участии профсоюза в той или иной акции принимаются не руководством конфедерации или федерации, а на собрании его рядовых членов или активистов — прямым голосованием.

КСТУ — более молодое образование, которое было официально признано властями только в конце 1999 г., причем с пятой попытки. Первая была в ноябре 1995 г., когда конфедерация только образовалась, но и эта попытка, и последующие были отклонены правительством по различным причинам, включая выбор в качестве представителей профсоюза уволенных рабочих.

Ранее конфедерацию возглавлял Ли Кап Ён, а сейчас — 50-летний Чон Бён Хо, который ранее руководил Федерацией рабочих металлургической промышленности Кореи, одним из наиболее мощных филиалов КСТУ. Он неоднократно задерживался полицией, считается способным лидером, готовым и идти на конфликт, и вести переговоры, и власти надеялись, что с его приходом курс КСТУ станет менее радикальным. Пока, однако, признаков резких перемен нет.

FKTU претендует на основное представительство, и ее позиция отличается меньшей воинственностью и большей ориентацией на диалог с властями. Некоторые средства массовой информации даже называют ее консервативной. На текущий момент ее руководителем является Ли Нам Сун.

Каждая из федераций имеет свою группу “вассальных” профсоюзов. Так, в состав КСТУ входят Союз корейских преподавателей и работников образования (KTEWU, 15 000 членов); Корейская федерация профсоюзов промышленности и строительства (KFCITU, 25000 членов из 90 фирм), куда входят профсоюзные организации различных предприятий; Союз медицинских работников (KNMWU, 35 тысяч членов, 140 общественных и частных больниц); Федерация рабочих металлургической промышленности (KMWF) и профсоюзная организация Кореи (более 40000 членов).

Под эгидой FKTU находятся профорганизация Корпорации электроэнергии Кореи (KEPCO) и большинство остальных организаций. Низовые организации могут, по-видимому, переходить из-под одного “зонтика” под другой. Так, например, Союз преподавателей KTEWU сначала отмечался как профсоюз при FKTU, а потом перешел под покровительство КСТУ.

Хочется обратить внимание на то, что в каждой из федераций есть союзы, объединяющие как “белые”, так и “синие” воротнички, хотя когда речь идет о мероприятии, успешно организованном отраслевым профсоюзом без помощи вышестоящей федерации (как правило, это более организованные “белые воротнички” — учителя, врачи, банковские служащие, отчасти — работники сферы обслуживания), действия которых привлекают большее внимание СМИ, или рабочие, которых уж совсем не удовлетворяет тяжелое положение (например, работники метро).

Существуют и “неприсоединившиеся” — например Корейская ассоциация медиков (КМА), насчитывающая 45000 членов.

Министерство труда и сами профсоюзы приводят несколько отличающиеся друг от друга данные относительно их численности. Так, FKTU утверждает, что имеет в своих рядах 1.03 миллиона членов, в то время как данные Министерства труда предполагают, что их — 890 тысяч. Точно так же с КСТУ. В этом случае общее число составляет приблизительно 600000 членов — по данным Конфедерации и 582000 членов — по правительственным данным. Невзирая на протесты, Министерство труда пояснило, что не имело намерения что-то утаить, но его данные базировались на информации, полученной не от руководителей “надпрофсоюзных групп”, а от собственно профсоюзов.

Основные требования профсоюзного движения

Анализируя блок основных требований профсоюзов, посмотрим на то, что планировала каждая из федераций на 2000 год. С того времени их набор претензий к власти принципиально не менялся.

Программа КСТУ включала в себя три основные цели: сокращение продолжительности рабочей недели до 40 или хотя бы до 42 часов, остановка реструктурирования экономики, преобразование налоговой системы и увеличение государственных инвестиций в социальный сектор. Планировалось начинать переговоры о повышении заработной платы в марте, добиться политических успехов в предвыборной кампании в апреле и организовать в мае всеобщую забастовку, если требования не будут приняты.

FKTU тоже сформировала годовую повестку дня, которая будет включать требования сокращения продолжительности рабочей недели, выплаты предпринимателями жалования профсоюзным руководителям, и 13,2%-ного увеличения заработной платы. Основные переговоры о повышении заработной платы тоже планировалось начать в марте, месяцем ранее, чем обычно, а в случае отказа правительства должностные лица профсоюза намеревались обратиться в апреле в государственный арбитражный суд и начать в мае всеобщую забастовку.³

Таким образом, можно заметить, что принципиального отличия в требованиях двух федераций нет. Основной фронт борьбы связан с переходом на стандарты рабочего дня, принятые в мире. Согласно проведенному КСТУ в мае 2000 г. телефонному опросу, 4 из 5-ти корейцев (77,8 %) поддерживают идею пятидневки и сокращения рабочей недели до 40 часов. Дополнительный свободный день опрошенные предполагали потратить на проведение времени в кругу семьи (30 %), хобби или путешествие (28,6 %), занятия самообразованием (15,4 %) или просто на отдых (5,9 %).

Более 77 % из них также высказали мнение, что, несмотря на сокращение продолжительности рабочей недели, зарплата должна остаться без изменений, а более 70 % — что рабочая пятидневка должна сочетаться с пятидневкой в школе. В опросе принимало участие 700 человек старше 20 лет. Естественно, наиболее активно защищали идею молодые (83-88% из них). Более половины опрошенных хотели бы, чтобы такой переход состоялся в 2001 году.⁴

Национальному собранию было представлено ходатайство о пересмотре 49-ой статьи Закона о труде с целью сократить рабочую неделю с 44 до 40 часов и снизить допустимое сверхурочное время с 12 часов в неделю до 7, но вопрос до сих пор остается в стадии рассмотрения.⁵

Любопытно, что, по мнению предпринимательского лобби, рабочие имеют достаточно свободного времени — один свободный день каждую неделю (воскресенье) плюс еще свободный день каждый месяц (одна суббота красная, хотя обычно на работу ходят и в этот день). Кроме того, есть десятидневный отпуск (фактически 7 рабочих дней), а, учитывая 17 национальных праздников, введение пятидневки приведет к тому, что один день отдыха будет приходиться на три рабочих дня. Корейская федерация предпринимателей заявила в официальном сообщении для печати, что при 40- часовой рабочей неделе число нерабочих дней превзойдет число свободных дней даже в развитых странах. Дескать, в сочетании с большим числом праздников при пятидневке число свободных дней, которое сейчас составляет 92 — 102, возрастет до 144 — 154. Снова сравним: в США число нерабочих дней в году составляет 142, в Японии — 129-138, в Германии — 140⁶.

Профсоюзы возражают, что потерянное время можно было бы наверстать за счет найма новых рабочих, что дало бы около миллиона новых рабочих мест.

Министерство труда ищет меры для быстрого перехода на 40-часовую рабочую неделю, которого требовали в течение ряда лет. Однако если ввести пятидневку на производстве, это окажет влияние и на рабочий день в школе или правительственных учреждениях, к чему власти пока не готовы. Поэтому ищутся промежуточные варианты вроде разрешения рабочим не работать две субботы вместо одной, как раньше, или превращения субботы хотя бы частично в рабочий день (более жестко закрепить то, что этот день — короткий), что сократило бы рабочую неделю хотя бы до 42-44 часов. Федерация предпринимателей Кореи, например, предлагала, чтобы рабочие могли получать дополнительные 50 % их ежедневной заработной платы в дни, когда они работают вместо отпуска или выходных. На это последовал резонный ответ, что если бы рабочие приняли это предложение, то не было бы необходимости сокращать неделю (напомним, что в РФ, за работу в выходные положена двойная оплата, а не полуторная, как предлагают сделать в Южной Корее).

Другой вопрос касается зарплаты. По требованиям активистов минимальная заработная плата должна составлять 50 % от средней заработной платы по стране с тем, чтобы действительно обеспечить лицам с низким доходом приемлемый жизненный уровень. Лоббисты же утверждают, что уже было сделано достаточно, и что хватит того, что в 2000 году зарплата увеличилась в среднем на 7.1 %.

Важное направление борьбы — выходные пособия. Интересно, что государство в принципе осуждает такое явление, как выплата более высоких, чем положено, денежных компенсаций выходящим в отставку. Правительственный указ 1998 г. был направлен на пересмотр системы выходных пособий, но некоторые фирмы, особенно коммерческие банки, выплачивают уходящим после 20 лет службы эквивалент жалования за 75 месяцев. Для сравнения: в обычных фирмах с сопоставимым уровнем зарплаты служащие обычно получают эквивалент жалования за 20 — 30 месяцев. По утверждениям министерства, банки не отменили прогрессивные схемы начисления пособия исключительно из-за сильной оппозиции профсоюзов⁷.

Еще одна проблема — кто должен платить жалование тем рабочим, которые из-за активной работы в профсоюзных структурах уже не занимаются производственной деятельностью. Дело в том, что хотя в профсоюзах платят членские взносы, они не являются обязательными отчислениями от зарплаты, а фиксированной суммой, процесс сбора взносов не структурирован, полученные средства уходят в основном на оплату работы центрального аппарата.

Поэтому с финансовой точки зрения профсоюзы пока не самодостаточны. Корейские компании традиционно платят жалование «освобожденным» профсоюзным руководителям, которые вместо фактической работы в компании занимаются делами профсоюза. Однако два года назад Национальное собрание провело пересмотр трудового законодательства, введя запрет на выплату жалования профсоюзным работникам, не занятым на производстве, и наказание тем предпринимателям, которые делают это. Нарушение этого закона чревато штрафом до 10 миллионов вон.

Профсоюзы, естественно, выступили против, так как большинство из них в стране испытывает недостаток финансовых средств и не может само оплачивать работу своих сотрудников. Отказ платить жалование профсоюзным руководителям означал бы конец рабочего движения во многих отраслях.⁸

На сей раз “играть мускулами” стали уже представители деловых кругов, которые угрожали покинуть комиссию, если принцип “кто не работает, тот не ест” не будет принят как основа для разрешения этого спора.

Трудовые активисты реагировали не менее резко, особенно ФКТУ. Дюжина профсоюзных лидеров, включая председателя Пак Ин Сона, организовала сидячую забастовку в штабе правящей партии.

В попытке уладить кризис члены комиссии, состоящей из представителей профсоюзов, предпринимателей и правительства, составили проект закона, который позволил бы предпринимателям оплачивать жалование представителям профсоюзов, но устанавливал бы предельное число освобожденных профсоюзных руководителей. Однако эта полумера была отклонена обеими сторонами и повлекла за собой очередной выход представителей профсоюзов из Трехсторонней комиссии.

Формы и методы борьбы

Можно сказать, что “надпрофсоюзы” занимаются в основном выработкой соглашений между руководством компании, ее профсоюзной организацией и правительством. Важную роль в этом играет практика трехсторонних консультаций, введенная нынешней администрацией. Теоретически эти консультации проходят между представителями правительственных структур, профсоюзными группами и предпринимателями, которые тоже объединены в несколько организаций лоббистского типа. Например, Федерация предпринимателей Кореи (КЕФ), которая, кстати, также часто угрожает отказаться от участия в консультациях.

Как правило, обсуждаются вопросы о количестве сокращаемых рабочих мест или проектах правительства, которые могут затронуть интересы работающих, однако эти обсуждения часто заходят в тупик или утопают в словопрениях. Отказ от сотрудничества такого типа и последующее возвращение к нему бывают достаточно часто. Так, в течение 1999 г. и ФКТУ, и КСТУ покидали комиссию в знак протеста против массовых сокращений производства из-за продолжающегося реструктурирования.⁹

Потому основной формой протеста остаются массовые шествия или забастовки. Пик выступлений происходит обычно в середине или конце зимы — начале весны (декабрь-март) и именуется “зимним наступлением” по аналогии с традиционным “весенним наступлением” профсоюзов в Японии. В обеих странах выбор весны связан с тем, что обычно именно в это время начинаются переговоры по реструктуризации заработной платы, а на рынок труда выбрасывается новое поколение выпускников учебных заведений.

В митингах принимает участие в среднем 10-15 тысяч человек, что свидетельствует о достаточно высоком уровне социальной активности масс, и проходят они, как правило, около Сеульского вокзала или Мёндонского кафедрального собора, в котором наиболее активные участники традиционно ищут убежища от полиции. Они могут носить характер как относительно мирной демонстрации, так и бурных потасовок с полицией. Кроме столицы, основными центрами такой активности являются Ульсан — фактически штаб-квартира компании “Хёндэ”, Чханвон, Кванджу и Тэджон, где сосредоточено значительное количество промышленных предприятий.

Шествия или демонстрации происходят достаточно стереотипно: знамена, лозунги, головные повязки с требованиями и ритмичное скандирование, сопровождаемое “ударами кулаков в воздух”. Естественно, набор лозунгов, характерных для каждого такого мероприятия, можно разделить на две груп-

пы — общие, вроде “Сократите часы работы” или “Остановим реструктурирование”, и частные конкретные требования.

Забастовка, как правило, бывает сидячей и проходит в том же здании, где бастующие работают, или в местах традиционного укрытия типа вышеупомянутого Мёндонского собора. Бастующие дисциплинированно сидят там или ходят туда, как ходили бы на работу, подчеркивая тем самым, что их борьба не имеет ничего общего с прогулами. Число участников акции может различаться, и профсоюзы часто завышают данные о количестве бастующих.

Далеко не всегда забастовку “видно”. Для того, чтобы ее последствия не были ощутимы, руководство компании привлекает на ее время к работе не членов профсоюза, а также рабочих, ушедших на пенсию или специалистов частного сектора, в результате чего предприятие не останавливается полностью, а работает, хоть и с перебоями. Подобная практика характерна и для метро, и для коммерческих банков.

Далеко не всегда широко обещанные забастовки действительно происходят. Гораздо чаще встречается вариант, когда, доведя ситуацию до определенного уровня нервного напряжения, профсоюз в решающий момент все-таки откладывает забастовку и тем самым добивается необходимого.

В течение мая 2000 г. обе федерации планировали прибегнуть к всеобщей забастовке, но демонстрации 1 мая показали, что в условиях самого высокого уровня безработицы рабочие не столько поддерживали профсоюзы, сколько боялись, что их участие в организованных забастовках может стоить им рабочих мест. На митинг перед Сеульским вокзалом вместо обещанных 100 тысяч пришло только 25.

Относительно новой формой борьбы является борьба с помощью судебных исков с требованием возмещения ущерба. За несколько месяцев 2000 года, в течение которых внутренняя экономика быстро развивалась, было подано несколько подобных исков.

Типичным примером было дело, когда 1025 прежних служащих филиала LG Industries, уволенных в период спада 1998 г., обратились в Сеульский суд с иском, требуя от компании деньги, которые они потеряли в результате экономического кризиса два года назад.

Истцы утверждали, что фирма, ссылаясь на трудности управления, оплатила им только половину их премий и не заплатила за сверхурочные. Они также заявили, что сверхурочная плата была исключена при начислении им пенсий.

Так как размер иска — самый большой в истории подобного судопроизводства в Корее, юридические эксперты высказали опасения, что это породит целую серию требований компенсации за снижения заработной платы во время кризиса, однако обе федерации профсоюзов поддержали истцов. А в январе 2000 г. национальный финансовый профсоюз потребовал привлечь к суду МВФ за умышленный урон, нанесенный корейской экономике. Суд отклонил иск, заявив, что Фонд не может нести гражданскую или уголовную ответственность за результаты своей политики.¹⁰

Повышенное внимание экспертов привлек случай в Пусане, где женщина — служащая требовала через суд компенсацию за сексуальное преследование со стороны начальника. Несмотря на тот факт, что этот человек был арестован и уволен компанией, КСТУ заявила, что женщина имеет право на компенсацию от своего работодателя, так как инцидент случился на работе. Это — первый случай, когда сексуальное домогательство со стороны начальства рассматривалось как “несчастный случай на производстве” (именно в такой формулировке), и решение по этому делу создало бы прецедент¹¹.

Профсоюзы, партии и правительство

Общий курс властей по отношению к профсоюзам можно выразить фразой министра юстиции на встрече с руководящим звеном прокуратуры: "Гарантировать юридически законные трудовые действия и наказывать за незаконные". Это значит, что они должны пресекать как несправедливые действия предпринимателей, включая произвольные сокращения на производстве, так и нелегальные акции профсоюзов. Нелегальной считается забастовка, прошедшая без предварительных переговоров с правительством в качестве посредника.

Против организаторов нелегальных забастовок часто проводится судебное преследование. Чон Бён Хо неоднократно задерживался и осуждался. Теоретически против забастовщиков вполне допустимо применение Закона о национальной безопасности, который до сих пор не отменен и позволяет рассматривать забастовщиков как пятую колонну, коммунистических агентов и т. п. — с понятиями для тех последствиями. Однако с момента его принятия времена изменились, и существует определенная практика, согласно которой от применения данного закона сейчас воздерживаются. Эта тенденция стала еще более заметной: правительство даже предложило компенсации тем членам профсоюзного движения, которые подвергались "политическим" репрессиям до прихода к власти Ким Дэ Чжуна.

Обычно правительство ограничивается объявлением предупреждений, озвученных на разных уровнях (от главы полиции Сеула до премьер-министра) или разгоном нелегальных демонстраций или митингов, вызвавших большие общественные беспорядки. Такие предупреждения, с одной стороны, являются признаком гнева властей, с другой стороны, к ним прибегают не так уж редко, и иногда это выглядит как "последнее корейское предупреждение".

Поэтому оппозиция часто обвиняет правительство в том, что всякий раз, когда повестка дня реформы сталкивается с сопротивлением тех или иных заинтересованных кругов, оно имеет тенденцию "поощрять их (этих кругов) эгоистичные действия", занимая популистскую позицию или игнорируя принципы реформы. "Правительство должно восстановить доверие общества, уважая принципы реформы, боль которой должны разделить все. Только так экономика может выжить".¹²

Впрочем, когда речь заходит о необходимости противостоять забастовкам, политические партии выступают единым фронтом, и уговаривать забастовщиков вернуться на работу ходят в Мёндонский собор и представители правящей партии, и депутаты от оппозиционных "Ханнара" и Объединенных Либеральных демократов (ОЛД). Как сказал представитель одной из них, "прискорбно, когда наши рабочие принимают участие в забастовках на фоне тех трудностей, которые стоят перед нацией".

Сам Ким Дэ Чжун вмешивается в ситуацию лишь в экстраординарных случаях. Для президента это и вопрос престижа, ибо, обеспечив успех "на внешнем фронте", за что он получил Нобелевскую премию мира, он считает долгом посвятить себя решению внутренних проблем.

Перед выборами обе федерации активно заявляют о своей поддержке одних кандидатов и неприятии других. Каждая группа объявила, что обнаружит список тех кандидатов, которых она считает недостойными (то есть, занимающих антирабочую позицию). У ФКТУ, например, есть пять критериев оценки того, насколько тот или иной политический деятель соответствует ее стандартам: дружелюбие по отношению к рабочим и их проблемам, озабоченность процессом реформ, честность и искренность, партийность и перспектива быть избранным.

Профсоюзы занимаются сбором средств в помощь своим кандидатам или иными формами их поддержки. В отличие от, допустим, Японии, где у каждой значительной политической партии есть своя “прирученная” профсоюзная организация, в Корее профсоюзы организовались как сила несколько позже и не имеют четких “партийных привязок”. Впрочем, можно сказать, что если ФКТУ тяготеет к поддержке правящей партии, Демократической партии нового тысячелетия (ДПНТ), то КСТУ склоняется к оппозиции и поддержке независимых кандидатов.

Поддержка ДПНТ, кстати, даже несколько поколебала позиции ФКТУ после того, как ее лидер Пак Ин Сан, возглавлявший федерацию в течение четырех лет, объявил о переходе на работу в аппарат ДПНТ. Многие члены федерации открыто критиковали его за то, что, начав заниматься политикой, он нарушил обещание “быть верным рабочему делу”. Кроме того, такой шаг как бы косвенно подталкивал федерацию к союзу с ДПНТ, в то время как часть ее сотрудников склонялась к поддержке Демократической трудовой партии (ДТП). О последней чуть подробнее. Партия эта была сформирована Квон Ён Гилем, бывшим журналистом и активистом профсоюзного движения, а тогдашний председатель КСТУ стал и сопредседателем партии¹³.

Созданная как попытка левых профсоюзов основать собственное представительство в политике, ДТП потерпит фиаско, ибо сложившаяся структура политических партий не дает новому образованию возможности “вклиниться”. Хотя партия претендовала на 24 места в Национальной Ассамблее и была уверена в том, что в рабочих районах ее кандидаты пройдут, ей не удалось получить ни одного депутатского кресла — даже в промышленных регионах массы голосовали по традиционной схеме.

В этом смысле очень хороший пример — результат голосования на выборах в Ульсане. Там соперничали сам Квон Ён Гиль, как лидер трудящихся данного района, и сын Чон Джу Ена, хозяин “города “Хёндэ”, которому фактически принадлежало большинство предприятий. Хотя накануне выборов ДТП была уверена в своей победе, Квон проиграл.

Профсоюзы в действии, или наиболее громкие акции

На мой взгляд, есть несколько ситуаций, которые хорошо показывают обстановку. Одной из них можно назвать цепь событий вокруг забастовки служащих отеля Lotte — весьма известного пятизвездочного отеля. Забастовка началась 9 июня 2000 г. после того, как управление односторонне прекратило ежегодные коллективные переговоры относительно заработной платы и других условий, продемонстрировав таким образом нежелание считаться с мнением рабочих. После этого приблизительно 1000 рабочих, или треть служащих гостиницы, организовала сидячую забастовку.

Ситуация ухудшилась ранним утром 29 июня, когда около 4:30 утра примерно 3000 омонцов устроили налет и арестовали почти всех активистов. Эта акция вызвала всплеск недовольства. К тому же столкновения между полицией и членами профсоюза были переданы по телевидению во всем мире, и нанесли, как считают, серьезный урон имиджу страны. Жестокое столкновение между полицией и сопротивляющимися забастовщиками привело к большому количеству пострадавших, госпитализированных с повреждениями разной степени тяжести. Более того, широко распространились слухи о том, что омонцовы избивали раненых и беременных женщин, а часть их при этом была еще и пьяна.

В конце июля КСТУ провело целую серию мероприятий, посвященных разгону полицией бастующих рабочих гостиницы, и требовало от властей официальных извинений и увольнения главы Национального полицейского агент-

ства¹⁴. Международные организации также откликнулись на призыв КСТУ: Международная конфедерация свободных профсоюзов направила по этому поводу письмо протеста Корейскому правительству.

После семи дней напряженных переговоров управление отеля, наконец, согласилось на требования союза: прекращение репрессий по отношению к участникам забастовки, 10 %-ное повышение зарплаты и продление возраста отставки до 56 лет. Позитивно был решен и наиболее важный вопрос — управление дало добро на зачисление в штат контрактников и частично занятых рабочих, которым через три года занятости будет предоставлен официальный статус.

Другой пример — апрельская забастовка 1999 г. в сеульском метро. Профсоюз подземки считался одним из наиболее боевитых, печать писала, что “в то время, как прочие профсоюзы понимают сложность ситуации, союз подземки отклоняет идею о сокращении хотя бы одного рабочего и требует дополнительных платежей, включая даже плату за обучение детей в школе”¹⁵.

Так как профсоюз рабочих подземки почти ежегодно организовывал забастовки либо угрожал ими, власти организовали для обслуживания новых линий метро отдельную компанию — “Столичную корпорацию скоростного транспорта”, специалисты которой использовались при необходимости для замены бастующих. Поэтому требования забастовщиков стали включать не только улучшение условий труда, но и слияние старой и новой компаний¹⁶.

Согласно данным профсоюза подземки, во всеобщей забастовке участвовало 8859 человек, или 82 % членов союза. Правда, забастовка не означала полного прекращения деятельности метро: мобилизовав рабочих, не являющихся членами профсоюза, и отчасти военных инженеров, компания отделилась увеличенными интервалами движения. Незначительные неудобства наблюдались только в течение утреннего часа пик.

На пятый день забастовщики получили предупреждение — ультиматум от правительства: или возвратитесь к работе, или будете уволены. Президент сравнил положение с забастовкой профсоюза авиадиспетчеров в США в годы правления Рональда Рейгана и предупредил, что корейских забастовщиков постигнет та же участь. На 66 лидеров профсоюза и его главу Сок Чи Суна были выписаны постановления об аресте. Перед лицом бескомпромиссной позиции правительства и низкой общественной поддержки, рабочие прекратили забастовку на восьмой день.

В заключение хотелось бы рассказать о забастовке служащих Гражданского (“Кунмин”) и Домостроительного (“Чутхэк”) банков, организованной Корейским союзом работников финансовой отрасли (KFIU), включающим в себя 23 союза и 80 тысяч членов. Забастовка была направлена как против слияния этих банков (решение о котором было принято их правлениями не без рекомендаций правительства), так и против реформы банковского сектора в принципе. Эта история достаточно яркая и типичная, она около недели держала в напряжении всю страну.

Профсоюзы утверждали, что слияние обернется потерей рабочих мест примерно для трети сотрудников, и сразу же взяли курс на жесткое противостояние. В “Кунмин” за стачку высказалось 90% служащих в ранге менеджера и ниже (профсоюз охватывает 2/3 сотрудников). Похожая ситуация была и в “Чутхэк”, где из 8900 служащих 7200 состояли в профсоюзе.

К тому же, забастовка, которая началась накануне Рождества 2001г., была уже второй акцией профсоюза двух банков — первая состоялась в начале июля и закончилась соглашением между правительством и профсоюзами, в котором последним были обещаны некоторые льготы для сокращаемых: ранний выход на пенсию с подыскиванием приемлемого нового места работы. От-

части потому правительство сразу объявило стачку незаконной и заняло жесткую позицию. На стороне правительства выступали и президенты банков, утверждая, что сокращения рабочих и филиалов не будет, что стачка ничем не оправдана.

Бастующие приняли решение не выходить на работу до тех пор, пока оба президента банков не сделают публичного заявления о том, что не пойдут на слияние. Правление банков сразу же пригрозило забастовщикам репрессиями (увольнение служащих - контрактников, снижение зарплаты и т. п.), если после праздников те не выйдут на работу. Параллельно были использованы стандартные способы замены сотрудников — привлечение пенсионеров, служащих из других банков и т.п. В ответ профсоюзы призвали работников руководящего звена присоединиться к ним и пригрозили, что в случае жестких мер речь может пойти о забастовке всех банков, входящих в ассоциацию.

Правительство немедленно собралось на специальное заседание, на котором председательствовал премьер и присутствовали министры финансов и экономики, труда и внутренних дел. Члены кабинета твердо дали понять, что намерены поступить с забастовщиками в соответствии с законом о нелегальных забастовках.

Между тем, после Рождества ситуация для властей не улучшилась. Была парализована деятельность почти всех 1140 филиалов банков. В “Кунмин” были открыты только 20 из 512, а в “Чутхэк” — 79 из 559 филиалов. На работу не вышло 2/3 от общего числа 20 тыс. служащих, и нанесенный забастовкой удар обещал быть действительно серьезным. К утру 27-го декабря в банковских автоматах закончилась наличность, возникли проблемы с перечислением денег.

Все это стало вызывать широкие протесты со стороны населения, так как стачка происходила как раз в то время, когда большинство людей снимает со счетов деньги для рождественских расходов. Трехчасовые ожидания в очередях в тех случаях, когда работа в банковских филиалах еще шла, лишь усиливали недовольство клиентов, тем более что были опасения, что необученные работники, занявшие места бастующих, станут совершать серьезные ошибки. Поэтому еще до праздников на профсоюзы посыпался поток обвинений в “эгоизме,” “неуважении к простому народу” и т.п.¹⁷

26 декабря предупреждение бастующим последовало лично от президента, а на следующий день лагерь забастовщиков разогнали, причем для Кореи это прошло необычно мирно. Особого сопротивления не было, раненых — тоже, отчасти потому, что забастовка проходила под контролем ФКТУ, отчасти потому, что бастующие с самого начала были настроены на то, что их цель — не конфронтация с полицией. Некоторые (приблизительно 600 чел.) нашли укрытие в тренировочном центре ФКТУ.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что деятельность южнокорейских профсоюзов выглядит двояко. С одной стороны, на фоне необходимости выхода страны из кризиса и неизбежности “жертвенных мер” профсоюзное движение часто оказывается в роли палки в колесе развития страны — многие либеральные специалисты считают, что объективно сопротивление профсоюзов замедляет реформу экономики. С другой — условия жизни корейского рабочего безусловно нуждаются в улучшении. Поэтому сейчас профсоюзы являются как бы смягчающим средством или противовесом, который позволяет сделать процесс реструктуризации в РК менее болезненным для трудящихся масс.

По оценке Кан У Рана, главного исследователя в экономическом научно-исследовательском институте компании “Самсунг”, “если трудовые споры

до кризиса 1997 г. могли бы быть охарактеризованы как борьба за заработную плату, то текущие конфликты — это “борьба за выживание”¹⁸. Именно развитие отношений между правительством, капиталом и рабочим классом в лице профсоюзов будет во многом влиять на динамику национального благосостояния в ближайшем будущем, причем в его нынешнем виде рабочее движение не угрожает правительственному плану реструктурирования экономики РК.

1. Korea Herald. 11 December 1999.
2. Korea Herald. 26 April 2000.
3. Korea Herald. 18 January 2000.
4. Korea Herald. 9 May 2000.
5. Korea Herald. 6 июня 2000.
6. Korea Times. 27.November 2000
7. Korea Herald. 20 October 2000
8. Korea Herald. 8 December 1999
9. Korea Herald. 21 April 1999.
10. Korea Herald. 28 January 2000.
11. Korea Herald. 16 May 2000.
12. Тонъя Ильбо. 2000. 27 ноября.
13. Korea Herald. 2 February 2000.
14. Korea Herald. 27-31 July 2000.
15. Хангыре Синмун. 1999. 4 декабря.
16. Korea Herald. 24 April 1999.
17. Korea Herald. 23 December 2000.
18. Korea Herald. 18 November 2000.

ВТО и Китай

© 2002

Ли Тсин

I

Вступление Китая в ВТО имеет громадное историческое и практическое значение

В конце прошлого года КНР вступила во Всемирную торговую организацию и официально стала ее членом. Это — важнейшее событие в истории китайской и мировой экономики. Это означает, что страна с пятитысячелетней историей и населением в 1300 млн человек впервые активно и по собственной инициативе всесторонне открывается внешнему миру, впервые продолжает процесс индустриализации и модернизации в условиях разделения труда, сотрудничества и конкуренции в глобальном масштабе. Для всего мира это тоже знаменательное событие, поскольку экономика страны, в которой проживает пятая часть населения планеты, представляет собой огромное рыночное пространство. Открытость Китая для мирового рынка непременно благоприятно скажется на развитии мировой экономики. Три четверти членов ВТО составляют развивающиеся государства и регионы. Вступление в эту организацию КНР — крупнейшей в мире развивающейся страны — благоприятствует обеспечению защиты законных прав и интересов большинства развивающихся стран в международной системе разделения труда и обмена, тем самым содействуя рационализации международного экономического порядка.

1. Вступление в ВТО отвечает требованиям экономического развития и курсу проведения политики реформ и открытости в Китае

В условиях бурного развития глобализации в государственную стратегию развития экономики Китая необходимо внести существенные коррективы, а именно: продолжать политику открытости мировому рынку и участия в конкуренции и международном разделении труда; полностью использовать собственные и мировые ресурсы, свой и мировой рынок; способствовать упорядочению экономической структуры страны; еще лучше овладевать движущими силами роста экономики, связанными со структурным процессом; ускорять собственное развитие; всемерно повышать свою конкурентноспособность.

Если страна стремится осуществить модернизацию, она не может в течение длительного времени устанавливать заградительные торговые и инвестиционные барьеры, пытаясь обеспечить жизненное пространство для внутреннего производства. В Китае как раз идут исторические процессы индустриализации и модернизации, и вступление в мировую экономическую систему есть историческая необходимость для него, хотя за это приходится платить, причем иногда и очень большую цену. За 20 с лишним лет политики реформ и открытости в Китае созданы основные условия вступления в глобальную экономическую систему; это, во-первых, основы социалистической рыночной экономической системы и, во-вторых, реальные условия развивающейся страны.

В 80-е годы прошлого века Китай инициировал процесс системных реформ, провел смелый поиск путей реформирования. С вступлением в 90-е годы начался процесс создания в основном костяка социалистической рыночной экономической системы.

Постепенное углубление реформ существенно продвинуло развитие экономики. В течение длительного периода времени в Китае сохраняются высокие (не менее 7%) темпы роста производства ВВП. В 2000 г. ВВП впервые в истории Китая превысил триллион долларов, выйдя на седьмое место в мире. Объем импорта и экспорта возрос с 70 млрд долларов в середине 80-х годов до 500 млрд долларов в 2001 г. Среднегодовой прирост составил 13%. Впервые в истории Китай занял четвертое место в мировой торговле после ЕС, США и Японии. Удельный вес импорта и экспорта в производстве ВВП возрос с 9,5% в 1978 г. до 43% в 2001 г. Валютные запасы страны увеличились с 2 млрд долларов в середине 80-х годов до 210 млрд долларов в 2001 г., то есть более чем в сто раз.

Вступление Китая в ВТО свидетельствует о том, что экономическая реформа в стране вступила в новый этап. Это окажет глубокое влияние на проведение реформ и на направление последующего экономического развития страны.

Исторически в конкуренции между странами проявляется соотношение их экономической мощи. В конечном итоге конкуренция — это соревнование систем. Мы создаем социалистическую рыночную систему. Ее цель состоит в освобождении и развитии производительных сил. Опыт показывает, что оба направления — проведение реформ и политика открытости — взаимодополняют друг друга, взаимно стимулируют развитие, формируют новую систему и являются мощной движущей силой экономического развития. Для создания зрелой социалистической рыночной системы потребуется пройти длительный путь, реформам предстоит разрешить целую серию глубоких проблем. К примеру, необходимо скорректировать стратегию в отношении государственного сектора экономики, покончить с отраслевыми монополиями и региональной замкнутостью, максимально выявить функцию рынка в движении ресурсов, регламентировать деятельность правительства, создать совершенную систему макрорегулирования и т.п. В деле изучения и заимствования всего богатства человеческой цивилизации Китай занимает открытую и активную позицию. Если прежде в осуществлении экономической реформы главным был поиск собственных путей, то с вступлением в ВТО главным становится приспособление к ее правилам. Создание социалистической рыночной экономики вступает в период еще большего ускорения.

2. Китай пуждается в ВТО, а ВТО пуждается в Китае

Современные китайцы ясно понимают, что для развития государства и подъема нации необходимо войти в мировую экономическую систему и приблизиться к достижениям человеческой цивилизации, которые несет с собой международное разделение труда.

Разделение труда и кооперация — это крупный и все расширяющийся процесс в истории человечества. В конечном итоге этот процесс может объединить судьбы всех народов мира. Свыше ста пятидесяти лет назад К.Маркс и Ф.Энгельс в “Манифесте коммунистической партии” писали: “Буржуазия путем эксплуатации мирового рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим... Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой национальной местной замкнутости, существующей за счет продуктов собственного производства, приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга”¹.

После второй мировой войны мировые процессы, о которых в свое время говорили К.Маркс и Ф.Энгельс, стали еще более очевидными.

Эти особенно важные процессы произошли после 80-х гг. XX века, когда глобализация экономики стала историческим процессом, от которого трудно оставаться в стороне любой стране и любому региону мира. Глобализация экономики — это прежде всего поступательная глобализация производства, обмена и потребления. Значительное повышение производительности труда и развитие материальной и цивилизации неразрывно связаны с углубленным разделением труда во всемирном масштабе, а последнее в свою очередь определяется масштабами рынка. Глобализация как раз и является процессом расширения масштабов рынка. Так, сегодня она вышла за национальные границы и оказывает влияние на процессы производства и образ жизни населения всех стран. Этот процесс включает и унификацию принципов конкуренции. Правительства всех стран и регионов, предприятия и общественные организации обязаны уважать и соблюдать правила международных экономических отношений в глобальной экономической деятельности. Хотя между государствами и регионами еще существуют различные разногласия и даже конфликты, тем не менее в общем уровень контактов между ними в целом непрерывно углубляется. Все больше предприятий ищут новые пути получения прибыли за пределами своих государственных границ, все больше граждан живут и работают за рубежом. Правительства обнаружили, что посредством равноправных переговоров и консультаций, путем совместного соблюдения общих правил можно гораздо эффективнее защищать интересы своих народов и содействовать социальному развитию, чем путем конфронтации и противодействия. Мир и развитие, как говорил архитектор политики реформ и открытости Дэн Сяопин еще в 80-е годы двадцатого столетия, — это две главные проблемы современного мира. Без мира нет развития, а без развития невозможно обеспечить мир. Китай и сегодня решительно придерживается этого принципа.

После начала политики реформ и открытости по мере расширения участия Китая в политической, экономической и культурной жизни мирового сообщества как мировое сообщество, так и Китай почувствовали, что Китаю необходима ВТО, а ВТО нужен Китай. По предварительным данным, в ближайшие пять лет спрос Китая на иностранные товары достигнет 1,5 триллиона долларов, это даст зарубежным предприятиям возможность инвестировать свыше 300 млрд долларов. Экономическое развитие Китая дает новый импульс развитию мировой экономики. В этом смысле вступление Китая в эту систему соответствует экономическим интересам всех сторон. ВТО становится более представительной торговой организацией мира.

В целом, вступление Китая на рубеже веков в ВТО — это стратегический выбор КПК, правительства Китая, чрезвычайно важный шаг на длительном пути прогресса Китая в экономическом и общественном развитии. Мы должны глубоко осознать нынешнюю ситуацию в мире и тенденции ее разви-

тия в будущем, овладеть ею, с тем чтобы стратегия развития Китая согласовывалась со складывающейся в мире ситуацией. Это — в высшей степени важный шаг Китая в деле дальнейшего экономического и общественного развития.

II

Необходимо трезво оценивать серьезность ситуации, сложившейся в связи с вступлением Китая в ВТО

Глобализация экономики способствует увеличению торговой прибыли. Однако ее распределение определяется торговыми условиями каждой страны, сравнительными преимуществами и конкурентоспособностью этих стран, особенно тем, могут ли участники процесса активно и эффективно выстоять в ходе конкуренции.

С 1986 г., когда Китай впервые подал заявку о восстановлении своего статуса в Генеральном соглашении о тарифах и торговле, до 2001 г., когда Китай официально вступил в ВТО, прошло пятнадцать лет трудных переговоров. Главная сложность состояла в чрезмерности требований некоторых стран, требований, которые были непосильны для Китая как развивающейся страны. Теоретически, став официальным членом ВТО, Китай не только принял соответствующие правила ВТО, но и активно участвует в их разработке. Однако, могут ли принятые совместно правила при существующем политическом и экономическом порядке в мире приносить совместную выгоду — зависит от реальных условий каждого члена организации. Китай — это развивающаяся страна с самым многочисленным в мире населением. Сельское хозяйство составляет основу народного хозяйства, 64% населения страны сосредоточено в сельской местности. Структура производства страны отсталая, конкурентоспособность предприятий слаба, степень готовности к индустриализации также низка. Все это классические особенности неразвитой экономики, которые ставят участие страны в глобальной торговле в неблагоприятное положение. Мы отдаем себе ясный отчет в этом.

После вступления в ВТО страна столкнулась с большими проблемами в области сельского хозяйства, современной сферы услуг, в некоторых областях промышленного производства. Сельское хозяйство Китая чрезвычайно отсталое. Его основу составляет семейный ручной труд и индивидуальное хозяйство. Каждый из двухсот с лишним миллионов крестьянских дворов располагает в среднем всего 0,41 га земли. Товарность производства в среднем составляет 50%, то есть это полунатуральные хозяйства. Уровень модернизации производства низок, способность противостоять стихийным бедствиям невелика. Средние цены производимой пшеницы, риса, кукурузы на 20-70% выше мирового уровня. В связи с вступлением в ВТО проблемы развития сельского хозяйства и повышения доходов крестьян серьезно обострились. Если переток сельской рабочей силы в городе увяжется в один узел с обострением проблемы занятости в самих городах, обстановка может еще более обостриться. Уже сейчас внимание правительства Китая приковано к этой проблеме.

Сфера услуг, особенно в ее современных формах, включилась в мировую экономику позже других сфер народного хозяйства. Задача перевода на рыночные рельсы таких отраслей, как финансы, страхование, торговля, телекоммуникации, железные дороги и гражданская авиация, еще не завершена. Этим отраслям еще очень трудно участвовать в конкуренции с транснациональными компаниями. Особенно это относится к сфере финансов и телекоммуникаций. Как одновременно с повышением конкурентоспособности этих сфер избежать вредного влияния на экономическую безопасность страны — вот крупная проблема, которую мы исследуем.

Что касается промышленного производства, то Китай имеет сравнительное преимущество в трудоемких отраслях. Однако в капиталоемких и технотемких отраслях положение намного хуже, чем в промышленно развитых странах. По объемам производства еще ни одно промышленное предприятие Китая не вошло в число пятисот крупнейших корпораций мира. Валовое производство самых крупных предприятий автомобилестроения, станкостроения, энергетического оборудования составляет лишь 1-5% производства предприятий соответствующих отраслей в развитых странах, то есть эти предприятия оказываются в абсолютно невыгодном положении. Если посмотреть на возможность исследований освоения новой продукции, то оказывается, что инвестиции в эту область составляют в Китае всего 1% ВВП. Менее 50% производимых на экспорт товаров отвечают мировым стандартам, а с вычетом переработанной продукции за счет торговли -- менее 30%. В новейших и высокотехнологичных отраслях мира большая часть ключевых технологий контролируется несколькими развитыми странами. И такое положение невозможно изменить в короткий срок.

Учитывая все это, при вступлении в ВТО Китай принял лишь те требования, которые соответствуют его статусу развивающейся страны. В условиях, когда есть общая выгода от вступления в ВТО и одновременно, когда за выгоду в каких-то областях и за краткосрочную выгоду придется платить большую цену, главным вызовом для Китая являются следующие проблемы. Сможем ли восполнить ту цену, которую готовы заплатить? Сможем ли успешно провести структурную реформу? Сможем ли в течение длительного времени успешно вносить изменения в экономическую систему и повысить конкурентоспособность народного хозяйства?

III

Активно использовать шансы и идти навстречу вызовам

Шансы и вызовы вступления Китая в ВТО сосуществуют. Шанс сам по себе никогда автоматически не приносит реальной выгоды. Сможем ли мы в максимальной степени добиться выгод и избежать крупного ущерба, — в огромной степени зависит от того, сможем ли мы своевременно и эффективно принимать контрмеры. Слепой оптимизм или пассивность здесь совершенно неуместны.

В первом приближении необходимо сосредоточить усилия страны на следующих восьми основных направлениях:

1. Ускорение упорядочения экономической структуры и технического прогресса, повышение уровня производства.

Отрасли, которые менее всего опекались правительством, которые активно участвовали в рыночной конкуренции и обрели сравнительные преимущества, получают выгоду. Те же отрасли, которые опекались правительством, слабо участвовали в рыночной конкуренции и не обрели сравнительных преимуществ, подвергнутся мощному натиску. Это и диктует необходимость проведения крупномасштабного упорядочения экономической структуры и повышения уровня производства.

В осуществлении стратегического упорядочения структуры экономики необходимо опираться главным образом на рыночные силы. С одной стороны, необходимо устранить все барьеры в самой экономической системе, ограничивающие движение факторов производства, покончить с монополизмом отдельных отраслей и протекционизмом на местах. С другой стороны, необходимо также предоставить справедливые возможности различным экономическим субъектам для вхождения в рынок, оптимизировать структуру производства путем перетока капитала с тем, чтобы предприятия в конечном итоге смогли

повысить свою конкурентоспособность в условиях жесточайшей мировой конкуренции.

Что касается сельского хозяйства, то здесь необходимо создать систему поддержки производства продукции на экспорт, соответствующей правилам ВТО, развивая те направления сельского хозяйства, которые имеют сравнительные преимущества для участия в конкуренции.

В областях промышленного производства необходимо оказывать помощь и поддержку и способствовать развитию тех отраслей, которые имеют сравнительные преимущества.

В сфере услуг придется в соответствии с положениями ВТО о гарантиях рационально ограничивать вхождение в мировой рынок и предоставлять необходимую защиту.

Необходимо постоянно совершенствовать инвестиционный климат, необходимо больше привлекать прямые транснациональные инвестиции. Наряду с повышением уровня производства необходимо инициативно и избирательно способствовать перемещению производства в Китай из развитых стран.

Китай уже осуществляет стратегию процветания страны путем развития науки и образования. Цель этой стратегии состоит в том, чтобы ускорить подготовку современных кадров, способствовать техническому прогрессу, повысить конкурентоспособность всей экономической системы.

2. Углубление реформы государственных предприятий, проведение стратегических корректив в государственном секторе.

Реформа государственных предприятий является центральным звеном всей реформы в Китае. В этой области поэтапно уже достигнуты результаты, существенно повышена степень использования всех факторов производства. Тем не менее для того чтобы государственные предприятия стали подлинно конкурентоспособными субъектами рыночной экономики и могли достойно выдерживать противоборство с транснациональными компаниями, необходимо дальнейшее углубление реформы. Цель этой реформы состоит в том, чтобы усовершенствовать структуру предприятий как юридического лица, создать современную систему предприятий. Мы уже определили стратегию упорядочения государственного сектора экономики. Она сводится в основном к тому, чтобы, наступая и отступая, действуя активно или отказываясь от вмешательства, скорректировать удельный вес капитала государственных предприятий и его распределение в народном хозяйстве. Ресурсы государственного сектора экономики по-прежнему будут использоваться в таких сферах, как государственная безопасность, естественные монополии, снабжение важнейшими для общества товарами и услугами. Эти сферы должны быть, как правило, выведены из сферы конкуренции. Это требует совершенствования системы выведения предприятий из сферы конкуренции, решения проблем занятости, создания социальных гарантий и перегруппировки производственных активов.

3. Ликвидация отраслевого монополизма и местного протекционизма, создание единого общенационального рынка, поддержание надлежащего порядка в рыночной среде.

Согласно правилам ВТО, все его члены должны проводить единую экономическую политику на всей территории, где взимаются таможенные тарифы.

Мы уже приступили к разрушению сформировавшегося за долгие годы административного монополизма в ведущих отраслях. Такие отрасли, как финансы, страхование, электроэнергетика, телекоммуникации, нефтяная и химическая промышленность постепенно открываются для внутреннего и внешнего рынка на основе соблюдения прав граждан. В отношении естественных монополий вырабатываются новые механизмы, отвечающие требованиям рынка в области цен, услуг, ввода и вывода их из рынка.

Принятие антимонопольного законодательства и усовершенствование "Закона противодействия неправомерной конкуренции" помогают юридическими средствами покончить с местным протекционизмом, обеспечить создание единого общенационального рынка. Нужно всемерно развивать самодисциплинирующиеся в условиях рынка посреднические организации, стимулировать у них способность к самообслуживанию, самоконтролю и стремление к сотрудничеству. Используя эффективные меры, необходимо ввести в правовые рамки конкуренцию субъектов рынка, всемерно поддерживать надлежащий порядок на рынке.

4. Создание здоровой и всеохватывающей системы социальных гарантий, путем перераспределения расходов возмещать убытки и оказывать помощь слабым группам в рыночной конкуренции.

Хотя рыночная экономика, благодаря действию механизма конкуренции, намного повышает экономическую эффективность общества, тем не менее она несет в себе немалые риски и неопределенность для участников рынка. Даже и до вступления в ВТО, когда Китай стал на рельсы рыночной экономики, периодические колебания конъюнктуры рынка, структурное упорядочение производства и другие причины ставили определенную часть общества в неблагоприятное положение в конкурентной борьбе. После вступления в ВТО, в мировую систему рыночной конкуренции, ситуация может еще более обостряться. Будучи социалистической страной, мы не можем отстраненно наблюдать за процессом чрезмерной дифференциации в доходах населения. На правительстве лежит ответственность вовремя проявлять заботу о слабых группах и оказывать им помощь. Так, в настоящее время мы предпринимаем усилия для повышения доходов девяťсотмиллионного крестьянства, мобилизуем все общественные силы на борьбу с безработицей, за оказание помощи в связи с выходом на пенсию и по инвалидности, просто бедным людям, активно ведем поиски возможностей для создания системы социальных гарантий, специфичных для Китая. Насущной задачей в настоящее время является компенсация низких доходов трудящихся в слабых отраслях производства и решение вопросов их занятости, сохранение стабильности и порядка в обществе и экономике после вступления в ВТО, создание условий для того, чтобы абсолютное большинство людей выигрывало от политики открытости и прогресса. Это также определяется социалистическим характером нашей страны.

5. Трансформация функций правительства в соответствии с требованиями ВТО.

Преобладающая часть положений ВТО основывается на том, что принципы рыночной экономики связывают действия правительства. Несмотря на многостороннее реформирование структуры и системы управления правительства в деле избавления от модели плановой системы управления и удовлетворения требований рыночной экономики, существуют многие недоработки. Чрезмерное прямое вмешательство правительства в микроэкономику, местный и отраслевой протекционизм не только серьезно препятствуют самореорганизации правительства, но и ограничивают формирование единого общенационального рынка. В конечном итоге это отрицательно влияет на повышение экономической эффективности всей системы. Трансформация функций правительства — очень сложная и трудная проблема.

Содержание трансформации функций правительства сводится прежде всего к дальнейшему совершенствованию функций правительства в области макроэкономического регулирования. Там, где необходимо и возможно, экономическая деятельность должна регулироваться рыночными механизмами и субъектами рынка, и правительственные рассмотрения и утверждения не нужны. Акценты в работе правительства должны быть перенесены на форми-

рование и регламентацию порядка функционирования рыночной экономики. Там, где по-прежнему необходимо рассмотрение и утверждение, эти процедуры должны быть упрощены и сокращены, они должны быть максимально нормативными и прозрачными. Сдерживая свои обещания, правительство за более чем полгода после вступления в ВТО провело инвентаризацию и ликвидировало большое количество ведомственных нормативов. Постепенно устранены многие местные нормативы, препятствовавшие созданию единого правового пространства. Все положения законодательства мы должны постепенно привести в соответствие с требованиями ВТО.

6. Используя правила ВТО, необходимо рационально поддерживать слабые отрасли и обеспечивать экономическую безопасность.

Согласно правилам ВТО, развивающимся странам предоставлено право на переходный период сроком 3-5 лет. Используя эту возможность, правительство ускоренно реформирует и упорядочивает систему, в частности умеренно и рационально оказывает поддержку отраслям, имеющим небольшой опыт работы в условиях рынка. Однако такая помощь безусловна. Чтобы соответствовать требованиям ВТО, необходимо в будущем быть открытым для рынка и участвовать в конкуренции. Поэтому поддержка в течение нескольких лет переходного периода должна сопровождаться напряженной работой по реформированию и упорядочиванию, с тем чтобы добиться от ранее слабого предприятия определенной конкурентоспособности.

В последние несколько лет в мире заметно активизировалась политика торгового протекционизма. Некоторые страны, злоупотребляя мерами борьбы с демпингом и по защите своего рынка, возводя барьеры на пути распространения технологий, оказывают ярко выраженное отрицательное влияние на развитие мировой экономики и торговли. От чего в большой мере страдал и Китай. После вступления в ВТО Китай получил право, используя соответствующие правила этой организации, путем двусторонних и многосторонних переговоров, консультаций и связей, претовращать попытки применить дискриминационные меры в торговле, к которым ранее прибегали некоторые члены организации, и эффективно защищать экономическую безопасность, законные права и интересы страны.

* * *

Китайская нация — это трудолюбивая, смелая и талантливая нация. Она имеет глубокие исторические традиции. В течение многих веков она была лидером в экономической, политической и культурной областях. За последующую замкнутость пришлось заплатить очень большую цену. Сейчас в этой стране сложился рынок, который по масштабам сравним с мировым рынком. В деле постепенного реформирования экономики она достигла грандиозных успехов. В ней поддерживается высокий рост в экономике и политическая стабильность. Китай полон веры в то, что способен овладеть шансами которые предоставляют глобализация экономики и свободная торговля, и готов не только встретить вызовы, но и внести свой вклад в прогресс мировой цивилизации.

Глобализация экономики несет миру многочисленные проблемы, с которыми ранее люди не встречались. К примеру, как распределить выгоды, которые несет единая глобальная система экономики? Одновременно, как избежать ущерба внутри страны в связи с проникновением внешних факторов и изменением структур? Как, одновременно с усилением политики и гармонизации элементов мировой экономической системы, отстоять свой суверенитет и независимость, экономическую безопасность? Как, наряду с реконструкцией своей системы, обеспечить экономический порядок, здоровое устойчивое развитие? и

т.д. Многие крупные проблемы теории и практики достойны глубокого осмысления всем человечеством. В Академии общественных наук Китая создан исследовательский центр специально по ВТО. Мы пытаемся помочь правительству, предприятиям, общественности. На этот счет уже опубликовано немало исследований. В этой области мы рассчитываем на проведение исследований и обмене мнениями совместно с разными странами, включая Россию.

В процессе вступления в ВТО Россия может столкнуться с многими проблемами, с которыми сталкивался в подобной ситуации Китай. Мы активно поддерживаем усилия России, направленные на вступление в ВТО. Мы искренне надеемся на то, что переговоры, которые ведет Россия в этой связи, в скором времени успешно завершатся. Мы приветствуем сам факт, что Россия станет активным членом ВТО. Китайский народ желает вместе с народами других стран, включая народы России, продвигать дело прогресса мировой цивилизации и совместно пользоваться благами этого прогресса.

Перевод с китайского языка Г.Богданова

-
1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд-е 2. Т. 4. С. 427-428.

«Модернизация с китайской спецификой»: проблема экономического измерения

© 2002

Л. Кондрашова

«Единое осуществление модернизации в четырех областях — первоочередная, центральная задача всего народа на протяжении довольно большого отрезка времени, в дальнейшем дело исключительной важности, от которого зависит судьба нашей Родины».

Дэн Сяопин. Избранное (1975-1982). С. 234.

Всем, кто давно не был в Китае, не избежать своего рода шока. Китай меняется на глазах с какой-то фантастической быстротой, все недавно привычное и обыденное быстро переходит в разряд исторических достопримечательностей. Крупные китайские города соперничают друг с другом по числу красивых многоэтажных гостиниц и инженерной сложности транспортных развязок. По перегруженности автомобилями они уже мало уступает западным мегаполисам. Кварталы чисто китайской застройки, знаменитые переулочки «хутуны» сжимаются до размеров «музеев под открытым небом». Вечером городские магистрали сияют огнями красочных витрин, заполняются толпами гуляющих. К их услугам многочисленные, работающие допоздна магазины, клубы и дискотеки. Китай «модернизируется», преобразуется не только фасад страны, меняются сами люди, человеческие ценности. Кого-то это все очень радует, кого-то печалит и настораживает. Известный американский правозащитник, министр юстиции в администрации Джонсона Рамсей Кларк в интервью журналистам газеты «Независимая» с сожалением отметил, что китайский народ попал в ловушку соревнования за экономическую мощь, «что — если повезет — ведет к мечте о супердержавности. Что, в свою очередь, должно будет продолжить политику Соединенных Штатов по уничтожению малых и незащищенных наций с целью их эксплуатации».¹

I

Китайские ученые с позиций современности констатируют 5 исторических моментов до образования КНР, когда были упущены возможности проведения модернизации. Первый раз, по их мнению, это случилось при Сунской династии, особенно при Южных Сунах в XI-XIII вв. В то время по уровню развития товарного хозяйства Китай далеко обогнал Европу, но по разным социальным причинам подавил товарное хозяйство и зачатки капитализма. Второй шанс представился в

средней фазе Минской династии — около 1500 г. В третий раз это произошло в ранней стадии правления династии Цин — с 1662 по 1795 г. Четвертая возможность возникла в середине XIX в. и еще одна — в первой половине XX в.² С конца XIX века, когда в полной мере выявилось отставание Китая от западных стран в экономическом и военном отношениях, необходимость отказа от оков устаревших традиций, проведения политических и экономических реформ осознавалась всеми прогрессивными общественными деятелями.

Родоначальником идеи «модернизации» в Китае можно считать лидера революционного крыла партии гоминьдан доктора Сунь Ятсена. Его программа-максимум включала два уровня: базовый — теоретический (три народных принципа) и практический, или тактический — на построение индустриально развитого общества, составляющего часть мировой цивилизации, демократически управляемого и обеспечивающего всеобщее благосостояние своим гражданам. Он отмечал четыре важнейших пути обогащения страны: максимальная утилизация человеческих ресурсов (развитие образования), рациональное использование земли, проведение индустриализации и расширение торговли. Как истинный патриот и националист в лучшем смысле этого слова Сунь Ятсен был целиком и полностью за самостоятельный путь развития Китая, но при использовании опыта и помощи других стран. «Моя идея, — писал Сунь Ятсен, — состоит в желании использовать иностранный капитализм для создания социализма в Китае, так чтобы, гармонично сочетая эти две экономические силы,двигающие человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации».³ Капиталистический мир привлекал его своими техническими достижениями и отталкивал своими язвами в виде имущественного неравенства, безнравственности и растущей преступности.

Выбор Китаем социалистического пути развития после победы революции в 1949 г. предопределил проведение социалистических преобразований и осуществление социалистической индустриализации при использовании опыта СССР. К моменту образования КНР современные китайские политики относят и начало курса на модернизацию. Выдвинутый Мао Цзэдуном в 1954 г. лозунг превратить Китай в высоко модернизированное великое государство дало основание некоторым китайским политикам для его зачисления в когорту «модернизаторов». Такой вывод выглядит весьма спорным. Попытка воплотить идею Мао Цзэдуна в жизнь в ходе «большого скачка» не только не продвинула Китай вперед, но, наоборот, отбросила его назад, превратив сам проект из модернизационного в антимодернизационный.

Спустя 10 лет, после провала «большого скачка», в 1964 г. организаторы политики «урегулирования» вернулись к программе «четырёх модернизаций», придав ей новое содержание и наметив преодолеть экономическую отсталость страны к концу века. В 1975 г. Чжоу Эньлай призывал к проведению модернизации в четыре этапа («четыре шага»), первый из которых — создание к 1980 г. относительно завершённой промышленной системы.

В концепции «модернизации» образца 1975 г. интересны два момента. Во-первых, своего рода подмена этим понятием прежнего курса на «социалистическую индустриализацию», которую с современных позиций можно рассматривать как раннеиндустриальную модернизацию по рецептам «догоняющего» и «мобилизационного» развития, но при отличной от буржуазной системы ценностей. Введенный в оборот на Западе термин «модернизация» претендовал на обоснование «в пику» социализму возможности быстрого экономического и социального развития на принципах капиталистического рыночного хозяйства и культурологических стереотипах капиталистически развитых стран, в числе которых предполагается высокая степень индустриализации и урбанизации, развитое рыночное хозяйство, наличие гражданского общества и

демократической политической системы и, соответственно, составляющих такое общество «автономно-суверенных» индивидов, секуляризация, свободная миграция населения, в том числе межгосударственная, широкое распространение образования и средств массовой информации. В устах Чжоу Эньлая призыв к «модернизации» выглядел как заявка на собственный путь развития при использовании опыта капиталистических стран без культурной вестернизации и при ориентации на социалистические ценности, но без догматизации положений марксизма и примера «старшего брата», как в то время часто называли СССР. Во-вторых, примечательно употребление в программе модернизации числительного «четыре» в духе китайских нумерологических традиций, что должно было способствовать большей доступности новой партийной установки, ее привязке к китайскому менталитету.

Приступая после смерти Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, а затем и ликвидации «банды четырех» к осуществлению хозяйственной реформы, Дэн Сяопин смело пошел на отказ от прежней социально-экономической стратегии, которая привела к глубокому отраслевым и региональным диспропорциям, нарушила условия воспроизводства рабочей силы и повышения ее качества, затормозила повышение производительности труда. Постепенно складывавшаяся новая стратегия развития при сохранении прежней модернизационной риторики делала ставку на развитие рыночных отношений и повышение уровня жизни народа. Ссылка на национальную специфику предполагала некоторое снижение самих критериев «модернизации», то есть учет стартовых условий глубокой экономической отсталости, идеологическую приверженность социалистическому курсу, выборочное отношение к опыту капиталистических стран. В июне 1979 г. на встрече с иностранными делегатами Дэн Сяопин заявил: «Мы должны осуществить четыре модернизации, это четыре модернизации китайского типа. Наше представление о четырех модернизациях не схоже с вашей концепцией модернизации, это то, что мы называем обществом «сяокан». Хотя к концу века мы достигнем некоторых показателей модернизации, но по показателю национального дохода на душу населения останемся на низком уровне. Чтобы выйти на сравнительно высокий уровень стран третьего мира, например на уровень 1000 долл. на душу населения, нам потребуются немалые усилия. Но даже в этом случае мы будем все еще отставать от Запада».⁴ С подачи Дэн Сяопина определение этапов модернизации было согласовано с неоконфуцианскими представлениями о трехступенчатом переходе к всеобщей гармонии и процветанию: сначала — достижение состояния «тепла и сытости» («вэньбао»), затем — построение «общества малого благосостояния» («сяокан»), наконец — достижение полного общественного единства и гармонии («Датун»).

Китайские интерпретаторы «идей Дэн Сяопина» подчеркивают, что ему удалось нащупать новый путь преодоления экономической отсталости Китая, отличный как от советской модели вульгарной индустриализации, так и от западного шаблона капиталистической модернизации.⁵

По мере развития реформы концепция модернизации получала все более полное оформление:

1979-1992 гг. — «вхождение» в трансформационный процесс, характеризующийся сменой критериев развития, разрушением старых и внедрением новых регуляторов экономической динамики, причем новые элементы образовали своего рода «анклав» в рамках прежней системы. Выход из глубокого системного кризиса, в котором оказался Китай в конце 70-х годов, был осуществлен через изменение хозяйственного механизма (переход к рыночной экономике), через расширение международных контактов (политика «открытости») и через рост потребления и погребительского спроса. Все это нашло отражение в концепции модернизации, которая приобрела синтезированный характер (за-

вершение индустриализации, потребительски-ориентированная модель и экспортно-ориентированная модель).

Количественные параметры модернизации были определены в самом начале реформы. В конце 1981 г. на 4-ой сессии ВСНП 5-го созыва премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян впервые официально сформулировал задачу увеличения годового объема совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства за 20 лет в 4 раза и достижения тем самым уровня «малого благосостояния» («сяокан»). В августе 1982 г. Дэн Сяопин сформулировал задачу следующего этапа: после создания общества «сяокан», а именно: за 30-50 лет, то есть к середине 21-го века достичь уровня развитых стран. В 1987 г. он изложил свое видение «трех шагов» процесса модернизации Китая: «Первоначально поставленная нами цель — к 80-м годам сделать первый шаг и добиться удвоения ВВП», «Второй шаг — вторичное удвоение мы относим на конец века, тогда ВВП достигнет 1000 долларов на душу населения, это и будет означать наше вступление в общество «сяокан», нищий Китай станет обществом «малого благосостояния», «еще более важен следующий, третий, шаг, следующее удвоение к 30-м или 50-м годам 21-го века, тогда на душу населения будет приходиться 4000 долларов».⁶ Положение о превращении Китая в результате постепенного осуществления модернизации в высокоцивилизованное, высокодемократичное социалистическое государство вошло в текст принятой в декабре 1982 г. Конституции КНР.

Установки Дэн Сяопина были узаконены 13-ым съездом КПК (1987 г.), который сделал особый акцент на роль науки и техники в модернизации страны и возвел в ранг государственного плана трехэтапное осуществление модернизации: к концу 80-х годов — удвоение производства и построение общества «вэньбао», к концу XX века — второе удвоение и построение общества «сяокан» с доведением душевого производства валового внутреннего продукта до 800 долл., к середине XXI века — завершение «социалистической модернизации».

1992-2000 гг. — функционирование дуалистической системы с ориентацией на вытеснение элементов старой системы как «пережитков» и создание условий для устойчивого воспроизводства новой системы. На 15 съезде КПК была намечена программа развития на 21 век: первые 10 лет — удвоение ВВП по сравнению с 2000 г., полное осуществление показателей общества «сяокан», создание целостной рыночной системы, следующий десятилетний этап — до 100-летнего юбилея КПК, завершение в основном модернизации к 100-летию образования КНР (2049 г.).

Общая задача модернизации Китая — построение экономически развитого, демократического государства с социалистической общественной системой и высоким материальным и культурным уровнем населения получила конкретизацию в следующих целевых установках: 1) завершение процесса индустриализации, 2) создание целостной рыночной системы, 3) высокая степень включенности в мировое хозяйство, 4) повышение жизненного уровня населения и рационализация структуры потребления, 5) сокращение различий в уровне развития различных регионов, 6) создание и совершенствование демократической политической системы, 7) развитие науки, культуры и образования, 8) значительное улучшение экологической обстановки.

В настоящее время, судя по работам китайских экономистов, дальнейшая разработка концепции «модернизации с китайской спецификой» идет в плане выбора между двумя моделями «продвинутой модернизации» — инвестиционно-ориентированной, учитывающей ситуацию незавершенной индустриализации, и потребительски-ориентированной, характерной для стран с достаточно высоким уровнем насыщения первичных потребностей и повышенными потребительскими стандартами, а в культурологическом аспекте — между

«хуаши» (адаптацией западного к китайским условиям) и «сихуа» (более или менее очевидной вестеризацией Китая).

II

Осуществление модернизации связывается, как правило, с достижениями определенных параметров, которые подразделяются на следующие блоки:

- Экономический аспект (высокий уровень экономического развития, измеряемый душевыми показателями валового общественного продукта и основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции; завершение процесса индустриализации, структурные изменения в пользу вторичной и третичной сфер производства; высокая степень урбанизации; переход с экстенсивного на интенсивный путь развития; превращение науки в главную производительную силу; подключение к процессам глобализации).

- Институциональный аспект (развитость товарно-денежных отношений и их легитимизация, создание системы многоукладности, важная роль косвенного государственного регулирования).

- Социальный аспект (рациональная занятость при низкой доле населения, занятого в сельском хозяйстве, высокая мобильность населения, отсутствие резкой имущественной поляризации, высокое развитие образования, здравоохранения и в целом системы социального обеспечения).

- Гуманитарный аспект (высокий жизненный уровень и развитая система потребностей, современная структура потребления с относительно невысоким уровнем расходов на питание, пониженный демографический рост, высокое качество рабочей силы).

- Политический аспект (демократизация общества, соблюдение прав человека, высокая социальная активность).

Попробуем вкратце оценить современное состояние Китая по некоторым основным «модернизационным блокам».

1. Демографическая ситуация и демографические показатели модернизации

За последние два с лишним десятилетия коренным образом изменился режим воспроизводства населения в Китае. По показателю естественного прироста населения его уже нельзя отнести к категории слаборазвитых стран: ежегодный естественный прирост населения снизился до менее 1%; а средняя ожидаемая продолжительность жизни приближается к 70 годам. Такая ситуация является следствием, с одной стороны, жесткой демографической политики, с другой стороны, улучшения материального положения людей и их медицинского обслуживания. Иначе говоря, «демографическая модернизация» Китая — процесс, заранее спланированный и осуществленный средствами «социальной инженерии», причем дальнейшие резервы в этой области на ближайшее время исчерпаны.

Решение очень многих экономических проблем в условиях снижения демографического давления значительно облегчается, однако у этой медали есть и оборотная сторона. Недовольство граждан таким беспардонным вмешательством государства в личную жизнь каждого гражданина пока нивелируется идеологической пропагандой, но неизбежно будет нарастать. Заставляют задуматься и такие негативные последствия демографической политики, как относительное сокращение трудоспособного населения, на которое ложится все более тяжелое бремя содержания пенсионеров. Ломается также и весь традиционный уклад китайской семьи, в которой уважение к старикам сменяется идолопоклонством перед единственным внуком (внучкой).

Вместе с тем многое в демографической ситуации демонстрирует незавершенность процесса модернизации в этой области. Китай продолжает существовать в условиях избытка рабочей силы и сохраняет во многом облик аграрной страны. По степени урбанизации (31%) он значительно отстает от среднего общемирового уровня (47,5%). Однако следует иметь в виду, что количественные показатели степени урбанизации Китая являются достаточно условными и вследствие этого степень урбанизации статистически занижена. Периодически критерии понятия «город» пересматривались, что влияло на показатели общей численности городского населения. Так, введение в 1984 г. новых правил ГСУ немедленно сказалось на количественных оценках степени урбанизации в Китае, которая подскочила в 1989 г. до 52,3%. С 1993 г. в Китае вступили в силу новые критерии городского статуса, и степень урбанизации снова понизилась. Приходится признать, что обычные мировые стандарты «города» по количеству жителей и характеру их занятости к Китаю мало подходят. Таких поселений с несколькими тысячами жителей, многие из которых заняты вне сферы сельского хозяйства, в Китае великое множество, однако образ жизни в них нельзя считать «городским» в подлинном смысле этого слова. При определенной экономической политике и значительном улучшении городского хозяйства степень урбанизации Китая может резко возрасти.

Директор Института социологии АОН Китая Ли Пэйлин, ссылаясь на тот факт, что большое количество сельских жителей работает в городах, а многие поселки фактически превратились в города, считает, что урбанизация в Китае находится на уровне 45%, что соответствует положению в странах с аналогичным душевым производством ВВП (в 1997 г. душевое производство ВВП в Китае было близко к 860 долл., при котором по мировым стандартам урбанизация должна быть 44%).⁷

Учитывая наличие минимум 150 млн человек избыточной рабочей силы в деревне (при общей численности сельского населения 900 млн человек) и неэффективность прежних методов насильственного сдерживания миграции из деревни в город в рыночных условиях, к середине следующего века в города должны переселиться ориентировочно 500 млн человек, по 10 млн ежегодно, но до сих пор этот прирост был в среднем 6,5 млн. Эта массовая миграция осложнит проблему трудоустройства в городах. Сейчас безработица в городах, по официальным данным, оценивается в 3-5% плюс 30 млн скрытой незанятой рабочей силы. По альтернативным оценкам, постоянной работы лишены примерно 15% общего числа трудоспособного городского населения. Главным «поглотителем» избыточного сельского населения станут мелкие города на базе уже существующих крупных поселений, в которых получит развитие сфера услуг. Примером такой успешной «малой урбанизации» может служить устье реки Чжуцзян.

2. Степень экономического развития

Что касается сводного показателя уровня экономического развития и степени модернизации, какими являются общее и душевое производство ВВП, то его подсчет сопряжен с определенными методологическими сложностями. По данным китайской статистики, за годы реформы ВВП страны вырос в текущих ценах более чем в 20 раз (с 362,4 млрд юаней в 1978 г. до 8 600 млрд в 2000 г), а в сопоставимых ценах — почти в 7 раз. Фактически намеченное удвоение ВВП на 1980-2000 гг. было выполнено на 5 лет ранее, уже в 1995 г., а к 2001 г. намеченный показатель был превышен более чем на 50%. Показатель душевого ВВП вырос с 379 юаней в 1978 г. до 7078 юаней в 2000 г. (или в сопоставимых ценах в 5,6 раза).

Проблема упирается в процедуру пересчета из национальной валюты в доллары для проведения международных сопоставлений. По оценкам Всемир-

ного банка, произведенным по «традиционной» методике — с использованием официального курса валют, душевой показатель ВВП составил в 1999 г. 780 долл. (по данным МВФ — 848 долл.), что ставит Китай на 140-е место в общем списке из 206 стран при доле в мировом ВВП в 2,4%.⁸ Эти оценки ВВП по валютному коэффициенту (ВК), свидетельствует о том, что задача «первого шага» модернизации может считаться выполненной, однако Китай остается еще в числе слаборазвитых стран.

Однако использование другой методологии международного сравнения — по паритету покупательной способности валют (ППС) дает в 4 раза более высокие результаты. В этом случае в 2000 г. душевой показатель ВВП Китая можно считать близким к 3000 долл. Расчеты, произведенные в Институте экономики РАН, вывели на следующее соотношение ВВП на душу населения по главным развитым странам и Китаю в сравнении с США (Таб. 1):

Таблица 1.

Соотношение ВВП на душу населения при оценке по ППС и ВК (в %)

Страны	1995 г.		2005 г.		2015 г.	
	ППС	ВК	ААС	ВК	ППС	ВК
США	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Япония	85,69	142,10	96,47	160,90	105,40	175,00
Германия	76,06	96,28	83,51	105,2	90,07	114,10
Франция	76,82	89,33	78,50	91,27	79,70	92,67
Великобритания	70,47	67,13	74,12	70,61	76,92	73,28
Китай	10,03	2,24	18,33	4,09	28,35	6,32

Источник: В. Малышев, Л. Разлина. «Пятерка» и Китай: сопоставительный прогноз экономического развития на период до 2015 г. // Вопросы экономики. 1998 г. № 11. С. 142.

По оценкам вышеупомянутых авторов, уровень ВВП на душу населения в Китае в конце XX в. составлял около 70% аналогичного российского показателя и в 2001-2002 гг. должен его превзойти.⁹ При сохранении достаточно высоких темпов экономического роста можно прогнозировать примерно равное соотношение ВВП США и Китая уже к 2005 году.

Самая сложная экономическая проблема — это структурные преобразования. С точки зрения количественных показателей Китай осуществил первичную индустриализацию и его с полным правом можно считать индустриально-аграрной страной. Соотношение трех подразделений народного хозяйства в 1978 г. было 28,1 : 48,2 : 23,7, в 2000 г. стало 15,9 : 50,9 : 33,2.¹⁰ Таким образом, структурные изменения находятся в общем русле модернизационных преобразований в пользу второго и еще более третьего сектора. Во втором секторе довольно сбалансировано выглядит соотношение тяжелой и легкой промышленности (60:40). В третьем секторе уменьшается доля торговли и общественного питания, но также доля транспорта и финансовых услуг. Транспорт и связь — это те отрасли хозяйства, где «осовременивание» Китая можно наблюдать визуально: развернуто массовое строительство шоссе и железных дорог, по протяженности автобанов он уже занял 3-е место в мире, значительно улучшилось обслуживание пассажиров, в городах широкое распространение получила сотовая связь, по числу сотовых телефонов Китай теперь опережает все страны мира. КНР является также самым быстро растущим рынком компьютеров в мире, что позволило заговорить о «компьютерной лихорадке». Начиная с 1992 г. темпы роста продаж персональных компьютеров почти

ежегодно превышали 50%. В настоящее время Китай находится на 6-ом месте в мире по объему своего рынка персональных компьютеров после США, Японии, Германии, Великобритании и Франции.¹¹ В конце 1996 г. парк компьютеров в КНР составлял 5,16 млн. штук, в 1998 г. — уже 8,5 млн., а в 2000 г. приблизился к 20 млн. В начале 1997 г. Китай уже эволюционировал от рынка отдельных персональных компьютеров к их сетевому использованию.

3. Модернизация хозяйственной системы.

По своей направленности экономическая реформа в Китае альтернативна прежней стратегии на максимальное обобществление производства и директивно-плановое распределение продукции, что проявляется прежде всего в полной реабилитации частной собственности и рыночных отношений. За два с лишним десятилетия реформы в стране были заложены основы многоукладного рыночного хозяйства. Налицо все признаки современной смешанной экономической системы: многообразие хозяйственных укладов, их взаимодействие и взаимопереплетение, складывающееся единство конкурентно-рыночной, корпорационной и государственной форм регулирования обеспечивают стабильность этой системы, поддержание высоких темпов экономического роста, способность противостоять неблагоприятной международной конъюнктуре. Многие институциональные изменения остаются незавершенными, но их общее содержание свидетельствует о приближении к модернизационным и рыночным стандартам. В результате развития многоукладности предпринятия необщественных форм собственности значительно потеснили государственный сектор, полностью узаконено существование частной собственности, появилась масса гибридных форм, сложился хозяйственный анклав иностранных предприятий.

Однако непрерывное становление новых хозяйственных форм, новых видов государственного регулирования, синтезирующих элементы рыночных и административных связей, придает хозяйственной системе черты переходности, что проявляется в том числе в размытости границ между различными укладами. Официальная статистика до последнего времени пыталась добросовестно фиксировать происходящие сдвиги в структуре системы собственности, подводя под расчеты необходимую методологическую базу. Согласно постановлению Государственного статистического управления от 1992 г., было выделено 9 основных секторов и 21 подсектор. Этих правил придерживались при проведении третьей промышленной переписи в 1995 г., материалы которой свидетельствуют о том, что доля государственных предприятий в валовой продукции промышленности сократилась в 1985–1995 гг. почти вдвое (с 64,9 до 34,0%), по основным фондам — в 1,4 раза (с 74,6 до 53,7%), по численности занятых — в 1,3 раза (с 41,1 до 31,6%).¹²

Цифры, приведенные в наиболее полном статистическом издании, каким является «Китайский статистический ежегодник» за 2001 г., говорят о том, что в конце 90-х годов продолжалось плавное снижение доли государственных предприятий (23,5% валовой промышленной продукции), произошло резкое падение доли коллективных предприятий (13,9%) и заметное укрепление позиций частного капитала (доля частного сектора — 6,1% и акционерного сектора — 11,8%). Участие иностранного капитала в виде предприятий, созданных целиком на средства иностранных инвесторов или со значительной долей иностранного капитала, включая капиталы предпринимателей из Гонконга, Макао и Тайваня, достигло весьма внушительных размеров. Но эта картина уже не дает адекватного представления о динамике процесса разгосударствления, поскольку само содержание секторов и формы государственного участия в экономике претерпели важные изменения.

Судя по современным, куда более скромным, позициям «общественных форм собственности», включение все большего числа мелких государственных и коллективных предприятий в режим частного хозяйствования, превращение крупных государственных предприятий в современные корпорации, приватизация в Китае — все это набирает силу. Правда, доля государственных предприятий в общем объеме промышленного капитала остается очень высокой, а возрастание доли частного сектора в последние годы произошло главным образом за счет коллективного сектора (см. Табл. 2).

Таблица 2.

Структура основного и оборотного капиталов промышленных предприятий по формам собственности

Годы	Государственные предприятия		Коллективные предприятия		Предприятия иностранного капитала		Частные предприятия	
	млрд юаней	%	млрд юаней	%	млрд юаней	%	Млрд юаней	%
1990	1192,5	67,0	544,4	30,6	33,0	1,9	9,5	0,5
1991	1368,3	68,4	577,1	28,8	44,7	2,2	12,3	0,6
1992	1794,8	65,1	824,2	29,9	116,0	4,2	22,1	0,8
1993	2546,2	60,9	1322,6	31,6	245,6	5,9	68,1	1,6
1994	2886,9	58,7	1576,8	32,1	312,3	6,3	144,8	2,9
1995	3166,4	58,1	1623,1	29,8	399,1	7,3	262,2	4,8
1996	3284,4	56,4	1726,5	29,6	441,5	7,6	375,2	6,4
1997	3624,9	58,2	1624,4	26,1	460,0	7,4	514,0	8,3
1998	3488,0	56,4	1512,5	24,4	467,3	7,6	719,8	11,6
1999	4351,0	60,8	1316,2	18,4	463,5	6,5	1028,7	14,3

Расчет по данным: Доклад по состоянию частных предприятий в Китае (2001). №3 // Пекин. Шэньчжэнь кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2002. С. 7 (кит.яз.).

К тому же государство сохраняет за собой контроль над макроэкономическими процессами, а как известно, контроль зачастую более значим для бизнеса, чем сами права собственности. Сближение различных укладов в плане расширения хозяйственной самостоятельности и строгого подчинения суженному набору государственных и партийных норм позволяет говорить о постепенном превращении китайской многоукладности в некую устойчивую систему совместного развития различных форм собственности.

Китайская смешанная экономика, как никакая другая, представляет собой не простое сосуществование и параллельное развитие государственного и частного хозяйства, но их взаимодополнение. В результате развернувшегося передела в сфере собственности государственный сектор приобретает новые очертания. В дополнение к «государственным предприятиям» стала выделяться категория «государственных предприятий и предприятий с государственным контрольным пакетом акций», на которую сейчас приходится 47,3% валовой продукции промышленности.¹³ Появление такой группы государственно-частных предприятий означает начало формирования в Китае системы национального имущества наподобие «третьего сектора» японской экономики (просматриваются также параллели с процессами, происходящими на Тайване).

Меняется стиль работы коллективных предприятий, которые все больше становятся частно-коллективными. На предприятиях акционерной собственности сохраняется зачастую государственный пай, и государственные орга-

ны имеют право вмешиваться в процесс принятия управленческих решений, что затрудняет их отнесение к «частным» предприятиям. Сами корпорации многими в Китае рассматриваются не только как субъекты рыночных отношений с определенным юридическим оформлением, но и как устойчивые общности людей, выполняющих определенные производственные и социальные функции в соответствии с общегосударственными интересами, иначе говоря, как разновидность совместной (общественной) собственности. Такое промежуточное положение хозяйственных единиц, их переход из одного уклада в другой под влиянием разницы в эффективности и конкурентоспособности — свидетельство мобильности складывающейся хозяйственной системы.

За годы реформы Китай далеко продвинулся по пути создания рыночной экономики. О современной стадии формирования рыночных отношений см. Таблицу 3.

Таблица 3.

Степень маркетизации экономики Китая (%)

Сферы экономики и виды рынков	1979 г.	1990 г.	1995 г.	1997 г.
Промышленные предприятия	0	15	46,4	48,0
Товарный рынок	2,25	54,5	84,5	85,0
Рынок рабочей силы	3,24	34,7	60,0	65,0
Финансовый рынок	1,0	6,3	9,1	10,0
Рынок жилья	0	22,8	39,3	40,0
Рынок техники	0	54,1	70,8	71,0
Сельское х-во	7,67	51,6	65,0	66,0
Промышленность	0	37,3*	49,9	50,0
Внешняя торговля	1,5	22,3*	41,4	54,4

Примечания: * — 1991 г., 1997 г. — предварительные оценки.

Источник: Чжунго цзинцзи тичжи шичангуа цзинчэн (Процесс маркетизации китайской экономической системы) // Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1999. С. 33.

Эти данные дают самые общие представления о товаризации народного хозяйства Китая и не могут претендовать на полную достоверность и необходимую статистическую точность. Их назначение — определенное ранжирование различных сфер экономики по «продвинутости» рыночных реформ и не более того. Судя по этим данным, наибольшие достижения наблюдаются в сфере товарных рынков (из 1,4 млн. видов товаров, производимых в мире, в Китае освоено производство 400 тыс¹⁴), резко сократилась сфера планового товарного распределения. Система централизованного материально-технического снабжения сокращается вслед за сужением сферы директивного планирования. центральное директивное планирование как таковое охватывает не более 5-7% валового промышленного производства. Даже по наиболее важным сырьевым видам продукции доля свободного распределения значительна: 30% — по топливным ресурсам, столько же — по прокату, около 50% — по стали, 65% — по лесоматериалам. Предприятия все более полагаются на прямые связи с поставщиками и потребителями, на новые формы рыночной торговли, какими являются торговые центры (числом более 400) и товарные биржи (более 200). Почти все магазины преобразованы из государственных в коллективные, сданы в аренду или проданы частным лицам.

На втором месте по показателю внедрения рыночных отношений стоит сельское хозяйство. Учитывая сохраняющийся контроль над товарными пото-

ками со стороны местных органов власти, фактическое отсутствие рынка хлопка, значительную степень самообеспечения крестьянских хозяйств, *маркетизацию сельского хозяйства* китайские эксперты оценивают на уровне 2/3. Показательно, что рынок земли заменяет ротация прав владения землей. В производстве продовольствия товарная часть составляет примерно 30%.

Несельскохозяйственный сектор, по китайским оценкам, маркетизирован примерно наполовину. В промышленности значительно сужена сфера директивного планирования, центральное директивное планирование охватывает не более 5-7% валового промышленного производства. На бюджетное финансирование приходится всего 10-15% общего объема промышленных инвестиций, около половины объектов капитального строительства предприятия создают за счет собственных фондов и внебюджетных ассигнований местных органов власти.

Что касается факторов производства, то через рынок происходит найм более 90% рабочей силы (то есть минуя прямое административное распределение). В государственном секторе прямое распределение касается только 12% рабочего персонала..

В результате постепенной *либерализации цен* 90% товаров реализуются по ценам, отражающим соотношение спроса и предложения. Доля рыночных цен по закупкам сельхозпродуктов достигает 80-90%, по товарам розничной торговли — 95%. Твердые государственные цены сохраняются в отношении 88 видов товаров и услуг, включая стратегические товары (сырая нефть, природный газ, частично уголь, прокат черных металлов, тарифы на железнодорожные перевозки). Еще на два с лишним десятков видов товарной номенклатуры осуществляется контроль на местном уровне. На многие виды товаров и услуг устанавливаются «направляющие цены», которые контролируются с помощью лимитов либо через установление формулы расчета цены, исходя из издержек производства и нормативной прибыли. Официальные и рыночные цены на жилье расходятся очень сильно.

Одно из наиболее серьезных изменений последних лет — полная *ликвидация товарного дефицита*, создание такой ситуации превышения производства над потреблением, которую можно назвать «рынком покупателя». Если в 1998 г. превышение производства над спросом наблюдалось по 25% номенклатуры потребительских товаров, то в 1999 г. — уже по 67%.¹⁵ Переполнению рынка способствовал и азиатский финансовый кризис. В 1999 г. ситуация «вялого рынка» привела к дефляции. В 2000 г. цены незначительно выросли.

Наиболее осторожно проводятся рыночные реформы в финансовой сфере. Государственные банки Китая (называемые в настоящее время «политическими») пока еще слабо реформированы, но их самостоятельность повышена. С 1998 г. сняты ограничения на масштабы выдачи кредитов коммерческими банками, начинает создаваться рынок прямых индивидуальных инвестиций. С 1990 г. по ноябрь 2000 г. рынок ценных бумаг вырос до 4000 млрд. юаней, что составляет примерно 50% ВВП.¹⁶

4. Внешнеэкономическая открытость, включенность в мировую экономику

За последние 20 лет внешняя торговля КНР росла почти в три раза быстрее, чем внутреннее производство. Внешнеторговый оборот в 2000 г. превысил 474 млрд. долл. (в 1978 г. он составлял всего 20,6 млрд. долл.). По величине экспорта (249,2 млрд. долл.) Китай занял почетное седьмое место в «клубе мировых экспортеров». Экспорт стал важнейшим фактором динамичного экономического роста КНР. По расчетам, основанным на официальных данных о ВВП и внешнеторговом обороте, коэффициент зависимости экономики от

внешней торговли (КВТЗ) увеличился с 10 перед началом реформ до более 40%, доля экспорта в ВВП возросла с 5 до более 20%. По экспертным оценкам, приближенным к реальности, КВТЗ находится в пределах 17-25%, что, опять-таки выше усредненного показателя по странам мира — 15-20%.¹⁷

Показательно заметное «облагораживание» экспорта. Доля вывоза готовой продукции повысилась с половины его общего объема в начале 80-х годов до 90% в 2000 г. Хотя в основе своей она представляет собой продукцию легкой и текстильной промышленности, но и на продукцию обычного и транспортного машиностроения, а также электронной промышленности приходится 30% готовой экспортной продукции. Доходы от экспорта Китай использует на массовую закупку оборудования и техники, доля готовой продукции в импорте составила в 2000 г. 79,2%.

Введение налоговых и таможенных льгот для совместных предприятий, учреждение специальных экономических зон и другие меры позволили привлечь в страну огромные капиталовложения. За 1979-2000 гг. объем иностранных инвестиций составил свыше 518,9 млрд. долл., в том числе в виде прямых инвестиций — 346,6 млрд. долл.¹⁸, что поставило Китай на второе место в мире после США и на первое место среди развивающихся стран. В стране действуют около 200 тыс. совместных предприятий и более 70 тыс. иностранных предприятий.

Валютные запасы страны увеличились со 167 млн. долл. в 1978 г. до 210 млрд. долл. в 2001 г. Внешний долг стабильно держится в пределах 150 млрд. долл.

Не все моменты «открытой» внешнеэкономической политики воспринимаются однозначно положительно. Значительная часть китайского внутреннего рынка захвачена иностранными и смешанными предприятиями с участием иностранного капитала, создающими мощную конкуренцию государственным предприятиям. Такого рода предприятия обеспечивают 50% объема производства мощных средств, а их участие в реализации этой продукции на внутреннем рынке оценивается в 35%. Им также принадлежит 36% внутреннего рынка косметических товаров, 19% рынка пищевых продуктов (по пиву эта доля 20%), 30% рынка электронных товаров (предприятия Тяньцзиня, принадлежащие американской компании Моторс, дают 80-90% всего объема производства мобильных средств связи), около 50% рынка медикаментов.¹⁹

5. Жизненный уровень и повышение качества рабочей силы.

Доходы городского населения номинально выросли с 316 юаней в 1978 г. до 6280 юаней в 2000 г., а с учетом роста цен в 3,8 раза. Доходы сельского населения аналогично — со 133,6 юаней до 2253 юаней, в реальном исчислении — в 4,8 раза²⁰. Хотя рабочая сила в Китае остается по азиатским меркам достаточно дешевой, условия разворачивающейся конкуренции и большой задолженности госпредприятий подталкивают к экономии на трудовых затратах. Таким образом, создаются условия для перехода на интенсивный путь развития.

Рост жизненного уровня китайского населения выражается в повышении покупательной способности и в изменении структуры потребления, снижается доля питания, повышается доля расходов на жилье, товары длительного пользования, транспорт и медицинские услуги. Доля питания в структуре потребления городского населения (коэффициент Энгеля) составила в 2000 г. 39,2% против 57% в 1981 г. Статьи «одежда» и «предметы длительного пользования» составляют 50,8%. В потреблении сельского населения доля питания также в последние годы снизилась до менее 50%. Особенно сильно снизилось потребление зерна, по городскому населению со 134,8 кг в 1985 г. до 82,3 кг в 2000 г., зато потребление мяса (всех видов) — с 22 кг до 25,5 кг.

Холодильники, телевизоры, кондиционеры стали обычными предметами домашнего обихода, многие китайские семьи могут позволить себе купить компьютеры, музыкальные центры, отправиться в туристическую поездку по

стране и даже за границу. Сбережения на банковских счетах предназначены для покупки в будущем квартиры или автомашины, а больше всего, для оплаты учебы детей в высших учебных заведениях.

Хотя жилищная проблема еще далека от своего решения, обеспеченность жильем тоже значительно улучшилась: с 8,1 кв. м на душу сельского и 3,6 кв. м на душу городского населения в 1978 г. до, соответственно, 24,8 и 10,3 кв. м в 2000 г.²¹ Раньше во многих домах не было элементарных санитарных удобств, теперь городские квартиры, а нередко и сельские дома обустроены санузлами, все чаще жители их пользуются вместо привычных, иногда модернизированных, вентиляторов кондиционерами.

Несмотря на успехи в области образования, проблем здесь немало. В целом по стране, в середине 90-х годов неграмотные и малограмотные составляли 15,8% населения, а в 6 западных провинциях — этот показатель превысил 20%.²² В Цинхэе и Тибете, например, и сейчас половина молодежи не знакома с иероглифами. Начальным образованием охвачены почти все дети школьного возраста, но из школ второй ступени в средние школы переходят только половина учеников, обязательное девятилетнее образование введено всего в 6 провинциях. Число учащихся в вузах в расчете на 10 тыс. чел. выросло в 1978-2000 гг. с 8,9 чел. до 32,8 чел., число выпускников высших и специальных учебных заведений — с 4,1 чел. до 17,9 чел.²³

В 1997 г. в высшие учебные заведения поступили только 7,6% окончивших средние школы. Контингент студентов в 2000 г. насчитывал 5,56 млн. человек, что составляет около 0,5% всего населения. На государственных предприятиях научно-технический персонал составляют всего 10% против 30% в развитых странах. На 10 тыс. человек инженеров и научных сотрудников в США 74,3, в Японии — 79,6, в Англии, Франции, Германии — 48-61, в Китае — 6,8.²⁴ Показателем роста благосостояния и соответствующим образом ориентированной экономической политики может служить рост числа студентов, обучающихся за рубежом, если в 1978 г. таковых было только 860 человек, в 1990 г. — около 3 тысяч, то в 2000 г. уже почти 39 тысяч.²⁵

III

В настоящее время существуют несколько вариантов обобщенных оценок степени модернизации Китая. Американский ученый Алекс Инкельс еще в 70-е годы предложил для оценки степени модернизации использовать 10 основных показателей. Сравнение достигнутого и планируемого уровня модернизации Китая с этими «эталонными» показателями дает следующую картину:

Таблица 4

Степень модернизации Китая

Показатели	Стандартный уровень модернизации	Современное состояние Китая (1998 г.)	Планируемый уровень модернизации к середине XXI в.
Душевой уровень ВВП	Более 3000 долл.	800 долл. (1999)	9000 долл.
Доля сельского хозяйства в ВВП	12-15%	18,0%	Ниже 10%
Доля сферы услуг в ВВП	Более 45%	32,8%	Выше 60%
Доля занятых вне сферы сельского хозяйства	Более 70%	50,1%	80%

Показатели	Стандартный уровень модернизации	Современное состояние Китая (1998 г.)	Планируемый уровень модернизации к середине XXI в.
Городское население	Более 50%	30,4%	75%
Естественный прирост населения (промилле)	Менее 10	9,53	7,0
Доля грамотных во взрослом населении	Более 80%	Около 80%	90%
Доля студентов среди молодежи	10-15%	4%	20%
Число пациентов на 1 врача	Менее 1000 чел.	645	500 чел.
Средняя ожидаемая продолжительность жизни	Более 70 лет	70 лет	75 лет

Источники: Синьхуа вэньчжай. 2000. №7. С. 41-43.; статистические справочники.

Из перечня «эталонных» показателей степени «модернизации» по четырем из них уровень Китая может быть признан достаточно высоким: 1) ежегодный естественный прирост населения (83% от эталонного уровня, 34 место в мире); 2) средняя ожидаемая продолжительность жизни (46 место в мире); 3) число пациентов, обслуживаемых одним врачом (на 55% выше стандартного уровня, 33 место в мире); 4) грамотность взрослого населения (61 место).

По другим четырем показателям Китай сильно отстает от нормативного уровня модернизации: 1) по среднедушевому показателю валового национального продукта, которого придерживается официальная китайская статистика; 2) по доле сферы услуг в структуре ВВП отставание от норматива на 39% (111 место в мире); 3) по доле студентов среди молодежи (всего 4%, что на 1 процентный пункт ниже уровня слаборазвитых стран и всего 32% от модернизационного норматива); 4) по степени урбанизации (31%), которая ставит Китай на 91 место в мире и все еще значительно ниже среднего общемирового уровня (47,5%).

Китайскими учеными была предпринята попытка оценки степени модернизации по 8 группам наиболее представительных показателей на основе данных по 21 развитой капиталистической стране²⁶, которая дала следующие результаты (на 2000 г, установочный уровень принят за единицу):

Демографическое состояние (4 показателя)	0,55
Экономический уровень (5 показателей)	0,26
Социальное развитие (3 показателя)	0,40
Жизненный уровень (5 показателей)	0,59
Уровень образования (4 показателя)	0,29
Уровень развития науки (5 показателей)	0,25
Степень информатизации (4 показателя)	0,04
Экологическое состояние (2 показателя)	0,49
Комплексная оценка	0,404

Аналогичный поход в приложении к отдельным регионам показал, что раньше всех, уже в 2005 г, расчетного уровня модернизации достигнет Шанхай, Пекин это сделает только к 2018 г., Гуандун — к 2021 г., Тяньцзинь — к

2026 г. Последние ряды занимают следующие регионы: Ганьсу (2062 г.), Цинхай (2065 г.), Гуйчжоу (2070 г.), Тибет (2090 г.).²⁷

Расчеты тех же китайских ученых по показателям Инкельса, вывели их на общий уровень модернизации Китая 72,3%. Этот показатель немногим отличается от расчетов специалистов Всемирного банка, согласно которым Китай по комплексному показателю модернизации (77,5% от эталонного уровня) в 1994 г. находился на 69 месте среди 120 стран мира. По индексу гуманитарного развития, разработанному специалистами ООН, который учитывает уровень грамотности, состояние сферы здравоохранения и ряд других важных моментов, (0,644), Китай приближается к странам среднего уровня развития (ниже 0,5 – слаборазвитые страны, 0,5-0,8 – страны среднего уровня развития).²⁸

Специфически китайской является оценка степени достижения уровня «малого благосостояния». Китайскими статистиками были разработаны «Сводные усредненные показатели уровня «сяокан» и две дополнительные группы показателей отдельно для городского и сельского населения. Уровень жизни определяется по 16 показателям, разбитым на 5 групп. По основным показателям степень их реализации выглядит следующим образом:

Таблица 5

Степень приближения к уровню «малого благосостояния» в Китае.

Показатели	Ед. изм.	Эталонный уровень	Абсолютные величины		% от эталонного уровня	
			1980	1999	1980	1999
ВВП на душу населения	Ю.	2500	778	3591	31,1	143,6
Средняя ожидаемая продолжительность жизни	Лет	70	68	Б.70	97,0	100,0
Коэффициент детской смертности	%	31	34,7	32,5	94,6	97,8
Доходы на душу населения	Ю.	2400	974	2749	38,5	114,5
Доля расходов на культур-массовые цели	%	11	3	11,59	27,3	100
Доля грамотных среди населения старше 15 лет	%	85	77,7	87,6	91,4	103,1
Жилая площадь на душу населения	Кв.м	15	4,5	18,7	22,2	124,7
Количество телевизоров на 100 семейств	Ед.	100	11,9	100	11,9	100
Обобщенный индекс «сяокан» по 16 показателям	%					94,6

Примечание: стоимостные показатели в ценах 1990 г.

Источник: Цзинцзи жибао. 2000. 4 декабря.

На конец 1999 г. 615,6 млн человек проживали в условиях «относительного благосостояния», что составило ровно половину населения страны. В городах соответствие эталонному уровню достигло 94%. В сельской местности из 16 показателей 100%-й результат был достигнут по 9 показателям. В региональном аспекте 15 провинций и городов центрального подчинения выполнили поставленные задачи на 90%, 9 административных единиц — на 80-90% и 7 — примерно на 80%. Эти показатели символизируют достижение в

сельской местности так называемого уровня «тепла и сытости», а в городе приближение к уровню «среднего достатка», или «малого благосостояния».

IV

Несмотря на то, что результаты двадцати с лишним лет реформирования и модернизации китайского общества можно считать промежуточными, они позволяют констатировать кардинальный характер произошедших изменений:

- общий рост экономического потенциала, преодоление значительной части проблем слаборазвитости и вступление в новую эру «системы после-бедности»;

- создание многоукладного хозяйства и снижение доли государственного сектора; широкое развитие рыночных отношений, в режим которых включены и негосударственные, и государственные предприятия, значительная либерализация системы ценообразования; ликвидация товарного дефицита и формирование «рынка покупателя»; отказ от системы директивного распределения и изменение функций государства, сокращение сферы бюджетного и расширение сферы денежного регулирования; значительное повышение благосостояния населения, изменение структуры потребления, важная роль в экономическом развитии платежеспособного спроса и сбережений населения в формировании инвестиционного фонда; повышение степени индустриализации и урбанизации общества, определенные сдвиги в развитии науки и техники; широкое включение Китая в систему мирохозяйственных связей, значительная либерализация внешнеэкономической деятельности, наличие благоприятного климата для массового привлечения иностранных инвестиций.

Выбранный Китаем эволюционный путь проведения реформы с чередованиями «накатов» и «откатов» хозяйственных преобразований сказался и на ходе модернизации, которая приобрела «волнообразный» характер и отличается постепенной разработкой и уточнением выдвигаемых программ, широким проведением разного рода экспериментов. Асинхронность и разнонаправленность модернизации в разных областях общественной жизни и в разных регионах постоянно создавала опасность «сбоев», для предупреждения которых привлекались социальные стабилизаторы, включая партийно-государственный контроль. В результате государство оказалось важным агентом модернизации и инициатором реформистских преобразований.

Государственная Программа четырех модернизаций, подобно «автопилоту», не позволяет отвлечься от поставленных целей, но не содержит, как это было когда-то, строгих нормативных установок и жестких сроков их достижения. Задача выполнения программы к середине века дает стране необходимый резерв времени и оставляет ее минимум на десяток лет в статусе слаборазвитой страны, которая в праве претендовать на получение определенных привилегий.

Для признания этого статуса сейчас есть весомые основания: переход Китая от аграрного общества к индустриальному, от слабо урбанизированного общества к урбанизированному пока еще не состоялся. Большая часть населения страны проживает в сельской местности, заняты в сельском хозяйстве и в мелкой промышленности, сохраняют во многом традиционный уклад жизни. Социально-экономическая структура носит двухъярусный характер, что проявляется в технологическом разрыве между промышленностью и сельским хозяйством, в разнотемповых преобразованиях рвущегося вперед города и несравненно более консервативной деревни, в расхождении между модернизированным Приморьем и ожидающих своего часа западных и внутренних районах. На Западный регион, занимающий 18% территории и 20% населения, в 2000 г. приходилось всего 15% ВВП.

Если придерживаться широкой трактовки модернизации как приведение какой-либо системы в соответствие с ее наиболее рациональным устройством

вом, вытеснение прежней «традиционной» системы другой, принципиально от нее отличной («современной»), то Китай следует отнести к категории транзитных экономик, не приставших еще «к другому берегу». Как страна «третьего эшелона» модернизации Китай вынужден попутно доводить до конца индустриализацию, и его вступление в информационное общество, где господствуют интенсивный тип производства и интеллектуальные формы труда, только-только начинается, хотя начинается весьма успешно. Значительно повысившаяся доля третьего сектора, по международным меркам, пока выглядит весьма скромно. Сейчас в большинстве развитых стран она составляет 60-80%. Доля наукоемких, высокотехнологичных отраслей пока тоже невелика. Налицо анклавность современного сектора и его «сожительство» с массой мелких, технически слабооснащенных предприятий. Следует отметить сохранение экстенсивного характера экономического роста, базировавшегося на массивных капиталовложениях и постоянном расширении сферы занятости. Роль НТР в экономическом развитии в развитых странах находится на уровне 60%, в Китае — около 30%.²⁹ Корпоративизация промышленности только в последнее время стала набирать обороты. Все 520 самых крупных китайских корпораций не дотягивают до масштабов операций 500 международных гигантов.

При различной восприимчивости экономики к инновациям и характере ресурсов на образование и науку все страны подразделяются на три типа: государства первого типа модернизации (ресурсы — минеральное сырье, энергоносители и территория, и акцент делается на тяжелой индустрии и экстенсивном развитии сельского хозяйства), второго — ресурсы — психологические установки и трудовые навыки населения, ведущие отрасли — электроника, биотехнология, малотоннажная химия и др.) и третьего — (ресурсы — творческий потенциал общества, акцент на создании новых идей и технологий).³⁰ За пределы первого типа модернизации Китай еще не вышел.

Не все «плоды» модернизации оказались сладкими. Устремления людей к зажиточной жизни явно обгоняют возможности их удовлетворения и рождают соблазн быстрого обогащения, в том числе и нечестным путем. Официальные органы и пресса вынуждены признать рост коррупции и преступности, общее падение нравственности. Индекс общественного порядка, рассчитываемый по 6 показателям (число милиционеров, число судебных уголовных дел, экономические преступления, уровень раскрываемости преступлений, число смертных случаев при ДТП и при пожарах в расчете на 10 тыс. чел. населения) за годы реформ ежегодно снижался на 2,4%. По росту преступности и коррупции («модернизация» со знаком минус) Китай быстро догоняет развитые страны. Индекс социальной стабильности, рассчитываемый по пяти показателям (темпы инфляции, уровень безработицы, доля населения, охваченного системой социального страхования, доля бедного населения и индекс Джини) в 1978-1999 гг. снижался в среднем на 1,6% в год. Хотя охват населения системой социального страхования увеличился до 30% общей численности населения, но он все же остается низким, к тому же объем фондов социального страхования в последние годы сократился³¹.

Выполнив задачи «второго шага» модернизации и значительно повысив свой экономический потенциал, Китай, образно говоря, уже занял достаточно удобное место в «локомотиве прогресса», но еще не оплатил его полностью. Законы рыночной экономики и общий процесс глобализации диктуют свои «правила дорожного движения». Их признание устанавливает такой порядок вещей, который характеризуется рационализмом, конкуренцией, имущественной дифференциацией, то есть господством «золотого тельца» со всеми атрибутами стяжательства и борьбы за выживание. Сейчас становится очевидным,

что рост доходов населения (фактическое учетверение за 20 лет) произошел при значительном копировании потребительских стандартов Запада и с отступлением от одного из важнейших «идеалов модернизации» — выравнивание социальных и экономических условий. На место прежнего относительного имущественного равенства пришла имущественная дифференциация. Выборочные обследования, проведенные группой специалистов из Государственной плановой комиссии, показали, что разрыв между богатыми и бедными приближается к критическому уровню и превышает масштабы, типичные для многих слаборазвитых стран. В этом отношении Китай уже «догнал» США.³²

Все это ставит под удар коллективистские традиции и лежащий в основе социалистической идеи принцип социальной справедливости. Взятый Китаем «таймаут» в выборе между капитализмом и социализмом (высказывание Дэн Сяопина относительно того, чтобы не сковывать себя абстрактными спорами о том, какую фамилию — Социализм или Капитализм — носит проведение реформы и расширение внешних связей, перекочевало в тексты выступлений современных китайских лидеров.³³) на руку тем силам, которые выступают за полную унификацию общественного развития по капиталистическим канонам и ждут не дожидаясь, когда же Китай откажется от своего «специфичного» социализма. Иностранные компании, проникая в Китай, рассчитывают захватить китайский рынок и, используя пока еще относительно дешевую рабочую силу, превратить китайскую экономику в свою производственную и сборочную площадку.

Воздавая должное реформе как важному фактору быстрого экономического роста в Китае, сами китайцы признают паллиативность достигнутых результатов, что выразилось в числе прочего в разноростном реформировании различных сфер экономической и политической жизни, в отставании политической реформы от экономической. Хотя существующая политическая система при сохранении традиционных политических структур социалистической страны и монопольного положения компартии несколько не помешала динамичному росту экономики, но на сегодняшний день политическую модернизацию откладывать дальше уже невозможно. Показательно, что инициатива политической перестройки исходит от самой партии. Целями XV съезда Компартии Китая в сентябре 1997 года назвал «развитие демократии, укрепление правовой системы, отделение функций государственного управления от функций управления предприятиями, совершенствование государственных органов, улучшение системы контроля, поддержку стабильности и единства».

Сложность реформирования политической системы Китая в том, что до сих пор не разработана модель демократии, наиболее соответствующая китайским реалиям. Внедрение демократических институтов западного толка, в том числе многопартийности, имеет определенную общественную поддержку, но не безоговорочную. Многие признают, что в том огромном человеческом конгломерате, который представляет собой Китай, при невысоком пока еще уровне образования и самодисциплины авторитарный характер режима имеет свои зоны. Неудовлетворенность чисто западной интерпретацией прав человека и сопровождающими рынок сугубо меркантильными отношениями между людьми обострение противоречий между лицами, адаптировавшимися к рыночным отношениям, и традиционально настроенными массами населения, подпитывают левую оппозицию, которая провозглашена главной опасностью реформационного процесса. Партия продолжает играть роль той жесткой конструкции, которая скрепляет общественный каркас и вкупе с умелым сочетанием централизации и децентрализации и патриотической пропагандой позволяет сдерживать мощные центробежные тенденции.

Как всегда, когда общество находится в поворотной точке («точке бифуркации»), вновь актуализируется проблема выбора хода и траектории раз-

вития. Концепция «потребительского общества» в том виде, как она сложилась на Западе, не годится для пересадки на китайскую почву. Ее отторгает специфика Китая в виде нехватки земли и природных ресурсов, сложной демографической и экологической обстановки. Жесткая демографическая политика, которая помогла решению ряда проблем, в том числе способствовала росту душевых доходов населения, по существу не совместима с соблюдением прав человека.

На фоне разворачивающейся трансформации капиталистического общества в «посткапиталистическое» прежней концепции модернизации начинает оппонировать концепция постмодернизации, что предусматривает «отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, которые были характерны для модернизации, и знаменует переход к более гуманному обществу, где самостоятельности, многообразию и самовыражению личности предоставляется больший простор».³⁴ Дальнейшая корректировка «целевой модели» китайской реформы должна пойти в направлении большего учета демографо-социальных и экологических факторов без переключения на западные ценности, и «экосоциализма» как социально-ориентированной экономики с повышенным вниманием к сохранению окружающей среды. Такой переход сопряжен с фундаментальными изменениями системы ценностей, преодолением свойственного современному обществу потребительства. Симптомом такого сдвига в Китае к «постмодерну» служит широкое обращение к проблемам «интеллектуальной экономики», или «экономики знаний», больший акцент на развитие науки и образования. Разработчики стратегических курсов все больше доверяют аргументам сторонников «достаточного развития», которые убеждают в необходимости установления заслонов на пути ресурсоемкого потребительства. Немало сочувствующих у «нестандартной» программы модернизации Китая, которая предусматривает замену традиционной модели с заложенными в нее высокими темпами роста экономики на механизм постоянного, скоординированного развития.

1. «Независимая». 2002. 26 января.
2. Ван Дун. Создание новой теории особой модернизации Китая и идейное наследие Сунь Ятсена, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина // Бэйцзин дасюэ сюэбао. Сер.: чжэсюэ шэухуэй кэсюэ бань. Пекин, 1994. №4. С. 11-21.
3. Сунь Ятсен. Программа строительства страны // Избранные произведения. Т. 2. Пекин. С. 321.
4. Дэн Сяопин. ПСС. Жэньминь чубаньшэ, 1994 г., т.2, с. 237 (кит. яз.).
5. Ван Дун. Указ. соч. С. 11-12.
6. Дэн Сяопин. ПСС. Т.3. С. 226 (кит. яз.).
7. Экономика КНР на переломе веков. М. 2001. С. 76.
8. Чжунго шичан цзинцзибао. 20014 апреля.
9. «Вопросы экономики». 1998. №11. С. 137
10. Чжунго тунцзи няньцзянь. 2001. С. 50.
11. Остров П.Б. Уровень компьютеризации и рынок персональных компьютеров в КНР в международном контексте // Китай и АТР на пороге ХХ! века. Тезисы докладов IX Международной научной конференции в Москве. М. 1998. Часть 1. С. 79-81.
12. Го Кэсо. Исследование качества промышленного роста // Пекин. Цинцзи гуаньли чубаньшэ. 1998. С. 136.
13. Расчет по данным «Чжунго тунцзи няньцзянь». 2001, с. 401.
14. Гуанмин жибао. 1999. 11 октября.
15. Цинцзисюэ дунтай. 2000. №3. С. 13.
16. Лю Вэй, Ди Шаожун. Изменение собственности и экономический рост в соотношении с повышением экономической эффективности // Цинцзи яньцзю. 2001. №1. С.4.
17. Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М. 1998 С. 39.

18. Чжунго тунци няньцзянь. 2001. С. 602.
19. Го Кэсо. Указ. соч. С. 173.
20. Чжунго тунци няньцзянь. 2001. С. 303.
21. Там же. С. 333.
22. Цзяюй яньцзю. 1995. №1. С. 67.
23. Чжунго шэхуэй синши юй юйцэ. Шэхуэй ланьртшу. Пекин, 2001. С.10.
24. Ду Шоуху. Модернизация Китая: международные сопоставления // Цзинци тичжи гайгэ. 2000. №4. С. 13.
25. Чжунго тунци няньцзянь. 2001. С. 653.
26. Ян Догуй. Чэнь Шаофэн, Нью Вэньюань. Прогнозы осуществления модернизации разными регионами Китая // Шанхай цзинци яньцзю». 2001. №5. С. 6.
27. Там же.
28. Цзинци яньцзю. 1997. №8. С, 5.
29. Ду Шоуху. Модернизация Китая: международные сопоставления // Цзинци тичжи гайгэ. 2000. №4. С. 5.
30. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Н.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. С. 100.
31. Чжунго шэхуэй синши фэньси юй юйцэ. Пекин, 2001. С. 11-12.
32. Beijing Review. №26. June 28. 2001.
33. Дэн Сяопин. ПСС. Т. 3. С. 372 (кит. яз.).
34. Инглегарт П. Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 269.

Инновация — движущая сила развития китайского общества в современную эпоху

© 2002

Бао Оу

В последние несколько лет понятие «инновация» (*чуансинь*) стало в Китае чрезвычайно распространенным, его повсеместное присутствие в средствах массовой информации является видимым даже для тех, кто впервые вступил на китайскую землю. Начиная от пекинского аэропорта «Шоуду» и далее вдоль всей трассы ведущего в город скоростного шоссе расставлены щиты с лозунгами наподобие: «Совершим инновацию в науке и технике, превратим мечту в реальность». Перелистывая страницы газет, читатель регулярно видит в заголовках словосочетания: «инновационное мышление» (*чуансинь сывэй*), «техническая инновация» (*цзишу чуансинь*), «инновация в области знаний» (*чжиши чуансинь*), «инновационный проект» (*чуансинь гунчэн*), «система инновации» (*чуансинь ситун*) и т.п. Включив телевизор, зритель на всех программах может наблюдать заставку с лозунгом «Наследуем цивилизацию, осваиваем инновацию» (*Чуаньчэн вэньмин, кайто чуансинь*). На Центральном телевидении Китая в ежедневном выпуске вечерних новостей появилась даже специальная программа «Углубленно изучаем доклад¹, осваиваем и всеми силами осуществляем "инновацию"». Если же попытаться ввести слово «инновация» в поисковую систему в китайском Интернете, то результаты поисков будут исчисляться десятками тысяч найденных страниц.

Феномен невиданной популярности в современном Китае этого понятия заслуживает внимания и изучения. На различных исторических этапах развития общества средства массовой информации отбирают в качестве приоритетных различные темы, при этом господствующее в информационных потоках ключевое слово в определенной степени отражает пульс движения данного общества. Если взять в качестве примера Китай, то до 1978 г. в средствах массовой информации главенствующее место занимали слова «революция» (*гэмин*) и «борьба» (*доучжэн*). В период после 1978 г. и до середины 1990-х годов это место занимало словосочетание «реформы и открытость» (*гайгэ кайфан*). С середины 1990-х годов в китайских СМИ стало господствовать слово «инновация».

1. Предпосылки формирования повышенного внимания китайского общества к проблеме инновации

В своем обычном смысле китайское слово *чуансинь* (инновация) имеет словарное значение «отбросить старое, создать новое»², что сближает его по смыслу с такими словами, как *гэсинь* (обновление) и *чуанцзао* (творчество).

Бао Оу, доктор философии, пост-докторант Института гуманитарных наук Университета Цинхуа (КНР, Пекин).

Если же рассматривать это понятие в экономическом значении, то выдвинутое американским ученым-экономистом австрийского происхождения Й. Шумпетером³ понятие «инновация» охватывает целых пять важных аспектов.

Во-первых, оно указывает на использование новых видов продукции, которые еще не знакомы потребителю или обладают новыми качествами. Во-вторых, оно означает использование новых способов производства, которые еще не опробованы в соответствующих отраслях. Эти новые способы не требуют для себя основания в виде новых научных открытий, они также могут быть реализованы в форме новых способов коммерческого использования продукции. В-третьих, это открытие новых рынков, на которые производящие отрасли той или иной страны ранее не имели доступа, при этом не важно, существовали прежде эти рынки или нет. В-четвертых, оно указывает на овладение или получение контроля над новыми источниками поставок сырья или полуфабрикатов, также независимо от того, существовали эти источники прежде или созданы впервые. В-пятых, это создание новых организаций в промышленности, например путем образования или разрушения монополий⁴.

Вслед за началом периода реформ и открытости Китай стал в большом количестве закупать заграничную технику. На раннем этапе ввоз техники представлял собой главным образом ввоз иностранных производственных линий, что, несомненно, повышало экономическую эффективность производства. Но если страна остановится на этой стадии заимствования, то она неизбежно попадает в ловушку, ибо вслед за ввозом техники наступает новое отставание, требующее, в свою очередь, нового ввоза оборудования. В связи с этим представляется естественным требование выведения Китая из замкнутого круга «импорт — отставание — новый импорт» на путь развития по схеме «импорт — ассимиляция — инновация».

К этому следует добавить, что в 1990-е годы Китай четко определил цели национального развития на основе распределения ресурсов посредством рынка. Ситуация, в которой предприятия осуществляют производство только в соответствии с государственным планом, осталась в прошлом и больше не вернется. Это означает, что если отдельно взятое предприятие не может самостоятельно развиваться, оно неизбежно будет поглощено рынком. Данное обстоятельство способствует тому, чтобы предприятия и общество в целом начали уделять повышенное внимание проблеме инновации и инновационному потенциалу.

Уже в первой половине 1990-х годов исследования в области технологической инновации предприятий вызвали значительный интерес в китайских научных кругах. В середине 90-х ученые КНР приступили к изучению опыта исследований национальных инновационных систем, проводившихся Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР \ OECD). Особое внимание ученых привлекли к себе развернутая ОЭСР в 1994 г. «Программа исследований национальных инновационных систем» (NIS Project) и опубликованные по ее итогам важные исследовательские доклады «Экономика, основанная на знаниях» (1996)⁵ и «Национальные системы инноваций ОЭСР» (1997)⁶.

Вслед за этим интерес к проблеме инноваций вышел за пределы научных кругов и начал оказывать непосредственное влияние на принятие общегосударственных политических решений. АН Китая подготовила важный доклад на тему строительства китайской системы инноваций. Председатель КНР Цзян Цзэминь придал данному докладу большое значение, сделав при этом ряд важных распоряжений. Позднее этот доклад был опубликован в сборнике «Инновация и будущее — государственная инновационная система перед лицом эпохи экономики знаний»⁷.

Проблема исследования инноваций и национальной инновационной системы с точки зрения общественного организма в целом может быть истолкована

на как сочетание науки и экономики. На этом основании в период углубления экономических преобразований и реформирования системы науки и техники китайские ученые и правительство придают огромное значение инновационной проблематике. В докладе ОЭСР подчеркивалось, что в наши дни «более 50% ВВП ведущих стран-членов ОЭСР получено на основе знаний»⁸. Трансформация традиционной экономики в «экономику знаний» и ее глобализация стали главным содержанием нашей эпохи, что особенно важно для Китая как развивающейся страны.

2. Современные китайские исследования по теории технической инновации и национальной инновационной системы

Одной из важных причин повсеместного интереса к инновации внутри страны является то особое внимание, которое придал инновации председатель КНР Цзян Цзэминь. В мае 1995 г. на Всекитайской конференции по науке и технике была официально провозглашена стратегия «возрождения страны с помощью науки и образования» (*кэцзюо синго чжаньлюэ*). В своем докладе на этой конференции Цзян Цзэминь заявил: «Инновация — это душа прогресса нации, это неисчерпаемая движущая сила развития и процветания государства. Если самостоятельно не осуществлять инновацию, а только уповать на импорт техники, то никогда не станет возможным избавиться от отсталости. Нации, которая не способна осуществить инновацию, очень трудно войти в ряды передовых наций мира»⁹. С тех пор лидер страны не раз повторял эту точку зрения¹⁰.

Потребности общественного развития и мощный импульс со стороны руководства страны позволили привлечь к исследованиям проблем инновации беспрецедентное внимание. В настоящее время в Китае научные поиски в области изучения теории инновации охватывают широкий круг вопросов, связанных с инновацией, инновационным поведением, инновационным мышлением, инновационными способностями, инновационными методами, обсуждается даже тема соотношения инновации с китайской традиционной культурой. Среди примеров теоретических исследований, ориентированных на непосредственные запросы практики, можно указать на разработки вопросов инновационного мышления применительно к потребностям вестороннего воспитания личности и формирования творческих способностей.¹¹

Попытаемся более подробно рассмотреть китайские теоретические исследования в области технологических инноваций и национальных инновационных систем. Исходное понятие «технологическая инновация» определяется в официальных документах Министерства науки и техники КНР как «указание на применяемые предприятиями инновационные знания, новую технику и новые технологии, используемые новые способы производства и новые модели управления, повышение качества продукции, освоение производства новых товаров, предоставление новых услуг, занятие новых рынков и практику рыночного ценообразования»¹².

Начиная с середины 1980-х годов Китайский государственный фонд естественных наук оказывал финансовую поддержку исследовательским темам в области технической инновации, повышая при этом статус таких программ с обычного уровня до уровня особой важности. Необходимо напомнить и о том, что китайские исследования в области технологической инновации были делом не одних лишь исследователей менеджмента и ученых-экономистов. Исследователи «диалектики природы» (так называют в Китае специалистов в области философии науки и техники) также сравнительно рано и целенаправленно обратились к исследованию этой тематики. Значительных успехов в исследова-

ниях проблем технологической инновации добились, к примеру, профессор Харбинского промышленного университета Гуань Шисюй, профессора Дунбэйского университета Чэн Чаншу и Юань Дэюй. Среди публикаций, посвященных этой теме, стоит выделить книги «Исследование технологических инноваций»¹³, «Экономика технологических инноваций»¹⁴, «Средние и малые предприятия и технологические инновации»¹⁵, «Технологические инновации и масштабное ведение хозяйства»¹⁶, а также статью «Технологические инновации предприятий: продвинем вперед основы и ключевые элементы экономики знаний»¹⁷.

С одной стороны, исследования технологических инноваций ведутся непосредственно на предприятиях. Они включают в себя изобретение новой техники, разработку новых способов производства, выпуск новых товаров, создание новых проектов. С другой стороны, эти исследования тесно связаны с развитием предприятий, при этом они ориентированы на то, чтобы изучать способы и пути продвижения на рынок новой продукции и новых технологий. Ранее китайские ученые уделяли недостаточное внимание исследованиям рыночного аспекта этой проблемы, из-за чего исследования двух взаимосвязанных сторон процесса инновации были лишены внутренней целостности. В настоящее время устранению этого просчета уделяется самое серьезное внимание, что помогает внесению практических исправлений и усовершенствований. Если на микроуровне теоретических исследований технологических инноваций предпочтение отдается проблеме предприятий, то на макроуровне в их центре находится изучение теории национальной инновационной системы.

В 1998 г. под редакцией президента АН Китая академика Лу Юнсяна была опубликована книга «Инновация и будущее — государственная инновационная система перед лицом эпохи экономики знаний»¹⁸. Это было первое в КНР обобщение теоретических исследований в области «национальной системы инноваций» (*гоцзя чуансинь ситун*), имевшее значительный резонанс в обществе. В сентябре 1998 г. аспирантуры АН и АОН Китая провели совместную научную конференцию «Государственная система инноваций перед лицом экономики знаний». На эту конференцию было подано более 200 докладов, в ней приняли участие более сотни экспертов, включая десяток академиков и более двадцати профессоров АОН Китая. На конференции развернулась всесторонняя дискуссия по широкому кругу проблем, обсуждались темы «Что такое государственная система инноваций?», «Важность и необходимость построения в Китае национальной системы инноваций, ориентированной на эпоху экономики знаний», «Роль правительства в государственной системе инноваций, положение гуманитарных и общественных наук, проблемы образования и права». По результатам конференции был издан сборник «Экономика знаний и государственная система инноваций»¹⁹.

Как следует из названий двух вышеупомянутых публикаций, китайские исследования в области национальной системы инноваций тесно связаны с изучением «экономики знаний» (*чжиши цзинцзи*), воспринимаемой учеными в качестве важной части вызова, стоящего перед страной. Вследствие различий в исторических условиях, в различных странах национальные системы инноваций имеют свои особенности. Анализ общего и особенного в инновационных системах развитых стран, наряду с рассмотрением пройденного Китаем за прошедшие несколько десятилетий пути развития науки, техники и экономики, помогает глубже понять себя и выбрать будущее, способствует построению в Китае такой системы инноваций, которая в наибольшей степени соответствовала бы запросам социалистической рыночной экономики и эпохе экономики знаний.

В июле 1998 г. профессор Фэн Чжицзюнь по поручению Госкомитета по науке и технике КНР провел специальное исследование на тему «Теория и политика государственных систем инноваций». Его результаты были опубликова-

ны в книге, озаглавленной «Исследования и политика государственных систем инноваций»²⁰. Одновременно профессор Фэн возглавил работу по редактированию книжной серии по исследованиям в области инноваций, в рамках которой к настоящему времени уже издано пять книг²¹. Основную исследовательскую работу взяли на себя ученые из Центра изучения науки, техники и общества Университета Цинхуа профессора Цзэн Гопин и Ли Чжэнфэн. Подготовленное ими исследование китайской системы инноваций²² представляет собой глубокий и фундаментальный научный труд, в котором авторам работы с успехом удалось исследовать процессы расширения сферы инноваций и показать инновационную деятельность в эволюции. Они сумели выделить стержневую структуру государственной системы инновации, проследить этапы эволюции китайской системы инноваций, проанализировать современное положение систем инноваций в Китае и рассмотреть направления реформ.

Душой экономики знаний являются инновации, их потенциал и эффективность определяют ход развития экономики знаний. Строить национальную систему инноваций — значит создавать основу и движущую силу развития экономики знаний. С этой позиции можно по-новому взглянуть на причины нынешней относительно невысокой международной научно-технической конкурентоспособности Китая. Среди этих причин можно указать на низкую эффективность инноваций в области знаний и технологий, недостаточный запас научно-технических знаний, отсутствие эффективной научно-технической поддержки развития экономики и общества, утечку кадров за границу, недостаточность государственных инвестиций в науку и технику, распыление инвестиций. В ситуации, когда новая политика еще не проводится, а старые правила по-прежнему не отменяются, со всей очевидностью обнаруживает себя серьезный дисбаланс системы. Если Китай не построит свою собственную государственную систему инноваций и не повысит инновационный потенциал государства в целом, то перед лицом вызова экономики знаний он не сможет идти вперед, а его отставание от развитых стран станет еще более значительным. Построение национальной системы инноваций является для Китая не только ответом на вызов эпохи экономики знаний, но также решением насущных внутренних проблем страны.

В широком смысле национальная система инноваций может быть понята в виде взаимосвязанной цепочки «производство — наука — управление» (*чань — сюэ — гуань*). Обладающие экономической эффективностью инновации выступают в качестве «связующего средства» в органичной, сложной, открытой и развивающейся системе, состоящей из общественного материального производства, духовного производства («наука») и управления обществом. С точки зрения организационной структуры «производство» подразумевает предприятия; «наука» — научные организации, включая высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения; «управление» имеет в виду правительство и органы власти. С функциональной точки зрения понятие «производство» указывает на «технологические инновации», «наука» — на «инновацию знаний», «управление» — на «институциональную инновацию». «Производство», «наука» и «управление» представляют собой три важных неотъемлемых элемента национальной системы инноваций, связки между этими элементами выступают как инновационные звенья.

Комплексный потенциал национальных систем инновации зависит от возможностей элементов инновации и от комплексных возможностей инновационных звеньев. В национальных системах инновации «качество» и «количество» людского персонала выступают как основа для повышения возможностей важных факторов инноваций, представляя собой ядро этой системы. Эффективное соединение капитала и информации и их оборот являются

гарантией повышения комплексных возможностей звеньев инновации, что можно сравнить с «подпиткой» для развития системы. В свою очередь, разумное распределение кадров и сильное управление всеми отраслями является «структурой» системы. Совершенствование соответствующей политики, законов и рынка являются внешней гарантией для наращивания потенциала национальной системы инновации. Если применить вышеуказанные теоретические положения к определению задачи создания национальной системы инновации в Китае, то она может быть сформулирована следующим образом: при одновременном повышении «качества» внутреннего ядра системы и увеличении интенсивности ее подпитки, необходимо также усиливать рациональность структуры и предоставлять ей внешние гарантии. Реализация этих мероприятий позволят осуществить важнейший для китайского общества системный проект, связанный с обеспечением непрерывного развития страны.

Строительство в Китае национальной системы инноваций является воплощением фундаментальной стратегии развития, получившей название «возрождение страны с помощью науки и образования». Поставленная задача вывести Китай к середине XXI в. на уровень среднеразвитых стран побуждает руководство уделять еще больше внимания проблемам создания национальной системы инноваций. К примеру, в июне 2000 г. Цзян Цзэминь в статье «Наука в Китае: обещания и значение», написанной им для американского журнала «Science» заявил: «Развитие экономики знаний несет людям новые шансы и вызовы. Это вновь свидетельствует о том, что знания и технологические инновации являются для человечества важным источником движения в развитии экономики и общества. Китай будет всеми силами создавать национальную систему инноваций; через создание благоприятных условий будут продвигаться вперед инновации знаний, технологические и институциональные инновации, будут повышаться инновационное сознание общества и инновационный потенциал страны — вот непреложный путь развития, которым Китай должен следовать на рубеже веков»²³.

3. Инновации — практический поиск

Активизация теоретических поисков в области инноваций стала научным отражением активизации соответствующей общественной практики. Исходя из этого положения, мы попытаемся проиллюстрировать ход теоретических изысканий конкретными примерами из китайского практического опыта 1990-х годов, охватывающего инновации в сферах технологий, знаний и институтов.

3.1. Практика технологических инноваций

Практика технологических инноваций тесно связана с китайской политикой реформ и открытости в Китае, прежде всего с развитием социалистической рыночной экономики. В октябре 1992 г. на XIV съезде КПК было принято решение о строительстве социалистической рыночной экономики, что означало для китайской экономики выход на новый этап. Вхождение в рынок и усиление конкуренции заставили предприятия думать о прибыли, это побудило их активнее использовать новые знания и техники.

Исходя из интересов собственного развития и необходимости развития науки и техники, работники научно-технической сферы стали налаживать сотрудничество с заинтересованными предприятиями, поиск научно-исследовательских тем был увязан с практическими потребностями социально-экономического развития. Если ранее научные исследования и практика зачастую никак не были связаны друг с другом, то теперь под влиянием требований

рынка началось формирование альянса науки и техники с экономикой, при этом в центре этого союза находятся технологические инновации.

В 1996 г. по инициативе Госкомитета КНР по экономике и торговле и Министерства по науке и технике была развернута «Программа технологических инноваций» (*Цзишу чуансиль гунчэн*). В марте 1997 г. эта программа вышла на стадию практической реализации. Осуществление программы ориентировано прежде всего на рынок и на предприятия, ее центральным звеном является получение практической прибыли и повышение рыночной конкурентоспособности. Программа охватывает сферы НИОКР, маркетинга и производства новой продукции, технологий и оборудования. Разработчики программы особо подчеркнули необходимость комплексной интеграции уже имеющихся научно-технических разработок и их пробного коммерческого применения; было заявлено о планах оптимизации распределения ресурсов товарного производства, формировании масштабных производственных мощностей.

Данная программа повышения инновационного потенциала предприятий была согласована с правительством и ей была выделена необходимая финансовая поддержка. В соответствии с положениями программы к 2010 г. намечается сформировать соответствующие системы социалистической рыночной экономики и отвечающие закономерностям развития современных предприятий систему и механизм технологических инноваций. Предполагается, что к тому времени все крупные предприятия будут обладать правом интеллектуальной собственности на главную продукцию, на свои фирменные марки и ключевые технологии; при этом их продукция будет занимать значительный сегмент рынка внутри страны, получив также определенные преимущества в конкурентной борьбе на мировых рынках.

Полигоном для обкатки стратегии повышения качества и эффективности роста китайской экономики на основании технического прогресса стал город Лючжоу (Гуанси-Чжуанский автономный район). В 1997 г. Госкомитет по экономике и торговле совместно с Министерством по науке и технике избрали этот город для проведения общенационального эксперимента в области научно-технической инновации. Длительное господство плановой экономики привело к тому, что практически на всех предприятиях города Лючжоу использовалось устаревшее оборудование, производство осуществлялось на основе отсталых технологий. В 1990-е годы эти факторы стали главным тормозом на пути развития экономики города. По данным статистики, оснащенность 60% предприятий остановилась на уровне 1960-70-х гг., на отдельных предприятиях продолжали пользоваться оборудованием, выпущенным в 1950-е годы. Наукоемкое содержание большинства промышленной продукции Лючжоу было очень низким, добавленная стоимость была мала, рыночная конкурентоспособность оставляла желать лучшего. Было констатировано, что экономика Лючжоу, говоря образно, страдает от двух тяжелых «недугов» — «болезни нехватки капиталов» и «болезни недостатка подпитки для технологической составляющей».

Выбор города в качестве площадки для всекитайского эксперимента стал для Лючжоу моментом исторического поворота. Секретарь горкома партии и мэр города создали специальную рабочую руководящую группу для осуществления эксперимента в области программы технологических инноваций. Руководителем этой группы был назначен вице-мэр города. Одновременно была создана специальная канцелярия, отвечавшая за повседневную работу над экспериментом. После того как сверху поступило «Решение об усиленном развертывании работы по технологическим инновациям» и было обнародовано «Решение Госкомитета по науке и технике о проведении в городе Лючжоу работ по технологическим инновациям», на городском уровне были изданы «Меры по осуществлению экспериментов в области технологических иннова-

ций на показательных предприятиях города Лючжоу». После проработки соответствующих инновационных планов для эксперимента было отобрано 11 предприятий города. За период IX пятилетки предполагалось увеличить коэффициент вклада научно-технического прогресса в рост экономики Лючжоу до 50%; основой программы должно было стать привлечение и распространение 100 наименований новых технологий. Предполагалось, что в результате эксперимента более 50% осваиваемых инновационных программ выйдут на внутрикитайский уровень передовых предприятий, 18% должны были выйти на передовой международный уровень 1990-х годов и последующего периода. Доля доходов от реализации новой продукции должна была составить около 30%, коэффициент прибыли от реализации новых товаров должен был стать выше среднего коэффициента прибыльности продукции промышленности Лючжоу на 5-10%²⁴.

Если обратиться к масштабам всей страны, то можно выделить следующие наиболее отчетливые проявления практики реализации технологических инноваций.

Прежде всего, на предприятиях (включая государственные, коллективные, крупные негосударственные и средние) расходы на освоение новой техники значительно возросли. В 1990 г. расходы крупных и средних предприятий на освоение новой техники составляли 59,6% от общих расходов. В 1995 г. они достигли 71,48%²⁵

Во-вторых, на крупных и средних предприятиях непрерывно растет число работников, занимающихся исследованиями и освоением новой техники. В 1995 г. доля такого персонала составляла 39,1% от общего числа работающих на предприятиях.

В-третьих, появилось значительное число различных негосударственных научно-технических предприятий и государственных районов освоения высоких технологий. В различных районах, отраслях, ведомствах и на разных уровнях увеличилась эффективность освоения технологических инноваций, что стимулировало развитие рыночной экономики. Начала проявляться тенденция к превращению предприятий в субъект технологических инноваций. Что же касается конкретных сфер, то на рубеже столетий технологические инновации наиболее оживленно проявлялись в информационных технологиях, в науках о жизни и биотехнологиях, в производстве новых материалов.

В настоящее время основная работа по технологическим инновациям проводится в следующих шести направлениях²⁶:

1. Оказывается поддержка примерно 20 предприятиям, осуществляющим эксперимент в области технологической инновации, а также утвержденным государством центрам технологических разработок. Доля вложений в исследования и освоение новой техники постепенно достигла уровня в 5% от общих вложений, зачастую превышая этот показатель. За последние пять лет это позволило предприятиям на основе собственного инновационного потенциала и заимствования передовой техники самостоятельно проводить и осуществлять инновацию.

2. За трехлетний период в 40 городах были основаны посреднические структуры и информационные сети, совершенствовались и развивались города, создавались и развивались венчурные институты. Создание систем поддержки технологических инноваций городского уровня помогает еще более эффективно обслуживать нужды развития средних и малых предприятий.

3. За трехлетний период постепенно устанавливались механизмы и способы хозяйственного управления научно-исследовательскими институтами и учебными заведениями по принципу предприятий. Привлечение и распределе-

ние научно-технических ресурсов общества было ориентировано на отрасли, на экспериментальные центры освоения новой техники.

4. Более сотни различных предприятий были избраны для объединения с учебными и научно-исследовательскими учреждениями с целью активной реализации схемы «производство — обучение — исследование». Создавались объединения между предприятиями, были развернуты сотрудничества и обмен опытом с зарубежными партнерами.

5. В рамках предприятий осуществляется структурное урегулирование и повышение качества продукции, осуществляется поддержка ключевых инновационных проектов.

6. Всеми силами проводится работа по технологической перестройке и замене важного технологического оборудования отечественными образцами.

3.2. Практика инновации знаний

Исходным моментом в этой сфере можно считать начало осуществления АН Китая «Программы инновации знаний» (*Чжунши чуансинь гунчэн*). Главной целью этой программы было названо «создание неиссякаемого источника инновационных знаний и инновационных кадров для осуществления инновационной деятельности в масштабах всей страны».²⁷ В начале 1998 г. в сделанном в АН Китая докладе «Встречаем эпоху экономики знаний, строим государственную систему инноваций» Цзян Цзэминь дал на этот счет соответствующие указания. В июле того же года Госсовет КНР официально распорядился о начале осуществления «Программы инноваций знаний».

Стержневая цель «Программы инноваций знаний» сформулирована следующим образом: «На макроуровне государства сформировать общую стратегию целостной национальной системы инноваций, 2010 г. создать высокоэффективную государственную систему инноваций знаний и механизм ее реализации; построить ряд пользующихся международной известностью опорных баз национальной инновации знаний, непрерывно стремиться к получению научно-технических достижений мирового уровня; вывести китайский потенциал инновации знаний на уровень среднеразвитых стран мира, добиться того, чтобы по конкурентоспособности китайская наука и техника вошли в первую десятку стран мира»²⁸.

Период с 1998 по 2000 годы стал начальным этапом в эксперименте по осуществлению АН Китая «Программы инноваций знаний». В качестве трех главных аспектов проводившейся работы по структурному урегулированию в научной сфере можно указать на систему найма персонала, систему распределения и систему создания инновационных групп.

К марту 2001 г. АН Китая провела работу по переводу всех подразделений на систему контрактного найма сотрудников по принципу «по мере необходимости учреждать должность, по мере необходимости брать на должность». Сотрудники могут поступать на работу и могут быть уволены, должности могут создаваться или ликвидироваться, зарплата может быть высокой или низкой. Трехслойная система вознаграждения (основная зарплата, доплата за должность и премии за успехи и эффективность) увеличила разницу в доходах научно-технических работников. В 1999 г. в пяти опытных подразделениях наивысшее годовое вознаграждение руководителя составило 130 тыс. юаней, в 2000 г. в двадцати семи опытных учреждениях оно составил как минимум 100 тыс. юаней. В дальнейшем у исследователей появятся такие новые источники дохода, как годовая премия за заслуги в работе, дивиденды на акции, предоплата за разработку новой технологии и т.д. За трехлетний период проведения эксперимента АН Китая приняла на основе открытого конкурса в стране и за рубежом 1200 сотрудников, что составило 17% от общего количест-

ва персонала Академии. Общее число руководящих работников АН уменьшилось с 644 человек до 544 (сокращение на 10,4%), средний возраст сотрудников понизился с 51 года до 49 лет, количество специалистов и технических работников до 45 лет и ниже увеличилось до 61%²⁹.

В настоящее время «Программа инновации знаний» в стенах АН Китая уже перешла с уровня эксперимента на ступень обычной практики действий. Различные ведомственные научно-исследовательские институты и вузы обобщают этот опыт и его уроки с тем, чтобы сделать его более широким. АН Китая при осуществлении «Программы инноваций знаний» в системе кадров и материального вознаграждения показывает успешный пример для всей национальной системы инновации Китая.

Реорганизация высшего образования также является частью практической деятельности в области инновации знаний. В целях укрепления китайской системы высшего образования в 1993 г. Госкомитет по образованию выдвинул ориентированную на XXI в. «Программу 221» (221 гунчэн). Главный упор в этом плане сделан на создании примерно в 100 вузах опорных центров преподавания определенных научных дисциплин. Усилия направлены на то, чтобы значительно повысить в этих вузах качество преподавания основных научных дисциплин, а также поднять уровень управления научными исследованиями и эффективность администрирования. Предполагается вывести эти образовательные структуры на передовой уровень среди аналогичных заведений внутри страны, при этом часть из них должна приблизиться или сравняться со школами и дисциплинами мирового уровня³⁰.

Имеется также «План ученых Чанцзяна» (Чанцзян сюэчжэ цзихуа), ориентированный на привлечение на родину обучающихся за рубежом китайских студентов и зарубежных китайцев. Осуществление этих планов способно помочь Китаю добиться коренного перелома в сфере людских ресурсов и гарантировать рост инновационного потенциала.

3.3. Практика институциональных инноваций

Национальная система инноваций состоит из множества важных элементов, среди которых центральным является правительство. «Роль правительства заключается не только в создании политического фона и наращивании строительства инфраструктуры, его конкретные подразделения должны в качестве самостоятельных элементов входить во взаимодействие с другими ключевыми факторами, создавая вместе с ними внутреннее ядро государственной системы инноваций. Внутри этого ядра правительство не осуществляет прямого вмешательства в инновационную деятельность, как это было при модели плановой экономики, оно должно во взаимодействии реализовывать инновации институтов и обеспечивать единство действий каждого из важных факторов с государственными инновационными целями»³¹.

В целях построения и совершенствования общегосударственной системы инноваций правительство КНР на протяжении 1990-х годов выдвинуло целый ряд новых политических установок и законоположений, в совокупности образующих конкретное содержание китайской практики в области институциональных инноваций.

Вот основные из этих мероприятий:

1992 год. Госкомитет по науке и технике, Министерство кадров, Министерство финансов и Госуправление по налогам совместно издали «Временные способы системы ответственности за технико-экономический подряд научно-исследовательских учреждений общенародной собственности, осваивающих новую технику».

1992 год. Госсовет КНР и Госкомитет по науке и технике разработали государственную долгосрочную программу развития науки и техники.

1993 год. Госкомитет по науке и технике и Комитет по реформе государственной системы опубликовали «Решение относительно некоторых вопросов усиленного развития негосударственных научно-технических предприятий».

1993 год. ПК ВСНП принял «Закон КНР о научно-техническом прогрессе» (вступил в действие 1 октября 1993 г.).

1994 год. Госсовет КНР утвердил «Повестку дня Китая на 21 век», нацеленную на реализацию стратегии непрерывного развития.

1994 год. Госкомитет по науке и технике и Госкомитет по реформе обнародовали «Основные положения по углублению реформ научно-технической системы в соответствии с развитием социалистической рыночной экономики».

1995 год. ЦК КПК, Госсовет КНР разработали «Решение относительно ускорения научно-технического прогресса», наметившее практические способы реализации общей стратегии «возрождения страны с помощью науки и образования».

1996 год. Госсовет КНР выдвинул «Решение об углублении реформы научно-технической системы в период IX пятилетки».

1996 год. ПК ВСНП принял «Закон КНР о содействии распространению достижений науки и техники».

1997 год. Госкомитет по экономике и торговле обнародовал «Способы управления и планирования для государственных технологических инноваций».

1999 год. ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали «Решения об усилении технологических инноваций, развитии высоких технологий, осуществлении коммерциализации».

1999 год. Госкомитет по науке и технике КНР опубликовал «Подробные принципы государственного премирования в области науки и техники».

2000 год. Госкомитет по экономике и торговле опубликовал «Соображения относительно ускорения осуществления программы технологических инноваций, формирования системы технологических инноваций, в которой центром являются предприятия».

В связи со вхождением в ВТО Китай пересматривает и исправляет около 1300 решений и законов общенационального и местного уровня, многие из которых в той или иной степени затрагивают область инноваций.

В сегодняшней институциональной инновации, помимо разработки новых и исправления старых постановлений и законов, чрезвычайно важной является реформа правительственных учреждений.

Возьмем в качестве примера Пекин. В 2000 г. в столице была проведена реформа городских правительственных учреждений, в результате которой количество рабочих органов в городском правительстве уменьшилось до 45, а штат сотрудников административного аппарата сократился на 50%. Если в прежней системе административное рассмотрение и наложение резолюций требовалось в 1304 случаях, то после реформы количество их уменьшилось на 41,7%. Однако нужно признать, что даже такое радикальное сокращение бюрократических формальностей не решило проблему раз и навсегда. В некоторых случаях от рассмотрения до утверждения часто необходимо поставить несколько десятков, а то и сотен печатей, на что может потребоваться от нескольких месяцев до нескольких лет. В администрации Пекина согласны с тем, что необходимо еще в больших масштабах сократить объем требуемых административных согласований, всеми силами стараться искоренить систему откладывания дел в долгий ящик, в остальных случаях нужно упростить систему формальностей, установить сроки рассмотрения, улучшить обслужива-

ние — в общем, постараться сделать так, чтобы были довольны и предприятия, и население³².

4. Актуальное и историческое значение инноваций для развития китайского общества

4.1. Влияние инноваций на политическую систему Китая

Вернемся к предложенному в начале этой статьи разделению развития китайского общества за последние полвека в соответствии с ключевыми терминами СМИ на три периода («революция» и «борьба», «реформы и открытость» и «инновации»). Мы можем отметить, что самая большая разница между периодом «инноваций» и периодом «реформ и открытости» заключается в том, что последний все еще выступал как период командных действий, направленных «сверху вниз». На этапе «перехода через реку, ощупывая камни» субъективность и эмпиризм зачастую преобладали над научностью и демократичностью. В наступивший период «инноваций» рассматривают и решают теоретические вопросы развития китайского общества ученые, тогда как под руководством правительства на отдельных участках проводятся эксперименты, которые постепенно распространяются повсюду. Определение политики и проведение ее в жизнь осуществляется по принципам «снизу вверх» и «из одной точки во все стороны». Развертывание направляющей роли теории и приверженность принципу «сочетания теории и практики» являются твердым шагом, сделанным Китаем в направлении демократизации китайской общественно-политической системы, возвышения ее научной составляющей.

Огромное практическое значение инноваций для китайского общества заключается в следующем:

Во-первых, повсюду возросла активность людей. В Китае инновация более не ограничивается действиями небольшого круга руководителей и работников научно-исследовательских институтов. Это обширная работа, осуществляемая в различных отраслях: научной, технической, в области образования, здравоохранения, организации, финансах, торговле и др. Цель превращения родины в процветающее цивилизованное государство нашла в душах людей не только рациональный, но и духовно-эмоциональный отклик, коренящийся в их чувстве патриотизма. Четкая и эффективная система найма и вознаграждения предоставила людям насущные материальные гарантии. Однако дух инновации не ограничивается одной лишь материальной сферой — он помогает возродить силы китайской нации, придать ему уверенности при движении вперед.

Во-вторых, инновация привела к подлинному расширению демократии. В результате осуществления институциональной инновации сформировалась ситуация, в которой «чей вклад в инновацию больше, тот и скажет последнее слово». Когда люди занимаются инновациями, они получают право быть полноправными хозяевами. Это ведет к тому, что демократия из пустого лозунга превращается в реальность.

В-третьих, инновация повысила эффективность функционирования власти. На нынешнем этапе общественная экономика Китая представляет собой сочетание рыночной экономики и государственного макрорегулирования. Правительство уже не может просто «отдавать приказы», как это было в прошлом, однако оно также не может пойти путем *laissez-faire*, или, как говорят в Китае, «сложить руки и перестать управлять». Требования инновации заставляют правительство избегать обеих крайностей, следуя единственно возможным путем осуществления эффективного макрорегулирования.

В-четвертых, действия более эффективно концентрируются на укреплении комплексных сил государства. Инновация учит реалистичным образом

принимать во внимание имеющиеся возможности, сосредоточивать усилия на главных направлениях. При выборе программы инноваций необходимо следовать принципу «делай то, что можешь, и не делай того, чего не можешь» (*ю со вэй, ю со бу вэй*), а также внимательно изучать опыт и уроки других государств.

4.2. Инновации и китайское традиционное мышление

Историческое значение инноваций для развития китайского общества не ограничивается сферами науки и техники или экономики в целом. Инновационное мышление наносит удар по традиционным установкам китайского менталитета на консервативность, приверженность шаблонам и заведенным порядкам. В процессе инноваций выбраковывается все, что не подходит для развития. «Железная миска риса» уравнилельного распределения отброшена, теперь повсюду распространилась конкуренция. Молодые люди непрерывно учатся «подзаряжаться», среди них постепенно укрепляется убежденность в необходимости непрестанной учебы.

С другой стороны, наследование и развитие всего самого ценного в традиционном китайском мышлении также имеет огромное значение для воспитания «инновационного мышления». Прежде всего стоит сказать о важности китайского диалектического мышления, коренящегося в традициях древности. В наши дни китайская диалектика способна помочь более глубоко понять процесс инновации с точки зрения целостности, органических связей внутри явления, взаимодействия между явлениями. Традиционная методология помогает тому, чтобы субъект инновации был познан, исходя из особенностей эпохи, она соединяет целостность мышления и внутреннее единство эпох. Надо добавить, что интуитивность, интравертность и образность китайского традиционного мышления служат немаловажным и хорошим дополнением для логики инновационного мышления.

В целом движение волны «инноваций» в китайском обществе помогает процессу очищения научного мышления, политической системы, технологий производства, способа управления и других сфер от омертвевших элементов, накопившихся в китайской культуре за ее пятитысячелетнюю историю. Непрерывно появляются новые, обладающие жизненной силой явления, которые не только открывают Китаю новые направления и модели развития в новую эпоху, но и создают крепкую основу для будущего развития страны. Если десять лет «культурной революции» стали потерянным временем для двух поколений китайцев, то «инновация» стала надеждой не только для современников, но и для будущих поколений, давая Китаю шанс занять в мире достойное место в условиях глобализации экономики. Лидер страны Цзян Цзэминь справедливо возвысил «инновацию», назвав ее «душой национального прогресса», «неостывающим мотором развития и процветания государства».

Американский журнал «Fortune», регулярно составляющий списки наиболее влиятельных и конкурентоспособных предприятий мира, в феврале 2001 г. попытался прояснить критерии, с помощью которых он составляет список самых уважаемых фирм на планете. Оказалось, что такой критерий у журнала лишь один — «первое — это инновации, второе — инновации и третье — это вновь инновации». Этот ответ обобщенно отразил не только объективный стандарт конкурентоспособности предприятий во всем мире, но также показал тенденцию развития человеческого общества в современную эпоху. Динамика развития общества находится в прямой зависимости от того, насколько глубоко и активно в нем проходит процесс инноваций. Своей практикой инноваций Китай свидетельствует всему миру, что он избрал инновации в качестве своего пути в будущее, сделав их движущей силой своего развития.

1. В данном контексте «Доклад» (цяянхуа) выступает как сокращенное указание на выступление Цзян Цзэминя 1 июля 2001 г. См.: *Цзян Цзэминь. Цзай цинчжу Чжунго гунчандан чэнли баши чжоунянь дахуэйшан дэ цзянхуа* [Доклад на собрании, посвященном 80-летию основания КПК]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2001.
2. Сяньдай ханьюй цыдянь [Словарь современного китайского языка]. Пекин: Шаньфу иншугуань, 1989. С. 167.
3. Шумпетер Й. Цзинцизи фацжань лилунь [Теория экономического развития]. Пер. с англ. яз. Хэ Вэй. Пекин: Шаньфу иншугуань, 1990.
4. Там же. С. 73.
5. OECD [Organization for Economic Cooperation and Development]. The Knowledge-based Economy. Paris: OECD, 1997. Китайское издание доклада: Цзинцизи хэцэ юй фацжань цзучжи: и чжиши вэй цзичу дэ цзинцизи [Организация экономического сотрудничества и развития: экономика, основанная на знаниях]. Пекин: Цзисе гунье, 1997.
6. OECD. National Innovation Systems. Paris: OECD, 10. 1997.
7. Лу Юнсян (гл. ред.). Чуансинь юй вэйлай — мяньсян чжиши цзинцизи шидай дэ гоцзя чуансинь тиси [Инновация и будущее — государственная инновационная система перед лицом эпохи экономики знаний]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1998.
8. См.: OECD. The Knowledge-based Economy. Paris: OESD, 1997.
9. Цзян Цзэминь. Лунь кэсюэ цзишу [О науке и технике]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2000. С. 55.
10. Там же. С. 66, 70, 101, 107, 115, 130, 138, 147, 192, 199, 215.
11. К этой сфере относятся следующие важные теоретические работы: Цю Жэньцзун. Дандай сывэй синьлунь [Новая теория современного мышления]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1993; Фу Шися, Ло Лилин. Кэсюэ чуанцзао фанфа [Творческие методы в науке]. Пекин: Чжунго цзинцизи чубаньшэ, 2000; Чжао Гуаньфу (гл. ред.) Сывэй кэсюэ яньцзю [Изучение наук о мышлении]. Пекин: Чжунго Жэньминь дасюэ чубаньшэ, 1999.
12. Чжунго цзишу чуансинь чжэнцэ [Новая политика технологических инноваций в Китае, январь 1999 — сентябрь 2000]. Пекин: Кэсюэ цзишу вэньсянь чубаньшэ, 2000. С. 2.
13. Фу Цзяцзи (гл. ред.). Цзишу чуансиньсюэ [Исследование технологических инноваций]. Пекин: Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 1998.
14. Лю Селинь. Цзишу чуансинь цзинцизисюэ [Экономика технологических инноваций]. Пекин: Чжунго цзинцизи чубаньшэ. 1993.
15. Лю Дун, Ду Чжаньюань. Чжун сяо цие юй цзишу чуансинь [Средние и малые предприятия и научно-технические инновации]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 1998.
16. Ван Хунмин, Лю Чжибяо (ред.). Цзишу чуансинь юй гуймохуа цзиньин [Технологические инновации и масштабное ведение хозяйства]. Наньцин: Наньцин дасюэ чубаньшэ, 1995.
17. Фу Цзяцзи, Чэн Юань. Цие цзишу чуансинь: туйдун чжиши цзинцизи дэ цзичу гуаньцзянь [Технологические инновации предприятий: продвинем вперед ключевое звено экономики знаний] // Кэцзи жибао. 1998. 1 августа.
18. Лу Юнсян. Указ. соч.
19. Чжиши цзинцизи юй гоцзя чуансинь тиси [Экономика знаний и государственная система инноваций]. Пекин: Цзинцизи гуаньли чубаньшэ, 1998.
20. Фэн Чжицзюнь (ред.). Гоцзя чуансинь ситун дэ яньцзю юй чжэнцэ [Исследования и политика государственных систем инноваций]. Пекин: Цзинцизи кэсюэ чубаньшэ, 1999.
21. Цзэн Гопин, Ли Чжэнфэн (ред.). Шицзе гего чуансинь ситун — чжиши дэ шэнчань, туйдун юй лиюн [Системы инноваций различных стран мира — производство знаний, их распространение и применение]. Цзинань, 1999; Ли Чжэнфэн, Цзэн Гопин. Чжунго чуансинь ситун яньцзю — цзишу, чжиду юй чжиши [Исследования китайской системы инновации — техника, институты и знания]. Цзинань, 1999; Фэн Чжицзюнь (ред.). Гоцзя чуансинь ситун яньцзю ганьяо [Основы исследования государственных систем инноваций]. Цзинань, 2000; Ху Сяньчжап, Ду Цзун, Цзэн Гопин (ред.). Гоцзя чуансинь ситун юй сюэшу пинцзя — сюэшу гоцзихуа юй цыгчжусин [Государственная система инновации и научная оценка — интернацио-

- нализация науки и самостоятельность]. Цзинань, 2000; Ли Чжэнфэн, Цзэн Гопин (ред). Цзоусян куаго чуансинь ситун — чуансинь ситун лилунь юй Оумэн дэ шицзянь [Навстречу транснациональной системе инноваций — теория систем инновации и практика Европейского сообщества]. Цзинань, 2001. Серия издается в издательстве «Шаньдун цзяоюй чубаньшэ».
22. Ли Чжэнфэн, Цзэн Гопин. Чжунго чуансинь ситун яньцзю — цзишу, чжиду юй чжиши. [Исследование системы инноваций Китая — техника, система и знания]. Шаньдун, 1999.
  23. Цзян Цзэминь. Лунь кэсюэ цзишу [О науке и технике]. Пекин, 2000. С. 207.
  24. См.: Лючжоу жибао. 1999. 22 июня; 6 июля.
  25. Кэсюэ цзишу байпишу ди 7 хао [Белая книга по науке и технике № 7]. Пекин: Кэсюэ цзишу вэньсянь чубаньшэ, 1998. С. 22.
  26. Чжунго цзишу чуансинь чжэнцэ (1.1999—9.2000) [Новая политика технологических инноваций в Китае. 1.1999-9.2000] Пекин, 2000. С. 91-94.
  27. Чжиши цзинцзи юй гоцзя чуансинь тиси [Экономика знаний и государственная система инноваций]. Пекин, 1998. С. 25.
  28. Тан Усян (ред.) Чуансинь лунь [Теория инноваций]. Пекин: Чжунго манвэнь чубаньшэ, 1999. С. 323.
  29. Ван Фан. Чжиши чуансинь, и жэнь вэй бэнь [Инновации знаний — в жизни человека] // Шэнчжоу сюэжэнь, 2001. № 7. С. 30.
  30. Тан Усян (ред.) Чуансинь лунь [Об инновациях]. Пекин, 1999. С. 329.
  31. Чжиши цзинцзи юй... С. 168.
  32. Выступление мэра Пекина: Чуансинь цай нэн чу гаосяо [Только инновации могут дать высокую эффективность]. См.: веб-сайт: www.ctiin.com.cn.

Развитие пастбищного скотоводства в КНР

© 2002

В. Курбатов

Пространства с травяным покрытием, по оценке китайских ученых, занимают в Китае 400 млн га, или 41% его территории. Они включают различного рода степные угодья в северной половине страны, охватывающие 300 млн га, и поросшие травами горные склоны на юге и севере КНР площадью 80 млн га; более 13 млн га составляют отмели, где прозябает трава, а также насчитывается в общей сложности 7 млн га сравнительно мелких травянистых участков¹. По общей площади степных угодий Китай занимает 2 место в мире, располагая 15% всех степей планеты. Под пастбища широко используются полупустыни и песчаные пустыни. Все эти земли являются естественной базой для развития животноводства.

Большую часть территорий с травяным покровом (Внутренняя Монголия, Нинся, Цинхай, Тибет, Синьцзян...) издавна заселяли различные народности, ныне называемые в Китае национальными меньшинствами, основным занятием которых было кочевое скотоводство.

Огромные пастбищные пространства, на первый взгляд, создают бескрайний простор для разведения животных. В действительности, однако, это не совсем так. В северной половине КНР, где размещены степные угодья и вплоть до настоящего времени практикуется пастбищное скотоводство, значительные площади не освоены. Примерно 40% всех степей не имеют водных источников, водопои отсутствуют.

Производительность степей в различных климатических условиях существенно колеблется. Типы травяных земель в Китае разделяются по зонам, климату, растительному покрову; всего насчитывается 17 крупных категорий, 37 разрядов и более 1000 видов пастбищных угодий. В поясе сухих степей продуктивность одного гектара составляет в среднем 7,5 центнеров зеленой массы, степные пастбища дают 15-20 ц и даже на луговых степях — наиболее продуктивных — урожаем зеленой массы обычно не превышает 38 ц/га². При такой низкой производительности пастбищ скотоводство по необходимости вынуждено было принять кочевой характер.

Народная революция принесла большие изменения в жизнь скотоводов. В ходе демократических преобразований в степных районах были упразднены тысячелетние особые права князей и феодалов на пастбища, провозглашена политика "свободного выпаса скота"³. Новая власть с первых же лет стала оказывать скотоводам помощь в улучшении их быта и производственной деятельности: была организована подготовка ветеринаров и техников по животноводству, развернута борьба с эпизоотиями и болезнями животных, налажена племенная и селекционная работа, созданы пункты по осеменению скота, стала внедряться практика заготовки на зиму кормов (сена). Одновременно были ус-

тановлены относительно рациональные цены на скот и продукцию животноводства, улучшено снабжение местного населения потребительскими товарами. Все это способствовало экономическому развитию национальных районов, подъему жизненного уровня их обитателей.

С течением времени политика "свободного выпаса скота" породила ряд сложных проблем. Правил хозяйственного пользования пастбищами фактически не существовало, о поддержании их продуктивности не заботились. Пока скота было сравнительно мало и нагрузка на степи невелика, эти упущения оставались малозаметными. Тем не менее в местах, отличающихся обильными травами и водооями, нередко возникали споры и ссоры. Старая традиция "полагаясь на небо, перегонять скот и пасти его" постепенно изживала себя.

Отношение к пастбищному скотоводству в Китае долгое время было неоднозначным. С одной стороны, власти содействовали его развитию, в той или иной степени улучшали благосостояние скотоводов-кочевников; с другой, — существовало мнение, что производственный потенциал пастбищного скотоводства низок, возможности его малы, и мириться с ним приходится лишь постольку, поскольку это образ жизни и способ хозяйственной деятельности некоторых национальных меньшинств; и то, и другое для китайского населения было глубоко чуждым, не совместимым с требованиями здравого смысла. Великолепные естественные пастбища рассматривались китайцами лишь как неосвоенные земли, поросшие "бурьяном да сорными травами"⁴. Именно на эти земли в середине 50-х гг. был направлен первый поток переселенцев из густонаселенных провинций КНР⁵, что уже тогда вызвало в некоторых местах напряженность во взаимоотношениях пришлого китайского населения с коренными обитателями. Переселенцы занимали наиболее плодородные и хорошо увлажненные участки лугов и степей, а различные ведомства бесконтрольно отводили себе огромные земельные пространства для предприятий и других нужд⁶.

Переселение из густонаселенных провинций активизировалось в годы "большого скачка" (1958-1960) и особенно — в период "культурной революции" (1966-1976). Приток новоселов в скотоводческие районы сопровождался широко-масштабным подъемом "целины", т.е. распашкой естественных пастбищ. К концу 70-х гг. в пашню было превращено 100 млн му (6,7 млн га) степных угодий⁷. Эти земли находились в местах относительно хорошего увлажнения, многие из них служили зимними пастбищами. Распашка их заметно ухудшила условия выпаса скота. Во-первых, животноводы вынуждены были интенсивнее использовать более бедные и сухие пастбища, что существенно повлияло на истощение их кормовых ресурсов; во-вторых, снизилась обеспеченность скота кормами в зимнее время. Бескормица и падеж животных в зимне-весенний период стали обычным явлением, нанося обитателям степей большой экономический урон.

Распашка "целины" всемерно поощрялась; более того, от животноводческих уездов власти требовали все больше и больше зерна, и единственным способом удовлетворить эти требования было вовлечение в оборот новых земель⁸. Под плуг пошли и те земли, которые мало подходили для земледелия. Скудные осадки в степной полосе достаточны для прозябания местной травяной растительности, но для возделывания сельскохозяйственных культур их явно не хватает. В отдельные годы урожаи не возмещали даже высеванных семян⁹. К тому же для большей части степных пространств характерны легкие песчаные почвы и сильные ветры. Результаты "слепого" расширения пашни оказались плачевными. Нарушение естественного покрова во многих местах "освоения целины" вызвало быстрый процесс опустынивания и даже образования подвижных песков; ухудшились климат и гидрологические условия¹⁰. Так, в Ордосе (аймак Икэчжао) "распашка одного му целины превращает три му пастбища в пустыню"¹¹. Как говорило местное население: "В первый год

распахиваем пастбища, на второй — собираем урожай зерна, на третий год — земля превращается в песчаную пустошь”¹². За 20 лет (1958-1978) здесь 400 тыс. га пастбищных угодий трансформировались в пустыню и 800 тыс. га были занесены песком. Ради сиюминутной выгоды, сетовала центральная пресса, нанесен ущерб, который будет ощущаться в течение столетий¹³. Подобные явления наблюдались и в других местностях. Дезертификация охватила обширные пространства, став одним из национальных бедствий КНР.

Таблица № 1

Рост населения в окраинных районах КНР

в тыс. человек

	1953	1957	1964	1982	1990	1995	1999
КНР	582604	646530	694582	1008175,3	1133682,5	1211210	1259090
Хэйлуцзянь	11897	14860	19835	32665,5	35214,9	37010	37920
АРВМ	6100	9200	11775	19274,3	21456,8	22840	23620
Цинхай	1677	2050	2337	3895,7	4456,9	4810	5100
НХАР	—	1810	2112	3895,6	4655,4	5130	5430
СУАР	4874	5640	8234	13081,7	15155,8	16610	17740

в %

	1953	1957	1964	1982	1990	1995	1999
КНР	110	111,0	119,2	171,3	194,6	207,9	216,1
Хэйлуцзянь	100	124,9	166,7	274,6	296,0	311,1	318,7
АРВМ	100	150,8	193,0	316,0	351,7	374,4	387,2
Цинхай	100	122,2	139,4	232,1	265,8	286,8	304,1
НХАР	—	100,0	116,7	215,2	260,0	283,4	300,0
СУАР	100	115,7	169,0	268,4	311,0	340,8	364,0

Жэньминь жибао, 1954. 1 ноября. 1982. 28 октября. 1990. 7 ноября. *Вэйдади шинань (Великое десятилетие)*. Пекин. 1959. С. 9; *Чжунго тунцзи няньцзянь (Статистический ежегодник Китая)* 1996; 2000.

Негативное воздействие массового переселения на общую ситуацию в районах пастбищного скотоводства проявилось и в массовой неупорядоченной вырубке лесов. Переселенцы остро нуждались в строительных материалах и топливе, в площадях под поля и огороды. В окрестных горах и предгорьях началось быстрое сведение лесов. Вот как описывала этот процесс и его последствия китайская пресса: В южной части Большого Хингана до начала “культурной революции” население было малочисленным, а леса густыми и обширными. Со второй половины 60-х годов население здесь непрерывно увеличивалось за счет переселенцев, а леса беспорядочно вырубались. В результате по прошествии нескольких лет изменился климат, заметно сократилось количество выпадающих осадков, усилились ветры, несущие песок. Окрестным степям был нанесен непоправимый урон, часть их деградировала¹⁴.

В 60-е и особенно в 70-е годы огромные пространства пастбищ пострадали от неумеренной пастьбы скота (хотя чрезмерный выпас продолжается и в настоящее время). Сокращение степных угодий — это уменьшение кормовой базы. В то же время поголовье скота повсеместно росло, и уже в 60-е годы стал складываться дисбаланс между количеством скота и наличием кормов. Усиление нагрузки на пастбища привело к прогрессивному падению их продуктивности. На больших площадях произошло изменение флористического состава: в травостое сократилось общее и видовое количество кормовых трав и заметно увеличилось обилие несъедобных и ядовитых растений, снизился объ-

ем зеленой массы на единицу площади¹⁵. Произошло изреживание травяного покрова, что в ряде мест способствовало раздуванию песков, возникновению заносов, усилился процесс опустынивания. К середине 70-х годов песчаным заносам, эрозии, засолению и деградации подверглись около 47 млн га, или 21,2% степей, пригодных для выпаса скота¹⁶. В конце 80-х гг. по разным причинам деградировали и по существу выпали их хозяйственного оборота уже 86,7 млн га, то есть 27,5% всех пастбищ¹⁷.

Деградация пастбищ сопровождалась и в немалой степени была усугублена серьезными социально-экономическими потрясениями в Китае, болезненно отразившимися на жизни всех народностей. В конце 50-х гг. в ходе "большого скачка" было проведено поспешное объединение скотоводов в производственные кооперативы (народные коммуны) и почти одновременно пересмотрены (понижены) цены на животноводческую продукцию. Голод, поразивший Китай в 1960-1961 гг., был несчастьем и для обитателей степей. Однако наиболее тяжкие испытания выпали на долю национальных меньшинств в годы "культурной революции". Под воздействием левацких настроений всемерно насаждалась уравниловка, "отрубались хвосты" частной собственности, ограничивалось и даже запрещалось содержание скота в личном хозяйстве. Широко развернулись гонения на местные обычаи и традиции, закрывались и разрушались культовые сооружения, прекратилось обучение детей на родном языке, интересы коренного населения игнорировались. Многие кадровые работники (представители национальных меньшинств) "ложно или ошибочно" были обвинены в национализме и подвергнуты репрессиям¹⁸.

Оценивая политические последствия "культурной революции", заместитель председателя ПК ВСНП Уланьфу отмечал, что "ошибки, связанные с расширением классовой борьбы по национальному вопросу", приняли в тот период особенно серьезный характер и нанесли огромный вред национальным кадрам и населению¹⁹. Все это в корне подрывало трудовую активность национальных меньшинств и крайне неблагоприятно отразилось на развитии пастбищного скотоводства.

После смерти Мао Цзэдуна и ареста "банды четырех" (осень 1976 г.) появилась возможность заново осмыслить обстановку в стране, а также и в степных районах. Со второй половины 70-х годов в центральной и местной печати появилась масса публикаций о бедственном положении скотоводов и о разрушении пастбищных угодий²⁰. Ученые и специалисты в категорической форме требовали прекратить распашку степей, так как это влечет за собой неисчислимые экономические потери. Осваивая степную "целину", сетовала пресса, мы получили горсть зерна и потеряли необъятные пространства естественных пастбищ. Этот ущерб будет ощущаться в течение столетий²¹. Экологические последствия распашки оказались столь неблагоприятными, что было признано целесообразным изъять из обработки часть земель и вернуть их под пастбища.

После третьего пленума ЦК КПК (1978) в КНР был принят ряд документов, где указывалось на необходимость уменьшить "бремя крестьян" и "предоставить народным массам передышку". Особенно важную роль сыграл Циркуляр ЦК КПК (Постановление № 31) о работе в Тибете, выработанный в апреле 1980 г. секретариатом ЦК КПК. Он был обнародован 15 мая на расширенном заседании парткома Тибетского автономного района. В нем, в частности, говорилось о необходимости выправления ошибок, допущенных в ходе проведения социалистических преобразований в сельскохозяйственных и животноводческих районах (1970), когда в результате вмешательства ультралевой линии к "классу" кулаков была отнесена "часть зажиточных крестьян и скотоводов"²².

В течение лета 1980 г. этот Циркуляр был обсужден и принят к исполнению во всех автономных районах и провинциях, где проживают националь-

ные меньшинства. Так, совещание парткома Нинся - хуэйского автономного района сочло, что выдвинутые установки по работе в Тибете "в основном" соответствуют условиям их автономного района. На совещании был признан факт "медленного развития экономики и все еще очень низкого уровня жизни народа", решено увеличить земельную площадь, отводимую для ведения личного хозяйства, и не ограничивать количество домашнего скота в семьях земледельцев и скотоводов. Примерно такой же документ был принят парткомом Синьцзян - уйгурского автономного района.²³

Одновременно развернулась работа по исследованию состояния пастбищных угодий. Для предотвращения их дальнейшей деградации предписывалось в возможно широких масштабах проводить в степях посадки деревьев и посевы трав, налаживать многоотраслевое хозяйство с упором на животноводство и разведение лесов. В январе 1980 г. было учреждено Китайское общество по изучению степей.

Трудности в развитии пастбищного скотоводства в немалой степени определяются тем, что оно распространено на обширных малонаселенных территориях со сложными климатическими условиями, где обычны стихийные бедствия (засухи, ветры, снежные бураны и, как ни странно — наводнения)²⁴. Здесь плохо развита инфраструктура, прежде всего транспортная сеть и крайне отсталая материально-техническая база. К концу 70-х годов в основных животноводческих районах КНР в среднем на каждый миллион му (67 тыс га) приходилось по 20 колодцев, 1 трактору и 3 сенокосилки²⁵. Основными энергетическими ресурсами здесь оставались тяговая сила скота и сила человека.

В экономике скотоводческих районов преобладало натуральное хозяйство, товарно-денежные отношения вплоть до 80-х гг. находились в зачаточном состоянии. Скотоводы в своем большинстве вели кочевой образ жизни. К началу 80-х гг. в КНР насчитывалось 3279 тыс. семей, занимавшихся скотоводством, из них лишь 13% (426 тыс. семей) жили оседло²⁶.

Китайская печать отмечает крайнюю недостаточность средств, выделенных государством на обустройство степей. С 1949 по 1985 гг. в степные районы на севере КНР было вложено 4,6 млрд юаней, т.е. за все это время в среднем по 1,39 ю на 1 му (20,85 ю на 1 га) пастбищ²⁷. Призывы спасти степи, высевать травы, насаждать деревья и т.п. давали ограниченный эффект (явно несопоставимый с нанесенным ущербом) прежде всего из-за скудного финансирования.

С начала 80-х годов в Китае ведутся поиски наиболее удачных форм производственной организации в сельском хозяйстве. В степных районах, как и повсюду в стране, возникли различные виды производственной ответственности, которые постепенно свелись к семейному (подворному) подряду; возникли и индивидуальные хозяйства.

Появление новых форм хозяйствования позволило реформировать политику "свободного выпаса скота", когда степи по существу оставались бесхозными. Пионером в этом деле выступила Внутренняя Монголия. Заново были опубликованы "Правила управления степями АРВМ"²⁸. Одновременно стала устанавливаться система ответственности за распоряжение, пользование, строительство и охрану степей. Увязывание системы производственной ответственности (и индивидуальных хозяйств) с установлением ответственности за распоряжение степями вылилось в "систему двойного подряда", охватившего и скот и степи, то есть скотоводы не только получили относительное право самостоятельно распоряжаться скотом, но и право самостоятельного хозяйствования на отведенной им части степных пастбищ. Каждой производственной единице (семье) были определены размеры участков степей, переходящих в ее пользование, составлены соответствующие акты и выданы свидетельства на пользование пастбищами²⁹.

Проведение указанной реформы, очевидно, должно было положить конец кочевому скотоводству или серьезно ограничить его. Тем самым она коренным образом затрагивала не только форму хозяйственной деятельности, но и образ жизни многих представителей национальных меньшинств. Возможно, что какая-то часть кочевников восприняла это новшество, но, по-видимому, далеко не все. Хотя "система двойного подряда" стала широко распространяться, а летом 1985 г. был принят "Степной кодекс КНР"³⁰, даже в конце 80-х гг. правила пользования степями "оставались неясными". Это, по мнению Ло Цзиньжэня, коренная причина деградации степей на больших площадях, а непосредственная причина деградации — чрезмерная пастьба скота³¹. Передача скотоводам подряда на степи не решила проблему чрезмерной нагрузки на пастбища.

К тому же, как свидетельствует китайская пресса, вплоть до конца XX в. не удалось осуществить ни должного внедрения подрядной системы в скотоводческих районах, ни закрепления степи за хозяйственными единицами³².

Важное значение придается созданию "искусственных" (рукотворных) пастбищ. Обращается внимание на то, что в зарубежных странах эта проблема успешно решается. Так, в Канаде площадь искусственных пастбищ составляет к общей их площади 20%, в Новой Зеландии — 80%, а в Китае — всего 3%³³. Хотя устройство искусственных пастбищ требует крупных капиталовложений, эффективность их намного превышает естественные; стоимость произведенной продукции с одного гектара может достичь 1200-1500 юаней, то есть увеличиться по сравнению с нынешним уровнем на естественных пастбищах более чем в 50 раз³⁴.

Одновременно рекомендуется превращать обширные участки степей в заказники, на которых выпас скота временно приостанавливается. Это может не только предотвратить деградацию пастбищ, но и способствовать их восстановлению: увеличивается количество кормовых трав, повышается высота и плотность травостоя, возрастает коэффициент травяного покрытия. Специалисты настойчиво убеждают скотоводов ежегодно в плановом порядке поочередно закрывать для пастьбы часть степей, чтобы способствовать их возрождению.

В некоторых местах привычное пастбищное скотоводство пытаются заменить стойловым содержанием животных. Северная часть провинции Шэньси — традиционный район пастбищного овцеводства. Однако в последние десятилетия здесь произошли существенные перемены. В 60-е и 70-е годы в этих местах активно осваивали "целину", отчего площадь выпаса сократилась на 20 тыс. га (часть распаханых земель превратилась в песчаную пустошь). Занятие земледелием оправдывает себя лишь при тщательной обработке полей, поэтому потребность в рабочей силе резко возросла. Прежде мужчины пасли скот на отдаленных пастбищах, а женщины вели домашнее хозяйство. Теперь же мужчины заняты на полях, а для пастьбы овец приходится нанимать специальных пастухов, платя им за каждую голову по 35-40 юаней³⁵. Уменьшение площади выпаса сузило кормовую базу, травы не хватает, и овцы часто пребывают в полуголодном состоянии. При таких условиях поставлять на рынок пользующуюся спросом полноценную баранину почти невозможно. В результате доход от содержания овец оказывается более чем скромным, а иногда вообще отсутствует.

Возникли трудноразрешимые проблемы и в озеленении окрестных территорий. Ежегодно проводятся кампании по высадке деревьев и посевам трав. Но нередко на этих же местах пасется скот, и все работы по озеленению идут насмарку, что вызывает у людей вполне понятное недовольство: "Леса сажаем каждый год, а леса не видим!"³⁶.

Переход к стойловому содержанию скота позволяет устранить ряд неувязок и дает ощутимые выгоды. Однако необходимо решить проблему фуража, а именно: как использовать отходы полеводства в качестве корма для овец. В прессе приводятся более или менее удачные рецепты обработки расти-

тельных остатков (соломы, стеблей и пр.), но все это находится пока еще на стадии экспериментального исследования. Вряд ли возможно в масштабе всей страны заменить пастбищное скотоводство стойловым содержанием, но в отдельных местах такая практика может быть полезна и выгодна.

Помимо степей, в северной половине страны, где недостаток кормов серьезно ограничивает рост поголовья, Китай располагает обширными пастбищами в горных и холмистых районах на юге общей площадью около 67 млн га³⁷. Здесь весьма благоприятные условия для разведения травоядных животных, особенно крупного рогатого скота: теплый климат (среднегодовая температура обычно превышает +13 С), продолжительный безморозный период (порядка 280 дней в году), достаточное количество осадков (до 2000 мм). Пастбища отличаются высокой продуктивностью, каждый гектар дает более 100 центнеров зеленой массы, при этом травы обладают высокими кормовыми достоинствами. По мнению китайских специалистов, один гектар пастбищ в южных районах по объему зеленой массы равен 3,2 га в зоне северных луговых степей или же 5,3 га в поясе степей³⁸. Благоприятные природные условия способствуют сравнительно быстрому росту и созреванию животных. Однако в прошлом пастбища в южных районах осваивались слабо. Ограничения на ведение личного хозяйства в период существования народных коммун препятствовали подъему местного животноводства, а низкие закупочные цены на скот (трехлетняя корова весом 250 кг стоила примерно 100 юаней) полностью расхолаживали крестьян. В лучшем случае на один двор приходилась одна голова крупного рогатого скота.

В конце 70-х годов была поставлена задача: превратить склоны в южных районах страны в новую базу по производству говядины³⁹. Опыт отдельных уездов (Таоюань пров. Хунань, Аньфу пров. Цзянси)⁴⁰ убедительно свидетельствует о больших возможностях этих местностей. К малоблагоприятным обстоятельствам для развития животноводства относятся низкие достоинства местных пород: они отличаются позднеспелостью, низким выходом мяса и невысоким его качеством. Необходимо улучшить породу местного скота путем завоза более продуктивных пород со стороны. Кроме того, местное население не имеет опыта ведения пастбищного скотоводства, не создана производственная сфера по переработке продуктов животноводства.

К концу XX в. значительных сдвигов в росте поголовья и увеличении производства животноводческой продукции в пастбищных районах южных провинций не произошло. Но их резервы действительно велики, и со временем они могут превратиться в крупную базу пастбищного скотоводства.

Слабая кормовая база ограничивает повышение продуктивности скотоводства. В поисках более эффективного использования наличных ресурсов в конце 80-х годов китайские специалисты предложили изменить структуру существующего стада. В 1988 г. в Китае насчитывалось 68 млн коров (из них 2 млн молочных), 20,1 млн буйволов, 14 млн яков, более 24 млн однокопытных, 180 млн овец и коз, 600 тыс. верблюдов и 100 млн кроликов. Для увеличения выпуска животноводческой продукции предлагалось наполовину сократить количество лошадей, ослов, мулов и за счет этого увеличить поголовье крупного и мелкого рогатого скота. По видимому, это предложение было недостаточно продумано, если учесть нехватку в стране тяглого скота. В 1995 г. стадо однокопытных превышало 26 млн и лишь в 1999 г. уменьшилось до 22,93 млн голов (за этот же период времени стадо крупного рогатого скота сократилось на 5 млн голов). Значительно больше отвечали реальному положению дел рекомендации проводить посевы трав, расширять площадь искусственных лугов, заготавливать на зиму сено и другие корма (специальная обработка и силосование соломы).

Несомненный эффект может дать замена традиционных местных пород новыми, улучшенными. Однако и в начале XXI в. интродукция и размножение вы-

Сокопродуктивных животных происходит медленно, так как привозной скот плохо приживается в суровых условиях пастбищного содержания. Основную часть стада по-прежнему составляет местный скот, как правило, не отличающийся высокой продуктивностью. Важную роль в укреплении кормовой базы призвана сыграть новая отрасль китайской промышленности — широкая сеть кормопроизводящих предприятий, мощность которых из года в год наращивается. Тем не менее при росте поголовья наряду с уменьшением площади пастбищ и падением их продуктивности проблема кормов продолжает оставаться весьма острой.

Ликвидация уравниловки и обретение хозяйственной самостоятельности (хотя и не полной) пробудили производственную активность животноводов. Они активно занялись строительством загонов и укрытий для скота, рытьем колодцев, стали переходить к ведению многоотраслевого хозяйства. Наряду с государственными средствами (в т.ч. кредитами) в дело пошли личные сбережения. Хотя финансовые возможности обитателей степей ограничены (годовой доход у них заметно ниже, чем у крестьян в целом по КНР)⁴¹, их добровольные вложения способствовали улучшению условий производства. Благодаря этому была восстановлена часть выпавших из оборота пастбищ, местами укреплены подвижные пески⁴², возросло количество животноводческой продукции (см. таблицу 2), сократились потери скота от бескормицы.

Тем не менее нанесенный ранее ущерб степным угодьям продолжает сказываться на состоянии пастбищного скотоводства; увеличение поголовья скота в 90-е гг. повсеместно столкнулось с серьезными препятствиями. Несмотря на очевидные успехи и улучшение жизни местного населения за последние 20 лет, скотоводческие районы все еще пребывают в трудном положении. Продолжают существовать значительные различия в уровне экономического развития в жизни между восточными провинциями и местами проживания национальных меньшинств. На национальные окраины, отмечал в 1992 г. Цзян Цзэминь, приходится большинство так называемы "бедных уездов и округов", где ежегодный доход на душу населения не превышает 200 юаней⁴³. В китайской прессе неоднократно заявлялось, что "проблема бедности" существует, главным образом, в национальных районах, поэтому она является одной из национальных проблем. Однако и доходы китайцев-скотоводов в провинциях Шэньси и Ганьсу не превышают доходов представителей других национальностей.

Власти предпринимают усилия по развитию скотоводческих областей, делая упор на создание мелких промышленных предприятий и налаживания инфраструктуры. Это может улучшить жизнь местного населения, но для подъема пастбищного скотоводства необходимо прежде всего восстановить по возможности пастбищные угодья и наладить их рациональное использование.

Таблица № 2

Производство животноводческой продукции в 90-е гг. (тыс. тонн)

	1993	1995	1999	1993	1995	1999
	Все мясо			Свинина		
КНР	38415	52601	59490	28544	36484	40056
АРВМ	713	819	1406	395	477	805
Тибет	97	116	147	5	6	7
Шэньси	657	791	858	525	602	642
Ганьсу	528	627	577	382	443	391
Нинся	81	121	171	51	63	88
Цинхай	159	184	201	47	56	70
СУАР	382	524	804	62	84	151

	1993	1995	1999	1993	1995	1999
	Госядовина			Баранина		
КНР	2336	4154	5054	1373	2015	2513
АРВМ	106	94	178	159	169	298
Тибет	49	62	83	43	48	57
Шэньси	52	73	67	32	42	60
Ганьсу	56	77	72	53	58	69
Нинся	8	22	30	14	17	25
Цинхай	55	63	61	55	61	67
СУАР	93	131	206	186	245	336
	Молоко			Яйца		
КНР	5637	6782	8069	11798	16767	21347
АРВМ	449	512	712	152	188	235
Тибет	186	177	209	1	7	3
Шэньси	274	326	557	347	401	399
Ганьсу	99	99	138	102	124	103
Нинся	71	140	205	26	39	71
Цинхай	196	206	196	11	12	13
СУАР	409	497	704	77	95	167

Чжунго тунцзи няньцзянь (Статистический ежегодник Китая). 1994. Пекин, 1994.

Там же. 1996. Пекин, 1996.

Там же. 2000. Пекин, 2000.

1. Чжунго нунцунь цзинцзи (Экономика деревни в Китае). 2000. № 3. С. 32. Жэньминь жибао. 1980. 10 марта.
2. Гуанмин жибао. 1979. 10 августа.
3. Хунци. 1984. № 10. С. 7.
4. В традиционной китайской символике земля, поросшая травой, олицетворяет запустение и разруху.
5. Основными местами освоения новых земель в 50-е гг. были провинция Хэйлунцзян, АРВМ, СУАР; часть переселенцев направлялась в провинции Цзилинь, Ляонин, Цинхай.
6. Хунци. 1984. № 10. С. 7.
7. Цзинцзи яньцзю. 1980. № 3. С. 48.
8. Гуанмин жибао. 1979. 3 января.
9. В среднем течении Хуанхэ, в провинциях Шэньси, Ганьсу, Нинся, Цинхай, Шаньси и АРВМ, расположены 123 уезда общей площадью 400 млн му (26, 67 млн га), из них 100 млн му (6,67 млн га) — пахотные. Из-за недостаточного количества осадков во многих местах урожайность зерновых составляет 3-3,8 ц/га и менее// Жэньминь жибао. 1978. 26 ноября.
10. Гуанмин жибао; 1979. 8 декабря. Жэньминь жибао. 1980. 1 марта.
11. Жэньминь жибао. 1979. 23 января.
12. Хунци. 1984. № 10. С. 7.
13. Жэньминь жибао. 1979. 23 января; Гуанмин жибао. 1979. 17 августа.
14. Жэньминь жибао. 1978. 16 июля. Восточная часть АРВМ с 1969 по 1979 гг. входила в состав провинции Цзилинь. Из-за безответственной вырубке лесов годовая сумма осадков в этой и без того засушливой местности существенно сократилась, а бывшие пастбища превратились в "солончаковую пустошь, где ветер передвигает песчаные дюны. Пастбища исчезли"// Гуанмин жибао. 1978. 26 июля.

15. Цзинцзи яньцзю. 1980. № 8. С. 47; Чжунго нунцунь цзинцзи. 1990. № 12. С. 39. По сравнению с 50-ми гг. объем зеленой массы с единицы площади степей в целом по Китаю снизился на 30-50% // Чжунго нунцунь цзинцзи. 2000. № 3. С. 32.
16. Цзинцзи яньцзю. 1980. № 8. С. 49.
17. Нунминь жибао. 1989. 22 декабря. Beijing Review. 1989. N 46. Vol. 32. P. 28; Чжунго нунцунь цзинцзи, 2000. № 3. С. 32.
118. Жэньминь жибао. 1980. 15 июля.
119. Жэньминь жибао. 1981. 14 июля.
20. Летом 1980 г., в частности, сообщалось, что в АРВМ к числу бедных относятся более 400 коммун с населением, превышающим 3,2 млн человек. Эти коммуны занимали более 40% территории АРВМ // Жэньминь жибао. 1980. 28 июля.
21. Жэньминь жибао. 1979. 23 января; Гуанмин жибао. 1979. 17 августа. "Никакого внимания не уделялось сохранению пастбищ, — сетовала центральная пресса, — многие пастбища превратились в пустыню или солончаки. Есть районы, где степи некогда напоминали огромный зеленый океан; сегодня там едва ли вообще растет трава, песчаные дюны покрывают их из края в край, а крысы и насекомые пожирают то, что еще осталось" // Жэньминь жибао. 1978. 15 октября. Начало деградации степных пастбищ было отмечено еще в 1964 г. учеными Хэ Чанмао и Чжао Гоминем // Жэньминь жибао. 1964. 16 июня.
22. Жэньминь жибао. 1980. 27 мая, 20 июня.
23. Жэньминь жибао. 1980. 5 мая.
24. К примеру, в 1992 г. ливневые дожди, обрушившиеся на Ганьсу, стали причиной гибели 25 человек. Было разрушено более 5 тыс. жилищ, погибло 800 голов верблюдов и другого домашнего скота. Летом 1993 г. во время мощных наводнений в АРВМ погибли 72 человека, 15 тыс. голов общественного и частного скота. Стихийное бедствие, разразившееся в 400 км к северу от Пекина, захватило более 2 тыс. сел и уничтожило десятки тысяч гектаров пастбищ // Цзэфанцзюнь бао. 1993. 22 августа.
25. Цзинцзи яньцзю. 1980. № 8. С. 51.
26. Там же.
27. Нунминь жибао. 1988. 31 октября. В 2000 г. китайская печать сообщала, что за 1949-1996 гг. государство вложило в 12 степных провинций и автономных районов (АРВМ, СУАР, НХАР, ТАР, Цинхай, Ганьсу, Сычуань, Хэйлуцзян и др.) немногим более 4,6 млрд ю, т. е. в год на 1 га по 45-60 фэней. "В результате мы продолжаем хищническую эксплуатацию степей, их ресурсы неизбежно ухудшаются и разрушаются" // Чжунго Нунцунь цзинцзи. 2000. № 3. С. 33.
28. Жэньминь жибао. 1985. 10 июля.
29. Научный сотрудник Северо-Западного сельскохозяйственного университета.
30. Чжунго нунцунь цзинцзи. 1989. № 9. С. 65.
31. Там же.
32. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2000. № 3. С. 34.
33. Там же.
34. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2000. № 3 С. 36.
35. Там же. С. 35.
36. Гуанмин жибао. 1979. 10 августа.
37. Там же.
38. Там же.
39. Жэньминь жибао. 1984. 27 декабря.
40. Нунминь жибао. 1988. 31 октября.
41. Так, в 1989 г. среднедушевой доход крестьян в целом по стране равнялся 601,5 юаня. В АРВМ он составил 477,5 ю. в Тибете — 397, 25 ю. Шэньси — 433,7 ю, Ганьсу — 365,9 ю, Нинся — 521,9 ю, Цинхае — 457,5 ю, СУАР — 454,6 ю. Соответственно от среднего дохода он составлял 79,4; 66,0; 72,1; 60,8; 86,7; 76,0; 90,7%. // Нунминь жибао. 1990. 14 мая.
42. Например, в районе г. Юйлинь (Шэньси) к середине 90-х гг. были закреплены или полужакоплены 380 тыс. га подвижных песков, посевы трав в течение нескольких лет ежегодно производились примерно на 16,6 тыс. га, на части пахотных земель был введен травопольный севооборот // Чжунго нунцунь цзинцзи. 2000. № 3. С. 35-36.
43. Жэньминь жибао. 1992. 15 января.

Столкновение и урегулирование интересов в процессе переговоров о китайско-советском Договоре 1950 года

© 2002

Шэнь Чжихуа

Эта статья написана на основе рассекреченных в последние годы документов архивов России, а также опубликованных в Китае документов и мемуаров и затрагивает такие темы, как подоплека платформ, которые отстаивали в 1950 г. Китай и СССР при заключении нового договора (Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950г. - Прим. ред.), и влияние на дальневосточную политику СССР результатов урегулирования имевшего место конфликта интересов.

Разные представления в Китае и СССР относительно союзного договора

Победоносный исход китайской революции коренным образом изменил ситуацию на Дальнем Востоке, вынудив Советский Союз среди прочего пересмотреть свою позицию в отношении Китая. Чтобы усилить способность противостоять Соединенным Штатам в обстановке холодной войны, И.В.Сталин, без сомнения, нуждался в восточном блоке, в котором новый Китай был бы союзником СССР. Только что завоевавшая власть в стране Коммунистическая партия Китая, исходя из идеологических интересов, соображений безопасности, интересов экономического строительства в будущем и т.д., разумеется, также нуждалась в поддержании тесных союзнических отношений с Советским Союзом. В этом смысле Сталин и Мао Цзэдун имели общие цели и чаяния. Однако каким образом в юридической форме претворить в жизнь эти цели и намерения — по этому вопросу в Китае и Советском Союзе были разные представления. Форма и методы воплощения надежды Сталина на союз с новым Китаем не предусматривали торпедирования ялтинской системы и обретенных Советским Союзом завоеваний в Северо-Восточном Китае. Мао Цзэдун же задумывался о том, как создать внешнеполитический имидж самостоятельного и независимого нового Китая, как обеспечить его экономические интересы в китайско-советском договоре, как добиться того, чтобы демократические партии,

группы и нация в целом приняли просоветскую платформу КПК. Этот узел противоречий отражался в вопросе о том, заключать ли новый договор о союзе и, если да, то в каком виде.

Наиболее ранние контакты китайской и советской сторон по этому вопросу состоялись в начале 1949 г. во время секретной поездки члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.И.Микояна в Сибайпо. Хотя на тогдашних встречах не ставился вопрос об аннулировании китайско-советского союзного договора 1945 г., а обсуждение началось с некоторых конкретных проблем Синьцзяна, Монголии и Северо-Восточного Китая, тем не менее именно они затрагивали вопросы суверенитета и сталкивающихся интересов Китая и СССР.

Согласно документам из российских архивов, во время переговоров в Сибайпо советская сторона придерживалась той же тактики, что и на переговорах с гоминьдановским правительством в 1945 г., то есть за уступки в синьцзянском вопросе обеспечить интересы СССР в вопросах о Монголии и Северо-Восточном Китае¹. Когда Мао Цзэдун намекнул на вмешательство Советского Союза в синьцзянский вопрос, Микоян сразу же заявил, что Советский Союз не имеет никаких требований или поползновений в этом вопросе. Когда же Мао Цзэдун попробовал прозондировать вопрос об объединении Монголии, Микоян недвусмысленно заявил о твердой позиции СССР не поддерживать объединение Внутренней и Внешней Монголии. Что касается вопроса об аренде Порт-Артура (Льюшунь), то стороны после взаимного прощупывания позиций пришли к единому мнению, что советские войска временно сохранят за собой эту военно-морскую базу, которая будет возвращена Китаю после заключения мирного договора с Японией и вывода из Японии американских войск. Однако у Микояна тогда сложилось впечатление, что у Мао Цзэдуна "есть свои тактические соображения, которые он не раскрывал"².

Суть вопроса о Северо-Восточном Китае заключалась в возвращении Китаю прав собственности на Китайско-Чанчуньскую железную дорогу (КЧЖД). Этой проблемой был также в наибольшей степени озабочен Сталин. Если говорить о том, что утверждение в морском порту и незамерзающей гавани, дающей выход в Тихий океан, было ядром российской стратегии на Дальнем Востоке, то КЧЖД представляла собой жизненно важную линию этой стратегии. Сталин очень опасался, что Мао Цзэдун дезавуирует соглашение 1945 г. о КЧЖД, и во время переговоров неоднократно в своих радиogramмах спрашивал представителя ВКП(б) при ЦК КПК И.В.Ковалева: "Каково истинное отношение китайских товарищей к договору о Китайско-Чанчуньской железной дороге, считают ли они его по-настоящему равноправным?"³. Микоян на переговорах откровенно говорил руководителю КПК, что Советский Союз не считает неравноправным соглашение относительно КЧЖД. Мао Цзэдун ответил Микояну уклончиво, что некоторые трения, существующие в вопросе о возвращении прав на имущество КЧЖД, можно решить на месте, и согласился, чтобы Гао Ган и Ковалев вместе изучили эту проблему⁴. Однако Сталин уже знал от Ковалева: Гао Ган и Чэнь Юнь внешне признали соглашение о КЧЖД равноправным и удовлетворительным, но "фактически китайцы втихомолку думают о необходимости взять железную дорогу под свой полный контроль, они всеми средствами забирают право управления этой железной дорогой из рук советских."⁵. Поэтому с точки зрения Москвы лучше всего было бы пока отложить решение на этот счет.

Через несколько месяцев Лю Шаоци совершил секретную поездку в Москву с целью дальнейшего прояснения вопроса о том, как решить проблему китайско-советского договора. В письменном докладе Сталину Лю Шаоци, отметив, что правительство нового Китая желает сохранить действующий китайско-советский договор, вместе с тем поставил вопрос о трех вариантах подхода к нему:

1) Правительство нового Китая объявляет, что оно полностью признает продолжение действительности договора и не вносит в него никаких поправок. 2) В соответствии с духом прежнего договора представители правительств двух стран подписывают новый договор о дружбе и союзе между Китаем и СССР. 3) Представители правительства двух стран обмениваются меморандумами о временном сохранении договора в прежнем виде, но вместе с тем готовятся в надлежащее время заключить новый договор. В это время Сталин по-прежнему не торопился ответить на поставленный китайской стороной вопрос. Его резолюция на докладе Лю Шаоци гласила: "Вернуться к этому вопросу после того, как Мао Цзэдун прибудет в Москву"⁶. Очевидно, что лидеры Китая и Советского Союза хотели прощупать позиции друг друга на начинавшихся в скором времени внешнеполитических переговорах.

Прошел лишь месяц после образования нового Китая, когда Мао Цзэдун 8 ноября 1949 г. направил телеграмму в Москву, выразив желание посетить Советский Союз и подчеркнув при этом, что во время визита он хотел бы обсудить вопрос о китайско-советском договоре. В телеграмме также говорилось, что если нужно будет заключить договор, то Чжоу Эньлай прибудет в Москву для его подписания⁷. На следующий день ЦК КПК в телеграмме китайскому послу в СССР Ван Цзясяну также разъяснил эту цель⁸. Одновременно Ковалев в докладе Сталину тоже сообщил: Мао Цзэдун сказал ему, что он рассчитывает на трехмесячную поездку. В первый месяц пребывания в Советском Союзе он хотел бы провести переговоры со Сталиным и заключить новый китайско-советский договор. Второй месяц посвятить поездке в Восточную Европу, а в третий месяц отдохнуть и полететь на юге Советского Союза. Поэтому китайцы надеются, что Сталин поставит вопрос о китайско-советском договоре в свою повестку дня⁹. По-видимому, отправляясь в Москву, Мао Цзэдун намеревался, во-первых, заключить союз с СССР и, во-вторых, оформить союзнические отношения в форме нового договора. Это намерение было совершенно очевидно¹⁰.

Мао Цзэдун настаивает на заключении нового китайско-советского договора

16 декабря 1949 г. сразу же после прибытия в Москву состоялись официальные переговоры Мао Цзэдуна со Сталиным. Однако первый диалог двух лидеров о китайско-советском договоре 1945 г. зашел в тупик. Когда Мао Цзэдун заговорил о том, что после поездки Лю Шаоци в Советский Союз ЦК КПК изучил вопрос о "Договоре о дружбе и союзе между Китаем и СССР", Сталин немедленно прервал его, заявив: "Этот договор заключен между Советским Союзом и Китаем в соответствии с ялтинскими соглашениями", поэтому СССР "решил временно не менять никаких статей этого договора, поскольку измени хотя бы одну статью, это, возможно, дало бы юридическую зацепку для США и Англии поставить вопрос о ревизии статей соглашений о Курильских островах, Южнокурильских островах и других статей". Однако можно "поискать приемлемый способ, формально сохранив, но в действительности изменив действующий договор". Таким образом, Сталин сразу же объявил, что Советский Союз не готов заключить новый договор, а Мао Цзэдун не смог ясно выразить точку зрения китайской стороны"¹¹. В телеграмме Лю Шаоци от 18 декабря Мао Цзэдун высказал свое понимание результатов этих переговоров: Советский Союз "не намерен изменять легитимность действующего китайско-советского договора", аренда Советским Союзом Порт-Артура на 30 лет "формально не может быть пересмотрена", однако можно опубликовать заявление о согласии Советского Союза на вывод оттуда своих войск. В телеграмме также содержалось положение, не зафиксированное в российском архиве: хотя

Мао Цзэдун заявил, что китайское общественное мнение считает, что действующий договор уже утратил свое значение, Сталин по-прежнему настаивал на том, что его изменение потребует примерно двух лет. Он также настаивал на отсутствии необходимости для Чжоу Эньлая приезжать в Москву. В такой обстановке Мао Цзэдун предложил Политбюро ЦК КПК обсудить этот вопрос и высказать мнение о том, как поступить¹².

21 декабря Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Чжу Дэ в ответной коллективной телеграмме передали мнение Политбюро о результатах обсуждения, то есть, что, в соответствии с советской позицией Чжоу Эньлаю "нет необходимости" ехать в Москву¹³. Однако Мао Цзэдун не прекращал своих усилий. Чтобы продемонстрировать позицию китайской стороны, он 22 декабря пригласил на беседу Ковалева и потребовал новой встречи со Сталиным, четко заявив о двух проектах решения проблем. Во-первых, о решении вопроса китайско-советского договора и целого ряда других вопросов и о необходимости приезда Чжоу Эньлая в Москву для проведения процедуры подписания. Во-вторых, о проведении многоаспектных консультаций по различным вопросам, но пока без соответствующей процедуры подписания¹⁴. Несмотря на то, что Мао Цзэдун питал чрезвычайно большие надежды на эти переговоры¹⁵, тем не менее на состоявшейся 24 декабря встрече Сталин абсолютно проигнорировал вопрос о китайско-советском договоре, и Мао Цзэдун был этим до крайности разочарован¹⁶. На этот раз Мао Цзэдун действительно разгневался. Он отверг предложение И.В.Ковалева и Н.Т.Федоренко отправиться в путешествие по всему Советскому Союзу, предпочтя "отоспаться на даче"¹⁷. В этот момент атмосфера в Москве сложилась тяжелая и напряженная. Сталин ожидал, что Мао Цзэдун изменит свою позицию, а Мао Цзэдун предпринимал шаги, чтобы вынудить Сталина к уступкам.

Через 8 дней появились и результаты. В 8 часов вечера 2 января 1950 г. В.М.Молотов и А.И.Микоян явились на дачу, где остановился Мао Цзэдун, чтобы специально разъяснить новую позицию Советского Союза: он был согласен заключить новый китайско-советский договор¹⁸. Согласно записи в дневнике Ван Дунсина, 3 января Мао Цзэдун пребывал "в особенно хорошем настроении", "разговаривал и смеялся"¹⁹. Что касается причины, по которой Сталин пошел на уступки, то, пожалуй, главное соображение было связано с тем, что в условиях уже сложившейся ситуации холодной войны чрезвычайно важным фактором для безопасности СССР в регионе Дальнего Востока и для его стратегических интересов в Азии был вопрос о том, присоединится или нет Китай к социалистическому лагерю во главе с Советским Союзом. Позиция же, занятая Мао Цзэдуном, и его поведение, несомненно, усиливали опасения Сталина.

1 января, когда советский посол в Китае Рошин, выполняя указание, посетил Мао Цзэдуна, последний заявил, что по состоянию здоровья он "собирался неделю полностью посвятить отдыху" и отменил планы посещения различных районов СССР, что он "не намерен осматривать заводы, не намерен делать доклады, не намерен также выступать с публичными речами". Кроме того, он на месяц раньше намеченного собирается вернуться в Китай. В то же время Мао Цзэдун намеренно дал понять: китайское правительство готовится к переговорам с Бирмой и Индией по вопросу об установлении дипломатических отношений и, кроме того, "вскоре Англия и другие страны британского содружества также предпримут ясные шаги в вопросе о признании Китайской Народной Республики"²⁰. Очевидно, что Мао Цзэдун языком восточной дипломатии выражал Сталину свое недовольство и оказывал на Москву давление на фоне распространявшихся на Западе слухов, будто Мао Цзэдун находится "под домашним арестом", а китайско-советские отношения оказались в напряженном состоянии²¹. Как бы то ни было, когда китайско-советские перегово-

воры зашли в тупик, в отношениях Китая с другими странами и особенно с западными державами произошел поворот, что было, без сомнения, потрясением для Сталина. Он почувствовал, что это — предвестник разрядки в китайско-американских отношениях²². Обдумав возможные сдвиги в международных отношениях и угрозу интересам Советского Союза в Азии, которую представляло бы сближение Китая с силами Запада, Сталин в любом случае не мог допустить возвращения Мао Цзэдуна в Китай с пустыми руками²³.

Скрупулезное проектирование Советским Союзом союзного договора

Однако тогдашние уступки со стороны СССР были лишь поверхностными. Коренная цель Сталина состояла в том, чтобы и создать союз с Китаем, и сохранить уже полученные Советским Союзом приобретения по договору 1945 г. Руководствуясь именно таким курсом, советская сторона приступила к напряженной работе по подготовке проектов договора и соответствующих соглашений.

В составленных 5-9 января Министерством иностранных дел СССР двух первоначальных проектах договора ясно указывалось: "Заключенные 14 августа 1945 г. соглашения о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем продолжают оставаться в силе"²⁴. Поскольку Сталин ранее согласился на вывод советских войск из военно-морской базы Порт-Артур после заключения мирного договора с Японией, министерство иностранных дел тоже немало поломало голову, вертя свою заготовку так и сяк, пока, наконец, не предложило следующую формулу: "Находящиеся в настоящее время в Порт-Артуре и Дальнем советские войска в течение 2-3 лет после вступления в силу настоящего договора полностью выводятся в пределы Советского Союза, вывод войск начнется в 1950 г.", при этом говорилось, что после заключения мирного договора с Японией соглашение о Порт-Артуре и Дальнем пересматривается. Было и еще одно изменение, заслуживающее внимания, а именно: в окончательном варианте название договора в проекте как "Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи" было изменено на "Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи"²⁵. Так как Мао Цзэдун на переговорах 16 декабря и 6 января использовал название "договор о дружбе и союзе", министр иностранных дел А.Я.Вышинский, определяя окончательное название договора, возможно, принял во внимание эту формулировку китайской стороны²⁶.

Чтобы сохранить в новом договоре частично содержание старого, главным образом в вопросах о КЧЖД и Дальнем, специалист по договорному праву МИД СССР В.Н.Дурденевский специально изучил международно-правовые прецеденты и соответствующие международные договоры в поиске юридических обоснований. В меморандуме, направленном Вышинскому 13 января, он предложил: "Оптимальным для сохранения части старого договора, не входя в противоречие с новым договором, было бы сделать дополнительное пояснение. Такое дополнительное пояснение можно внести в текст нового договора или же подписать протокол и специальную ноту"²⁷. Поскольку Китай уже заявил, что не будет в ближайшее время возвращать себе Порт-Артур, стратегические интересы СССР на Дальнем Востоке заключались главным образом в обеспечении права контроля над КЧЖД и ее конечным пунктом -- Дальним. Именно поэтому Москва уделяла чрезвычайно большое внимание соглашению о КЧЖД и Дальнем. Ее метод состоял в том, чтобы отделить этот вопрос от договора как такового (включая и вопрос о Порт-Артуре) и ставить его отдельно. Вышинский передал 16 января Молотову "Протокол о признании сохраняющим силу соглашения о Китайско-Чанчуньской железной дороге" и проект

“Заявления” того же содержания, в которых специально указывалось, что “срок действия данного протокола определяется точно в соответствии со сроком, указанным в соглашении о Китайско-Чанчуньской железной дороге, заключенном в Москве 14 августа 1945 г.”. Одновременно он предложил, чтобы при подписании китайско-советского договора было сделано заявление в форме “дополнительной статьи”: “Заключение данного договора не возлагает на советскую и китайскую сторону обязательства за долги каждой из сторон по прежнему договору”²⁸.

19 января министерство путей сообщения СССР предложило текст проекта соглашения о КЧЖД и Дальнем, в котором говорилось: заново определить состав имущества КЧЖД, то есть включить предприятия, построенные и реконструированные японцами на южной магистрали (Харбин — Дальний), не принадлежавшей ранее КЧЖД, в состав имущества железной дороги; освободить от уплаты таможенных пошлин, всех специальных налогов и других налогов на грузовые перевозки импортируемых товаров, которые необходимы КЧЖД и принадлежащим ей предприятиям и учреждениям; руководство гаванью Дальнего, не включенной в качестве составной части в КЧЖД, возлагается на представителя советской стороны; создать руководимую военноморским министерством СССР совместную китайско-советскую дальневосточную компанию морских перевозок. Министр путей сообщения Б.П.Бещев в заключительной части своего доклада специально разъяснил, что включение прежде относившегося к южно-маньчжурской железной дороге участка в имущество КЧЖД исходит из экономических интересов — ежегодно эта железная дорога способна создавать прибыль примерно в 160 млн рублей. Переданное 21 января решение Совета министров СССР о КЧЖД, а также проекты двух протоколов предусматривали проведение переговоров с китайской стороной на основе вышеупомянутых документов²⁹.

ЦК ВКП(б) 22 января утвердил проекты 12 документов, составленных специальными комиссиями³⁰. Особого внимания заслуживает тот факт, что они включали в себя все вопросы, которые могли затрагиваться на китайско-российских переговорах, однако сами соглашения о Порт-Артуре и Дальнем и соглашение о КЧЖД отсутствовали. Причина этого заключалась в том, что советская сторона считала абсолютно ненужным составление заново проектов этих двух соглашений — прежние соглашения о КЧЖД продолжало оставаться в силе, а прежнее соглашение о Порт-Артуре и соглашение о Дальнем должны были рассматриваться вновь после заключения мирного договора с Японией. Предложенные же Советским Союзом части, подлежащие изменению, уже были реализованы в соответствующих двух протоколах. Такова была полная картина представлений и ожиданий советской стороны перед началом официальных переговоров о китайско-советском договоре. Ожидалась реакция на это только что прибывшего в Москву Чжоу Эньлая.

Серьезные уступки, на которые был вынужден пойти Сталин

Чжоу Эньлай во главе огромной китайской правительственной делегации 20 января прибыл в Москву и 22 января принял участие в третьей официальной встрече Сталина и Мао Цзэдуна. На этих переговорах Мао Цзэдун и Сталин пришли к единому мнению по нескольким принципиальным вопросам: заключить новый китайско-советский договор; впредь до заключения мирного договора с Японией соглашение о Порт-Артуре должно по-прежнему оставаться в силе, а после этого советские войска будут выведены из Порт-Артура; юридически сохранить в силе соглашение о КЧЖД, а на деле внести в него надлежащие поправки; Советский Союз отказывается от прав на Дальний; руководящие должности на КЧЖД по очереди будут занимать китайская и со-

ветская стороны; конкретные переговоры поручить провести Микояну, Вышинскому, Чжоу Эньлаю и Ли Фучуню³¹.

23 января делегации Китая и СССР провели переговоры, впервые обсудив представленный советской стороной проект "Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи". В 23 часа 24 января этот проект после внесения поправок китайской стороной был передан советской стороне. Детальное сопоставление проектов обеих сторон показывает, что проект с поправками китайской стороны, кроме перестановки местами абзацев и добавления прилагательных, ни в названии, ни по содержанию не имел каких-либо существенных отличий от проекта советской стороны³². После этого стороны дважды вносили исправления в текст договора, но это также были отдельные редакционные поправки и перестановки³³. Это вполне объяснимо, поскольку содержащиеся в договоре положения о предотвращении агрессии Японии и ее союзников, об усилении двусторонней координации и сотрудничества отвечали общим чаяниям и требованиям китайской и советской сторон. То, что действительно затрагивало острый конфликт между сторонами, крылось в конкретных практических вопросах.

После двухдневных изучений и обсуждений китайская сторона 26 января предложила подготовленный под председательством Чжоу Эньлая проект "Соглашения о Порт-Артуре, Дальнем и Китайско-Чанчуньской железной дороге". Прежде всего данный проект формально отличался от советского проекта: несколько важных вопросов, затрагивавших серьезные интересы, ставились для разрешения в едином соглашении. Фактически это было равносильно отрицанию мнения советской стороны, предусматривавшего новое рассмотрение вопроса о соответствующих соглашениях после заключения мирного договора с Японией. Китайский проект требовал немедленного пакетного разрешения вопроса о новом рассмотрении всех соглашений. По содержанию расхождения между позициями сторон оказались еще более глубокими. В проекте китайской стороны в статью, касающуюся вывода советских войск из Порт-Артура после заключения мирного договора с Японией, было добавлено дополнительное условие: если "по каким-то причинам задержится заключение мирного договора с Японией, а срок действия данного соглашения превысит три года и соответствующий договор не будет заключен, то советские войска немедленно выводятся из района Порт-Артур". Наиболее важной была постанова китайской стороной проблемы, которая в советском проекте абсолютно не мыслилась. Главное здесь состояло, во-первых, в том, что Советский Союз отказывался от аренды Порт-Артура как военно-морской базы, отказывался от всех оснований и интересов в Дальнем и на КЧЖД и одновременно заявлял, что все вышеуказанные права и обязанности возвращаются Китайской Народной Республике. Во-вторых, все имущество в Дальнем и районе Порт-Артура, которое в настоящее время находится во временном распоряжении или аренде Советского Союза, принимается правительством Китая. В-третьих, через три года после заключения мирного договора с Японией или истечения срока действия данного соглашения правительство СССР немедленно передает на безвозмездной основе в собственность Китая КЧЖД и все принадлежащее ей имущество.³⁴

За исключением вопроса о выводе войск из Порт-Артура, проект китайской стороны почти полностью отвергал прежние предложения советской стороны. Для последней это было совершенно неожиданным, и по получении проекта Чжоу Эньлая она провела его напряженное изучение и неоднократно вносила поправки. Автор данной статьи обнаружил в документах российского архива четыре варианта разных поправок к проекту китайской стороны. Несмотря на трудности чтения правки, вносимой от руки часто неразборчивым

почерком, удалось установить редакционные исправления, вносимые различными людьми. Мест, которые вычеркивались или правились, оказалось чрезвычайно много. В особенности в экземпляре текста, правленном Сталиным, где видны его гнев и раздражение³⁵. Тем не менее после хладнокровных обсуждений и серьезных размышлений Сталин все-таки принял решение пойти на уступки. Переданный советской стороной 28 февраля Ши Чжэ вариант поправок к соглашению был уже очень близок к тексту проекта китайской стороны. В этом проекте соглашения советской стороны не ставился вопрос об отказе СССР от всех прав и интересов в Порт-Артуре, Дальнем и на КЧЖД и была добавлена статья о том, что Китай "компенсирует расходы Советского Союза на восстановление и строительство объектов в Порт-Артуре с 1945 года". Кроме того, советская сторона приняла статью о Порт-Артуре (за исключением передачи имущества), а также статью о том, что администрация в Дальнем полностью переходит под юрисдикцию Китая, и о том, что вся собственность (Порт-Артур исключался) немедленно отходит китайскому правительству. Особенно примечательным было принятие советской стороной статьи о безвозмездной передаче Китаю прав и всего имущества КЧЖД после заключения мирного договора с Японией или же не позднее конца 1952 г. Однако в протокол к данному соглашению, переданный одновременно советской стороной, были добавлены три пункта: товары и сырье, ввозимые и вывозимые Советским Союзом из Порт-Артура, освобождаются от всех пошлин; вышеупомянутые товары и сырье освобождаются от китайского таможенного контроля, советские войска и военные материалы могут свободно перевозиться по КЧЖД, и тарифы за их транспортировку исчисляются по действующим ценам на перевозку китайских войск³⁶.

31 января китайская сторона вновь высказалась по поводу советского проекта, предложив включить в него положение о том, что китайские войска и военные материалы также могут свободно перевозиться по сибирской железной дороге Советского Союза³⁷. Этого советская сторона уже не могла вынести. Поэтому на китайско-советских переговорах 31 января--2 февраля произошла острая полемика. Микоян считал, что переброска китайских войск из Маньчжурии в Синьцзян по советской железной дороге лишена какого бы то ни было практического смысла и целесообразности, что предложение китайской стороны по сути дела является "контрпредложением", направленным против советских предложений, "специфической формой завуалированного выступления против этого советского предложения", поэтому в нем "нет никакой необходимости, и оно абсолютно неприемлемо". Если же китайская сторона будет на нем настаивать, то придется вновь вернуться к вопросу о сроках действия соглашения о КЧЖД. Чжоу Эньлай и Мао Цзэдун, посоветовавшись, сняли это требование³⁸.

11-13 февраля китайские и советские представители начали новый раунд переговоров. Очевидно, для предотвращения экспансии США в Северо-Восточной Азии, вызванной уходом советских сил из северо-восточного региона, Советский Союз представил новый проект соглашения, в котором предусматривалось, что в регионе советского Дальнего Востока и на территории среднеазиатских республик, а также в пределах китайской Маньчжурии и Синьцзяна не должны предоставляться иностранцам концессии и позволяться капиталу и гражданам третьих стран в прямой или косвенной форме участвовать в предпринимательской деятельности. Это и было так называемое "Дополнительное соглашение". Китайская сторона приняла его, и на переговорах Чжоу Эньлай заявил, что товарищ Мао Цзэдун согласен с проектом этого соглашения и что имеется несколько небольших чисто редакционных замечаний. Чжоу Эньлай заявил также, что Китай готовится предпринять экономиче-

ские меры, чтобы постепенно сократить экономическую деятельность иностранных компаний и организаций в пределах Северо-Восточного Китая и Синьцзяна³⁹.

Глубинные соображения Сталина, касающиеся китайско-советских отношений

В политическом и военном плане установление союзнических отношений между Китаем и СССР, без сомнения, было благоприятным для обеих сторон. Но с экономической и внешнеполитической точек зрения понимание этого вопроса каждой из сторон было неодинаковым. Следует отметить, что официально подписанные 14 февраля китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, а также связанные с ним документы в целом все-таки отвечали чаяниям Китая, так как в общем итоге обеспечивали его суверенитет и экономические интересы, а также открывали перед новым Китаем широкие возможности для аннулирования всех неравноправных договоров. Что касается позиции Сталина, то для него заключение договора означало, что после 1952 г. Советский Союз лишался бы обладания выходом в Тихий океан и незамерзающим портом, а это было стратегической целью СССР на Дальнем Востоке, достигнутой в результате осуществления Ялтинских соглашений и китайско-советского договора 1945 г. Неужели Сталину действительно хотелось принести в жертву стратегические интересы Советского Союза, которые он вынашивал многие годы и достижение которых было столь нелегким?⁴⁰ И если Сталин смог пойти на такие серьезные уступки, то какие же чрезвычайные причины или глубинные соображения вынудили его сделать это?

Во-первых, одним из двух важнейших факторов, под влиянием которых формулировались стратегические цели СССР на Дальнем Востоке, являлась проблема Монголии. Она была успешно снята в ходе китайско-советских переговоров. В результате Сталин избавился от одной своей головной боли. Однако он понимал также, что китайская сторона уступку в монгольской проблеме обуславливает разрешением проблемы КЧЖД.

Хотя Мао Цзэдун в Сибайпо пообещал больше не выдвигать вопрос об объединении Монголии, тем не менее Сталин действительно не имел гарантий, что на официальных переговорах этот вопрос не будет поднят и что Китай не поставит его в прежнем виде. Поэтому Советский Союз провел в этом плане всю необходимую подготовку. По просьбе министерства иностранных дел Дурденевский 16 января доложил Вышинскому, что для него уже приготовлены текст протокола всенародного референдума о независимости Монголии от ноября 1945 г., коммюнике о ратификации признания независимости и подготовке обмена дипломатическими представителями, а также тексты нот, которыми обменялись Китай и Монголия 14 февраля 1946 г.⁴¹ Но все эти материалы, приготовленные советской стороной, не были пущены в ход, поскольку китайская сторона в тот раз так и не подняла вопрос о Монголии. Однако пока советская сторона ломала голову над переданными ей китайской стороной 26 января протоколами о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, Чжоу Эньлай внезапно поставил вопрос о Монголии⁴². Для Сталина оказалось совершенно неожиданным то, что китайская сторона по собственной инициативе заявила о признании свершившимся фактом независимости Внешней Монголии (МНР.-Прим. ред.) и предложила путем обмена нотами решить этот щекотливый для СССР вопрос. Однако только после ознакомления с составленным китайской стороной текстом ноты Сталин понял, что скрывается за этим шагом Чжоу Эньлая. Суть ноты состояла в том, что китайское заявление о независимости Внешней Монголии должно было быть обнаружено одновременно с объявлением китайской

и советской сторонами об аннулировании договора 1945 г. в специальном пункте "Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи"⁴³. Иными словами, успешное разрешение вопроса о Монголии было увязано с аннулированием китайско-советского договора 1945 г., а также других соглашений и всех приложений к нему. В противном случае не мог бы быть оформлен новый китайско-советский союзный договор. Это и поставило Сталина в положение, когда он вынужден был делать выбор между Монголией и Северо-Восточным Китаем.

Во-вторых, в международной политической обстановке, когда уже возникло состояние холодной войны между СССР и США, включение Китая в социалистический лагерь во главе с Советским Союзом было стратегическим замыслом Сталина с целью установления контроля и влияния СССР в Азии для противостояния США. Вместе с тем это был основной стимул для установления союзнических отношений Советского Союза с Китаем. Если сопоставить стратегические цели в политической и внешнеполитической областях, то экономические интересы СССР в Северо-Восточном Китае следует отнести на второе место, Северо-Восточный Китай, естественно, был несопоставим со значением всего Китая для обеспечения безопасности дальневосточного региона СССР.

Сталин не доверял Мао Цзэдуну, он постоянно опасался, что КПК может пойти по пути Тито, но особенно его терзали тяжкие думы по поводу развития отношений нового Китая с США⁴⁴. Между тем имевшаяся у Советского Союза разведывательная информация полностью подтверждала, что Соединенные Штаты всемерно стремятся вбить клин в китайско-советские отношения и подстрекают новый Китай освободиться от советского контроля и влияния. Ответственный сотрудник разведывательного ведомства КПК Ли Кэунун 17 ноября 1949 г. в одной беседе, состоявшейся в советском посольстве, рассказал, что у США имелся план "превращения КПК во второй титовский блок", а первоочередной задачей деятельности разведывательных органов США в Китае было "разрушение дружбы между Китаем и СССР". Центр тяжести американской пропаганды, по словам Ли Кэуна, лежит в "провокационном изображении китайско-советской торговли как грабежа китайского зерна и природных ресурсов", в нападках на китайско-советский договор 1945 г. как на "неравноправный договор империалистического характера, который привел к потере Китаем северо-восточной части, а также всего промышленного оборудования в Маньчжурии"⁴⁵. 17 января 1950 г. советское посольство в Китае вновь докладывало о провокационных планах США по поводу китайско-советских отношений: согласно надежной информации, "в настоящее время американский империализм в своей политике в отношении Китая сугубое внимание уделяет проблеме китайско-советских отношений. Свои надежды США возлагают на то, что после признания ими народного правительства можно будет с помощью торговли добиться экономической зависимости Китая от них, чтобы затем оказывать на него политическое давление. США боятся участия Китая в социалистической системе, возглавляемой Советским Союзом". Сейчас США используют возможности, открывающиеся в связи с признанием Китая Англией, прощупывая перспективы развития торговых связей с КНР и получая через англичан необходимую информацию "в качестве моста для установления в будущем связей с народным правительством"⁴⁶. Нет сомнений, что такие сообщения сильно беспокоили Сталина. Особенно это проявилось после того, как до Москвы дошло публичное выступление Д.Ачесона 12 января. Сталин тогда пришел в еще большее волнение и немедленно послал Молотова и Вышинского встретиться с Мао Цзэдуном. Он выразил надежду, что Китай и СССР вместе отреагируют на него, и попросил китайское правительство первым выступить с заявлением⁴⁷. Почему Мао Цзэдун в ответ настоял на том,

чтобы китайское заявление делалось от имени руководителя Главного управления по делам печати, до сих пор остается неясным. Однако Сталин был очень недоволен и упрекал Мао Цзэдуна в дезорганизации намечавшихся шагов. Тем не менее, это в полной мере демонстрирует то внимание, которое уделял Сталин к данному вопросу⁴⁸. Если бы из-за расхождения экономических интересов разрушились политические отношения между Китаем и Советским Союзом, это нанесло бы невосполнимый ущерб глобальной стратегии СССР. Как бы то ни было, Сталин не мог допустить, чтобы американцы помешали плану установления союзнических отношений между СССР и Китаем⁴⁹.

В-третьих, очень возможно, что Сталин имел еще более точный и далеко идущий замысел: пожертвовать интересами СССР в Северо-Восточном Китае, ради осуществления своих стратегических целей. Ядро такого замысла — изменить политику на Корейском полуострове, то есть от оборонительной стратегии на 38-й параллели перейти к наступательной, но сделать это так, чтобы формально не наносился ущерб интересам США.

Коль скоро Сталину пришлось принять условия Мао Цзэдуна при заключении договора и коль скоро он не желал лишиться выхода к Тихому океану и незамерзающей гавани и ему понадобилось искать спасительные меры для обеспечения или сохранения возможности реализации этой традиционной стратегии СССР в регионе Дальнего Востока, то лишь контроль Москвы над Корейским полуостровом мог бы в той или иной степени удовлетворить стремление Сталина. Фактом является то, что когда Чжоу Эньлай предложил в китайском проекте пакетное решение проблемы Северо-Востока и вынудил Москву сделать выбор, выступление государственного секретаря США и телеграммы посольства СССР в Пхеньяне привлекли внимание Сталина и предоставили ему шанс и путь для разрешения этого противоречия. 12 января Ачесон в частности заявил, что в сферу военной обороны США на Дальнем Востоке не входит Южная Корея; 19 января советский посол в КНДР Т.Ф.Штыков доложил, что Ким Ир Сен неоднократно и в резкой форме требовал встречи со Сталиным для обсуждения проблемы объединения Кореи⁵⁰. До этого в Советском Союзе не хотели, чтобы на Дальнем Востоке началась война, способная вызвать прямое столкновение с США. В сентябре 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное решение, запрещавшее Северной Корее проводить военные мероприятия вблизи 38-й параллели⁵¹. Тем не менее, уже 30 января, то есть через два дня после получения проекта китайской стороны, Сталин пересмотрел свои намерения. Он лично телеграфировал в Пхеньян, выразив недвусмысленное желание провести прямые переговоры с Ким Ир Сеном⁵². Сталин вполне мог предвидеть, что возникновение вооруженного конфликта на Корейском полуострове, вне зависимости от его исхода, обеспечит стратегические цели, которые вынашивал СССР на Дальнем Востоке, — получить выход к Тихому океану и незамерзающий порт. В случае победоносного исхода войны Советский Союз мог бы установить контроль над всем Корейским полуостровом, а Инчхон, Пусан и другие южнокорейские порты заменили бы Порт-Артур и Дальний⁵³. Речь Ачесона привела Сталина к мысли, что действия Советского Союза не будут угрожать США. И чем бы ни окончилась война, СССР по-прежнему добьется желаемого, так как напряженная ситуация в Северо-Восточной Азии заставит Китай просить, чтобы советские войска оставались в Порт-Артуре и Дальнем. Одновременно, благодаря существующей договоренности между Китаем и СССР, в случае возникновения военной ситуации советские войска имели бы право использовать КЧЖД, и таким образом железнодорожная магистраль, само собой разумеется, также продолжала бы оставаться в руках Советского Союза.

Хотя в настоящее время пока нет прямых свидетельств наличия у Сталина указанных замыслов и побуждений⁵⁴, вышеупомянутые предположения отнюдь не лишены исторических оснований. Еще 29 июня 1945 г. в докладе 2-го Дальневосточного отдела МИД СССР говорилось о значимости стратегического положения Корейского полуострова для обеспечения безопасности дальневосточных районов Советского Союза⁵⁵. В сентябре того же года министерство иностранных дел СССР выступило с конкретным предложением: поскольку в отношении Кореи осуществляется опека, то "ее три стратегических района — Пусан, Чеджу и Инчхон должны контролироваться советским военным командованием", если же это требование встретит возражения, то "предложить, чтобы СССР и Китай установили совместный военный контроль над этими стратегическими районами". В другом докладе министерства иностранных дел указывалось, что при заключении соглашения об опеке "Пусан, Чхонджин, остров Чеджудо и Инчхон должны считаться стратегическими районами, подлежащими разделу. Эти районы чрезвычайно важны для обеспечения надежного сообщения и прохода по морю находящихся в совместном использовании Советского Союза и Китайской Республики военно-морской базы в Порт-Артуре", "они должны находиться под особым военным контролем, осуществляемым советским правительством"⁵⁶. Лишь из-за того, что заключенный в 1945г. "Китайско-советский договор о дружбе и союзе" позволил в основном реализовать стратегические цели СССР на Дальнем Востоке и Советский Союз в то время не хотел возникновения конфликта с США в Азии, Сталин отказался от требований, затрагивавших стратегические цели в Южной Корее. Вплоть до посещения Мао Цзэдуном Советского Союза Сталин стоял за сохранение прежнего китайско-советского договора, что способно было гарантировать уже обеспеченные интересы СССР в Северо-Восточной Азии и снимало необходимость провоцировать кризис в Корее, который мог вызвать столкновение с США. Однако когда Сталин почувствовал, что стратегическим интересам СССР на Дальнем Востоке угрожает опасность, на повестку дня, естественно, был поставлен вопрос о взятии под контроль стратегических целей на Корейском полуострове⁵⁷.

В общем, стратегический курс СССР на Дальнем Востоке стал предметом пристального и всестороннего внимания Сталина в ходе урегулирования конфликта экономических интересов при установлении союза с Мао Цзэдуном. В результате тщательного анализа и планирования Советский Союз путем заключения военного и политического союза с Китаем смог добиться его вступления в восточный блок Москвы и наряду с этим обеспечить свои стратегические интересы на Дальнем Востоке.

1. Изложение хода переговоров о китайско-советском договоре 1945 г. см: Китайско-советский союз и изменение советской политики в отношении Синьцзяна (1944-1950 гг.) // Цзиньдайши яньцзю. 1999. № 3. (на кит. яз.)
2. Ледовский А.М. Секретная миссия А.И.Микояна в Китай, январь-февраль 1949 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 106-107; № 3. С. 101.
3. Ковалев И.В. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1-2-3. С. 86.
4. Ледовский. А.М. Указ. соч. // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 101.
5. Ковалев И.В. Указ. соч. Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 86; Goncharov S., Lewis I., Xue Litai. Uncertain Partner: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, 1993. P. 63. О противоречиях между КПК и СССР по проблеме КЧЖД накануне образования КНР подробнее см: Историческое исследование экономического фона китайско-советского союза // Дандэ вньсянь [Партийные документы] 2001. № 2 (на кит. яз.)
6. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 328, лл. 11-50.

7. АПРФ, ф. 0100, оп. 42а, п. 288, д. 19, лл. 81-85 (цит. по: Кулик Б. Китайская Народная Республика в период становления, 1949-1952 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 6. С. 75.
8. Чжунгун Чжунъян вэньсянь яньцзюши [Отдел документации ЦК КПК] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао [Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР]. Пекин, 1987. Т. 1. С. 131. (на кит. яз.)
9. Ковалев И.В. Указ. соч. // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6, 1992. N1-2-3.
10. До сих пор большинство исследователей, основываясь на мемуарах Ши Чжэ, полагают, что причиной безрадостной атмосферы при начале китайско-советских переговоров в Москве были непонимание Сталиным намерений Мао Цзэдуна или же недоразумение, возникшее между сторонами. Сейчас подобные предположения, по видимому, можно назвать обосновательными. Что касается утверждений российских ученых о лечении как главной причине поездки Мао Цзэдуна в Советский Союз, то это звучит еще нелепее.
11. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 9-17.
12. Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзюши (1949-1956). [История внешней политики Китайской Народной Республики 1949-1956] / Гл.ред. Бэй Цзяньчжан // Пекин, 1994. С. 18. (на кит. яз.)
13. Отдел документации ЦК КПК. Лю Шаоци няньпу (1898-1969) [Лю Шаоци. Биографическая хроника. 1898-1969] (кит. яз.) // Пекин, 1996. Т. 2. С. 235.
14. Ковалев И.В. Указ. соч. // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6, 1992. N1-2-3.
15. См. Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР. Т. 1. С. 197 (на кит. яз.).
16. История внешней политики Китайской Народной Республики 1949-1956. С. 18. (на кит. яз.) К сожалению, в опубликованных сейчас архивах КНР и России документах и материалах нет ничего об этих переговорах.
17. Юдин П. Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 105-106.
18. Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР. Т. 1 (на кит. яз.) С. 212.
19. Ван Дунсин. Ван Дунсин жицзи. (Дневник Ван Дунсина) (на кит. яз.) // Пекин. 1993. С. 173.
20. АВПРФ, ф. 0100, оп. 43, п. 10, д. 302, лл. 1-4.
21. После того, как Сталин согласился заключить новый договор с Китаем, Мао Цзэдун дал указание китайскому министерству иностранных дел отложить ответ Англии на пожелание установить дипломатические отношения с КНР // Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР. Т. 1. С. 249.
22. Goncharov S., Lewis J., Xue Litai. Op. cit. P. 21.
23. Впоследствии Мао Цзэдун, касаясь этого вопроса, говорил: "Позиция Сталина изменилась, и нам, возможно, помогли в этом индийцы и англичане". См: Юдин П. Указ. соч. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 106.
24. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 235, с. 12-15, 18-19.
25. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 235, л. 20-25, 26-29, 30-34, 1-4.
26. В это время Чжоу Эньлай еще не приехал в Москву, и в тот момент, тем более, не мог быть передан проект договора китайской стороны. Поэтому утверждение Ши Чжэ в его мемуарах о том, что Чжоу Эньлай предложил добавить в название "Китайско-советского договора о дружбе и союзе" 1945 г. слова — "и взаимной помощи", — является сомнительным. Ши Чжэ. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь. [Рядом с гигантами истории] (на кит. яз.) // Пекин, 1987. С. 448.
27. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 235, л. 117-121.
28. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 235, л. 5-7.
29. АВПРФ ф. 07, оп. 23а, п. 20, д. 248, л. 4-13, 20-28.
30. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 235, л. 41-50.
31. АВПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 329, л. 29-38.
32. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 235, л. 38-40. Согласно положениям соответствующих китайских мемуаров и исследовательских работ, первоначальный вариант китайско-советского договора был составлен или Чжоу Эньлаем, или советской стороной на основе идей Чжоу Эньлая. См.: Рядом с гигантами истории. С. 448.; Чжоу Эньлай няньпу [Чжоу Эньлай. Биографическая хроника 1949-1956]. Пекин, 1997. Т. 1. С. 23; История внешней политики Китайской Народной Республики. 1949-1956. С. 22. Считается, что основанием для таких предположений является наличие телеграммы

- Чжоу Эньлай того времени, в которой говорится о китайской стороне как авторе проекта договора. Однако автору данной статьи пока неизвестен текст первоначального варианта, и поэтому он считает, что тогдашнее высказывание Чжоу мог сделать, исходя из каких-то политических соображений. Следует отметить, что воспоминания непосредственного участника китайско-советских переговоров заместителя министра иностранных дел У Сюцюаня совпадают с материалами российских архивов. Он признает, что "самый первоначальный вариант договора был подготовлен советской стороной и не претерпел принципиальных изменений" // У Сюцюань. Хуйи юй хуайнянь. [Воспоминания и думы] (на кит. яз.) // Пекин, 1991. С. 237.
33. АВПРФ, ф. 3, оп. 65, д. 369, лл. 7-10; АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 324, лл. 8-15.
  34. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 20, д. 248, л. 38-55.
  35. Автор статьи выражает глубокую признательность российскому ученому и дипломату С.Н.Гончарову за громадную помощь в работе над рукописными пометками и исправлениями, имевшимися на упомянутых документах российских архивов.
  36. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 20, д. 248, л. 74-79.
  37. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 234, л. 17-22.
  38. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 234, л. 8-13, 29-34, 50-55.
  39. Подлинник "Дополнительного соглашения", поправки и замечания в нему китайской стороны см.: АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 234, л. 64-69. В этом вопросе архивные записи отличаются от некоторых версий, ранее распространенных в Китае. В китайских материалах говорилось, что Мао Цзэдун сначала не хотел заключать это соглашение и лишь под настойчивым нажимом Сталина "ради общих интересов единства Китая и СССР ему пришлось пойти на уступки". См. Ши Чжэ. Указ. соч. С. 446. Впоследствии Мао Цзэдун также называл Северо-Восточный Китай и Синьцзян "колониями" Советского Союза. Этот вопрос, по мнению автора статьи, нуждается в дальнейшем исследовании.
  40. Сталин сопоставлял достижения СССР в войне с Японией с поражением царской России в японо-русской войне. Он говорил, что поражение 1904 г. было черным пятном в российской истории и что "мы, люди старшего поколения, ждали этого дня уже 40 лет", с тем чтобы смыть это пятно. // Сыдалинъ вэньсюань. 1934-1952 [Избранные сочинения Сталина]. Т. 2 (на кит. яз.). Пекин, 1962. С. 438-439.
  41. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, д. 235, л. 123.
  42. О волнении Сталина, когда Чжоу Эньлай внезапно поставил вопрос о Монголии, см. Ши Чжэ. Указ. соч. С. 450.
  43. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 234, л. 16.
  44. Как отметил позднее С.Л.Тихвинский, Сталина не оставляли сомнения: не потому ли Соединенные Штаты в период гражданской войны в Китае не развязали вооруженную интервенцию, что между КПК и американским правительством существовало нечто вроде тайного соглашения. См.: Чжан Байцзюя. Синь Чжунго вайцзюа фанчжэнь [Внешиполитический курс нового Китая] // Гоши яньцзю цанькао цзыляо [Справочные материалы для изучения истории страны] (на кит. яз.). 1993. № 2. С. 59.
  45. АВПРФ, ф. 0100, оп. 42, п. 288, д. 19, л. 99-102.
  46. АВПРФ, ф. 0100, оп. 43, п. 315, д. 142, л. 53-54.
  47. АВПРФ, ф. 07, оп. 23а, п. 18, д. 239, л. 1-7.
  48. Ши Чжэ. Указ. соч. С. 454-456. Запись беседы 17 января свидетельствует: утверждение Ши Чжэ, что Мао Цзэдун сделал заявление не от имени китайского правительства, является "недоразумением". Очевидно, он ошибся в своих воспоминаниях, т.к. в записи беседы ясно говорится, что Мао Цзэдун особо отметил, что говорит "от имени правительства", то есть имелось в виду министерство иностранных дел.
  49. Как отмечают некоторые ученые, США были как бы "третьим негласным участниками в беседах Сталина и Мао Цзэдуна". См. "Goncharov S., Lewis J., Xue Litaí. Op. cit. P. 104.
  50. Диань Айцисунь. Айцисунь хуйилу (Дин Ачесон. Мемуары Ачесона) (на кит. яз.) // Шанхай, 1978. С. 233; АВПРФ, ф. 059а, оп. 5а, п. 3, д. 11, лл. 87-91.
  51. АПРФ, ф. 3, оп. 65, д. 776, л. 33-38.
  52. АВПРФ, ф. 059а, оп. 5а, п.3, д.11, л.92. Подробно об изменении корейской политики Советского Союза см.: Чаосянъ чжаньчжэнь баофа-ды лиши чжэньсян [Подлинная история развязывания войны в Корее] // Эрши и шицзи. 2000, февраль (на кит. яз.).

53. Порты Южной Кореи являются такими же незамерзающими, как Люйшунь и Дальянь, и чтобы соединить железную дорогу между СССР и КНДР, стороны в марте 1949 г. договорились построить 58-километровую ветку Красино-Аволь. См.: АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 346, л. 13-23.
54. Кстати сказать, если учитывать практику Сталина и порядок принятия внешнеполитических решений в СССР, то весьма возможно отсутствие прямых доказательств в этом отношении. Даже если в Советском Союзе есть документы, открыто свидетельствующие о мотивах изменения политики в отношении Кореи, тем не менее невозможно утверждать, что изложенное в них было мыслями Сталина.
55. АВПРФ, ф. 0430, оп. 2, п. 18, д. 5, л. 1-7.
56. АВПРФ, ф. 04311, оп. 1, п. 52, д. 8, л. 40-43, 44-45. (См. Kathryn Wethersby. Soviet Union in Korea and the Outbreak of the Korean War, 1945-1950: New Evidence from Russian Archives, Cold War International History Project Working Paper. N 8. 1993. P. 9-11.)
57. Конечно, существует также проблема оценки реакции США на военный конфликт на Корейском полуострове. Взгляды автора статьи по этому вопросу подробно изложены в книге: Мао Цзэдун, Сыдалинь юй ханьчжань [Мао Цзэдун, Сталин и корейская война]. Сянган. Глава IV (на кит. яз.).

*Перевод с китайского языка
В. Барышникова*

Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX — начале XX вв.

© 2002

А. Аленко

Проблема экономических отношений дальневосточной России с Китаем имеет особую актуальность в наши дни. Большие возможности развития взаимовыгодного сотрудничества используются не всегда наилучшим образом. Отмечаются негативные явления. В Китай контрабандой уходят цветные металлы и ценная древесина. На пограничных реках Амур и Уссури китайцы ведут незаконный промысел рыбы осетровых и лососевых пород. Проникновение на дальневосточный рынок дешевого китайского ширпотреба и продуктов сдерживает развитие российской промышленности и сельского хозяйства. Поэтому изучение исторического аспекта этой проблемы приобретает особое значение в наши дни.

Важно отметить, что российские китаеведы и историки посвятили немало публикаций отдельным проблемам данного вопроса. В их числе можно отметить работы В.В.Граве, В.К.Арсеньева, С.Л.Тихвинского, В.С.Мясникова, Ф.В.Соловьева и других авторов¹. Однако обобщающего труда об экономической деятельности китайцев в дальневосточном приграничье России в дореволюционный период на сегодняшний день, к сожалению, не издано.

Китайские промыслы и торговля в Амурском бассейне и Южно-Уссурийском крае имеют давние корни. Они начались до официального присоединения Приамурья к России. Отдельные маньчжурские торговцы уже с XVII в. вели меновую торговлю с коренным населением края. Следует заметить, что территория амурского правобережья и Уссурийского края находилась лишь в номинальной зависимости от Цинской империи. Китайское правительство выселяло в эти районы разного рода преступников и изгоев общества. Уссурийская и приамурская тайга служила также пристанищем для беглых заключенных и каторжников, кроме того, ее богатства привлекали не только промысловиков-браконьеров, но и мелких торговцев-авантюристов, беднейшие и люмпенизированные слои китайского общества, мечтавших любыми путями сколотить личный капитал².

К моменту присоединения Приамурья и Уссурийского края к России на территории региона выделялось два локальных района с постоянным китайским населением. — Зазейский в Амурской области и долина р. Суйфун. На основании документальных сведений и исследований можно предположить, что численность оседлого китайского населения в крае к 1860 г. составляла около 4-5 тыс. чел.³. Необходимо отметить, что китайское население жило по

своим законам, практически не подчиняясь российской администрации. Выбитое из системы производственных, земляческих, родственных и иных связей традиционного Китая оно объединялось в замкнутые общества, которые продолжали жить на основании собственно китайских законов, имели свою администрацию и суд и поддерживали тесные связи с родиной через тайных агентов, регулярно посылаемых в Приамурье и Южно-Уссурийский край китайским правительством. Китайские поселения служили своеобразными базами для пришлого населения из Китая, ежегодно прибывавшего на промыслы и заработки в Приамурье.

В 60-е гг. XIX в. в долине таежной р. Иман пришлые китайские торговцы и промысловики объединились в тайное общество "Гун и Хэй". Целью членов этого общества было установление монополии на скупку мехов, пантов, жэньшэня у аборигенов. Общество имело свой устав и свод правил, выполнение которых было обязательно для всех прибывавших отходников из Китая и аборигенов. Во главе общества стояло правление, возглавляемое главным старшиной. В составе 13 членов правления были старшины, судья и делопроизводители. Со временем члены "Гун и Хэй" поставили под свой контроль все виды промыслов туземцев, населявших весь бассейн р. Иман от ее устья до отрогов Сихотэ-Алиня. В среде аборигенов были установлены китайские законы, суд, долговые обязательства за приобретаемый товар⁴. В бассейне р. Бикин полновластно управлял Чао-цен — старшина другого китайского общества промысловиков. В составе правления этого общества было 6 человек. Чао-цен по низкой цене скупал всю добычу промысла орочей, проживавших в стойбищах Оло, Дзями, Сего и Долочды. С помощью своих судей Чжан Мина и У Куня он отбирал за долги у туземцев их жен и дочерей, впоследствии продавая их китайцам. По своему усмотрению китайские судьи чинили расправы над орочами, говоря, что "эта земля китайская и орочи должны повиноваться китайским властям"⁵.

Можно сделать вполне справедливый вывод о том, что в бассейнах таежных рек Приамурья и юга Приамурской области в местах проживания аборигенов во второй половине XIX в. существовали самоуправляемые тайные китайские общества и общины, контролировавшие всю хозяйственно-экономическую деятельность дальневосточных туземцев. Известный исследователь Приамурского края В.К.Арсеньев замечал по этому поводу: "До 1906 г. фактическая власть русских не распространялась дальше долины реки Уссури и побережья моря до залива Святой Ольги. Все остальное пространство находилось в руках китайцев. Там сыны Поднебесной царили полновластно, жили самостоятельно по своим законам, а инородцы находились у них в полнейшем рабском подчинении"⁶.

Меховая торговля китайцев с аборигенами в глухой тайге носила ярко выраженный неэквивалентный характер. Вся пушнина, приобретаемая ими у туземного населения края, фактически скупалась за бесценок. Шкурки соболя, продаваемые приамурскими китайцами шанхайским скупщикам за 2 долл., покупались у аборигенов не дороже 5 центов каждая. Китайские торговцы практически открыто грабили нанайцев, удегейцев, орочей, выменивая ценные меха на предметы дешевого ширпотреба и спиртное. Туземцы, как правило, находились в постоянной долговой кабале у китайцев, получая от них в рассрочку порох, дробь, табак, соль, чай и т.п. При таком положении дел туземцы фактически не могли продавать добытые меха русским купцам, что в значительной степени парализовало развитие отечественной меховой торговли в крае. По мере заселения края россиянами, китайские таежные торговцы стали приобретать меха и у русских поселенцев за 30%-ную стоимость⁷.

Промысловая деятельность китайских отходников занимала не менее доходную сферу их деятельности в глухих таежных районах русского Дальнего Востока. Важным источником обогащения была охота на оленей, так как их молодые рога (панты) высоко ценились в традиционной китайской медицине. Стоимость пары пантов оленя достигала 1-1,2 тыс. рублей, а изюбра — 0,3-0,4 тыс. рублей. Поэтому манзы в первую очередь охотились за пятнистыми оленями, а по ходу промысла истребляли других животных. Охота велась самым варварским способом при помощи лудев и ям. В частности, в 1880 г. в Уссурийском крае насчитывалось 175 китайских лудев и 8766 охотничьих ям⁸. Обобщающих сведений о размерах истребления оленей китайцами во второй половине XIX в. нет, но об этом можно судить по такому факту: в марте 1895 г. в районе Находки один китаец в течение двух недель уничтожил 60 животных. За один год китайцы добывали до 1500 оленьих и 2000 изюбриных выпоктов. В 90-х гг. из региона в Китай вывозилось до 15 тыс. оленьих и изюбриных хвостов⁹. Эти далеко неполные данные свидетельствуют о том громадном ущербе, который наносили китайские отходники животному миру региона.

Сбор жэньшэня был одним из распространенных видов промысла китайцев. Этот корень, издавна известный в восточной медицине, высоко ценится в Китае. Жэньшэнь произрастал в южно-уссурийской тайге. В 90-е гг. прошлого века китайцы добывали здесь до 50 пудов жэньшэня на сумму до 550 тыс. руб.¹⁰. Среди китайских таежных промысловиков были также искатели жемчуга. Местами добычи жемчуга были реки Бикин, Иман, Ваку, Нотто, Даубихэ и др. Жемчужные раковины водились в глубоких тихих притоках этих рек. Считалось, что в течение летнего сезона один ныряльщик-китаец может добыть до 120 жемчужин. Среднее зерно речного жемчуга оценивалось от 30 до 50 рублей, а крупное — от 150 до 200 рублей. По данным В.К.Арсеньева в XIX в. в Приморье китайцы добывали до 5 тыс. жемчужин в год¹¹.

Не менее доходным занятием китайских отходников были морские промыслы в заливах и бухтах южного Приморья. Наиболее крупным из них была добыча морской капусты, которая регламентировалась и направлялась из Китая. Ежегодно, начиная со второй половины марта до середины сентября, на побережье залива Петра Великого, бухты Находка, залива Св. Ольги, и в сахалинскую бухту Маука из Китая в 60-80-х гг. XIX в. прибывало от 4-х до 6 тыс. человек. Партии сборщиков морской капусты предварительно формировались крупными китайскими предпринимателями в городах Хунчуне, Гирине, Саньсине, Нингуте. Там же представителями китайской администрации с промысловых артелей брался налог за добычу морской капусты на российской территории. Численность промысловых артелей была в пределах от 20 до 100 человек. Сборным пунктом всех промысловиков была манзовская деревня Ханцзы в бухте Экспедиции, в которой находились склады промысловых снастей и лодок. Объем китайского промысла морской капусты в 70-80-х гг. XIX в. колебался от 240 до 450 тыс. пудов. Вся добытая капуста вывозилась морским путем на китайские рынки. Стоимость одного пуда этого продукта в Китае составляла 1-1,4 рубля. С каждого пуда добытой капусты китайцы платили в российскую казну 7 коп. К началу XX в. в результате истощения промыслов, добыча морской капусты китайцами на побережье Приморской области значительно сократилась, что вызвало повышение цен на нее в Китае до 12-15 руб. за пуд¹².

Добычей трепангов, считающихся ценным деликатесом китайской кухни, занималось ежегодно до тысячи китайских джонок. Суточный улов одной лодки определялся в 120 трепангов, что давало 2,6 кг сухого трепанга, стоимость одного килограмма которого на месте лова составляла 2 рубля, а в Китае — до 4 рублей. Консервированный трепанг сбывался в Китае по цене до 20 до

50 руб. за пуд. Кроме трепангов и морской капусты китайские предприниматели вели добычу крабов, шримса, гребешков и других морепродуктов. Крабы сбывались в Китай по цене 16 руб. за пуд¹³.

Другим видом деятельности китайцев в Южно-Уссурийском крае была добыча соли из морской воды. На побережье залива Петра Великого в 60-х гг. XIX в. существовало 15 солевых заводов, основная часть которых была сосредоточена в бухте Посвет. Производительность каждого завода составляла от 300 до 1500 пудов соли в год. Большая часть добываемой соли отправлялась через русско-китайскую границу в Хунчун. Развитию этого промысла способствовал закон, принятый в 1877г. российским правительством по ходатайству генерал - губернатора Восточной Сибири. Закон разрешал манзам производить солеварение без оплаты акцизного налога и попудного сбора. К 1908 г. в Южном Приморье действовало уже 32 китайских солевых заводов, годовая сумма производства которых составляла 5960 руб.¹⁴.

На протяжении полутора десятков лет китайские отходники вели промыслы золота на острове Аскольд. Ежегодно сюда прибывало до 1 тыс. золотоискателей. Старатели хорошо финансировались крупными китайскими предпринимателями. В 1867-1868 гг. администрация Приморской области приняла меры к запрещению здесь промыслов китайцев. Однако в апреле 1868 г. китайские старатели оказали вооруженное сопротивление военному судну "Алеут", которое было послано для прекращения несанкционированных китайских промыслов. Когда самовольных золотоискателей силой удалили с острова, они создали довольно крупный отряд из китайского населения, проживавшего в Южно-Уссурийском крае, который сжег села Шкотово, Никольское и два военных поста. Началась так называемая "манзовская война". Китайцы предприняли попытку захватить Находку, однако их нападение было отражено вооруженным отрядом гидрографа К.С.Старицкого. Основные силы китайских мятежников были разбиты и рассеяны отрядом подполковника Маркова¹⁵.

Тем не менее "Манзовская война" была не единственной военной авантюрой, спровоцированной китайскими властями на территории Уссурийского края. Летом 1882 г. по распоряжению маньчжурских властей в Южно-Уссурийский край был неофициально командирован военный чиновник Ли Гуи для управления манзовскими поселениями в долине р.Сучан, а также вдоль побережья Японского моря от залива Петра Великого до залива Св. Ольги. По прибытию на российскую территорию Ли Гуи создал вооруженный отряд из манзов, построил в тайге на реке Сучан небольшую глинобитную крепость, установил китайские порядки в манзовских поселениях, руководствуясь указаниями Гиринаского фудутуна и других китайских властей Северной Маньчжурии. Военный губернатор Приморской области генерал-майор И.Г.Баранов был вынужден направить в этот район военный отряд в составе пешей роты, четырех взводов конных казаков и дивизиона горной артиллерии под командованием подполковника Винникова. Появление русского отряда в бассейне реки Сучан вызвало панику среди китайцев, Ли Гуи со своим отрядом скрылся в тайге. Значительная часть манзовского населения разбежалась. Китайская крепость была разрушена, оружие и боеприпасы были взяты в качестве трофеев, а запасы продовольствия уничтожены¹⁶.

Официально торговля азиатских иностранных купцов в крае была разрешена российским законодательством. Китайские, корейские, японские купцы были обязаны брать купеческие свидетельства, платить местные акцизы, исполнять городские и земские повинности, "не обязываясь, впрочем, вступать в российское подданство". В апреле 1862 г. российский император утвердил законопроект Госсовета о беспошлинной торговле в 50-версткой полосе (дословно 100 китайских ли) вдоль дальневосточной границы России с Китаем, разрабо-

танный на основе "Правил для сухопутной торговли с Китаем и тарифа, заключенного в Пекине 20 февраля 1862 г.". Уместно также заметить, что на основании ст. 273 "Устава торгового" в беспошлинной приграничной полосе китайские купцы освобождались от выкупа купеческих свидетельств¹⁷.

С началом заселения края китайцы стали активно снабжать русских переселенцев необходимыми товарами, пользуясь правом беспошлинной торговли в 50-верстной приграничной полосе Дальнего Востока России и режимом шорто-франко в портах Приморской области. В 1864 г. в торговых оборотах г. Благовещенска 20% (0,1 млн руб.) приходилось на китайскую торговлю. Более интенсивно китайская торговля начала развиваться с 80-х гг. XIX в. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, усилившаяся колонизация северо-восточных территорий Китая, так как в 1878 г. цинские власти отменили все законы, запрещавшие китайцам селиться в Маньчжурии. Невозможность для маньчжурских властей обеспечить прибывавшее население стабильными заработками приводила к тому, что китайцы в массовом порядке переходили российскую границу и искали средства к существованию в Приамурском и Южно-Уссурийском крае. Во-вторых, этому способствовало наличие на российском Дальнем Востоке постоянного китайского населения, которое могло поддержать своих соотечественников. В-третьих, принятие российским правительством в 1881 г., согласно Петербургскому договору, "Правил для сухопутной торговли между Россией и Китаем". Правилами разрешался китайским подданным ввоз и вывоз в дальневосточный регион России золота, серебра и иностранной монеты¹⁸.

К этому времени в ведении китайских фирм находилась значительная часть розничной торговли дальневосточных областей России. Удельный вес китайских торговых заведений г. Владивостока в 1886-1887 гг. составлял 73,7%. Однако их доля в торговых оборотах города достигала лишь 21%. Общий объем китайской торговли в крае за 1886-1893 гг. удвоился. Сумма торговых оборотов китайских предприятий региона в 1893 г. составила 6 млн руб. При этом накладные расходы китайских купцов не превышали 8%¹⁹.

Успешная коммерческая деятельность китайцев в Приамурском генерал-губернаторстве обуславливалась организованностью и сплоченностью китайской диаспоры. Все торговцы Среднего государства представляли интересы нескольких крупных торговых китайских фирм, правления которых находились на территории Китая. В 1881 г. во Владивостоке втайне от российских властей китайские предприниматели основали "Общество взаимного вспомоществования", "Владивостокское коммерческое общество". Более 15 лет оно вело скрытую работу по упрочению экономических позиций китайцев в городе и крае. Согласно положениям устава, основными задачами этого общества была забота о развитии китайской торговли на российском Дальнем Востоке, изучение дальневосточного рынка, содействие членам общества в организации торговых предприятий. Важно отметить, что эта крупная фирма монополизировала всю китайскую торговлю российского Дальнего Востока. Она была подотчетна китайскому правительству, у которого получала соответствующие документы на право ведения торговой деятельности, печати и штампы²⁰.

"Владивостокское коммерческое общество", по сути дела, регулировало и организовывало работу многочисленных мелких коммерческих заведений китайцев в дальневосточных областях России, выполняя функции контроля, управления, сбора информации, координации действий китайского купечества на Дальнем Востоке. Таким образом, многочисленные мелкие китайские торговцы, действовавшие в крае, были хорошо организованы и фактически управлялись китайским правительством через посредство китайских торговых фирм, структурные подразделения которых легально и нелегально действова-

ли на российской территории. Такое положение дел, безусловно, ставило других иностранных предпринимателей в менее выгодные условия и представляло значительную помеху развитию отечественной торговли в регионе.

Необходимо отметить, что в целом торговля России с Китаем из года в год увеличивалась. Этот рост происходил исключительно за счет увеличения китайского ввоза, который составлял от 80 до 90% всего оборота российско-китайской торговли. За 1890-1900 гг. ввоз из Китая в Россию возрос на 60%, в то время как вывоз российских товаров в Китай увеличился лишь на 37%. В целом торговый оборот дальневосточного региона России с Китаем вырос за эти годы с 3 до 7 млн руб.²¹.

Это объяснялось не только такими причинами, как увеличение численности населения Приамурского генерал-губернаторства и строительство Китайско-Восточной железной дороги, но и тем, что с начала 90-х гг. XIX в. китайские фирмы умело приспосабливались к покупательскому спросу населения края. Теперь они вели торговлю не только китайскими, но и русскими товарами, практикуя систему широких оптовых закупок у крупных торговых домов, действовавших на Дальнем Востоке. Кроме того, они приобретали товары в Европейской России, а также в Забайкалье (в основном изделия из кожи и меха), составляя серьезную конкуренцию российским предпринимателям в традиционной для них сфере деятельности.

Помимо четкой организации и сплоченности китайских торговцев причиной их высокой конкурентоспособности были коммерческие способности — ловкость, неприхотливость, умение приспособиться к покупательскому спросу. Китайцы продавали свои товары на 10-12% дешевле других торговых предприятий, довольствуясь гораздо меньшей прибылью, чем европейцы. Китайские торговцы жили на территории дальневосточных областей России большими артелями без семей и ограничивались самой дешевой провизией и одеждой. Китайские фирмы в отличие от российских, американских и западноевропейских торговых предприятий ведущих свою деятельность в крае, не тратили средств на строительство магазинов, складов, рекламу, страхование имущества, ограничиваясь арендой небольших неблагоустроенных помещений, зачастую торговали с нарушением санитарных норм. В результате этого их накладные расходы составляли в пределах 5-8% от суммы годового дохода, в то время как аналогичные расходы крупнейших торговых заведений края (например, немецкой торговой фирмы "Кунст и Альберс") составляли в 90-х гг. от 14 до 18%²².

Наиболее крупными китайскими торговыми фирмами на российском Дальнем Востоке в 1897-1899 гг. являлись Ли Юнмо (товарооборот — 1,2 млн руб. в год), И Тай — (0,7 млн руб.), Юн Хозань — (0,7 млн руб.), Тун Ли — (0,6 млн руб), Чэн Тай — (0,6 млн руб), Куан Юаньчэн — (0,5 млн руб). В 1899 г. по сведениям китайского коммерческого агента Ли Тьяо общий оборот китайских фирм во Владивостоке превысил 19 млн руб.²³

В 1895 г. в российское гильдейское купечество вступил китайский предприниматель Ти Фэнтай, состоявший с 1885 г. членом хабаровского купеческого общества. После принятия русского подданства и имени — Николай Иванович, в 1894 г. он вступил во 2-ю гильдию, а с 1895 г. в 1-ю гильдию купечества г. Хабаровска. Кроме торговых заведений в Хабаровске Н.И.Тифонтай построил кирпичный завод (1879), паровую мельницу (1899). В 1899 г. начал разработку месторождений бурого угля недалеко от Хабаровска. Выполнял казенные подряды на строительстве Уссурийской железной дороги. В 1901 г. совместно со своими компаньонами — китайским подданным В.Н.Ехоалиным и тремя китайскими вкладчиками он создал торговый дом "Тифонтай и Ко" с основным капиталом в 200 тыс. руб.²⁴. На Камчатке с 1895 г. вел торговлю купец

2-й гильдии китаец Му Индан, который приехал в Петропавловск из Владивостока, где не выдержал конкуренции многочисленных соотечественников²⁵.

В 1900 г. после введения правительством России таможенного обложения 14 китайских торговых фирм во Владивостоке вынуждены были прекратить свои дела. Среди них были Лиюнмо и Куанюаньчин, торговый оборот которых на русском Дальнем Востоке составлял 1,7 млн руб. Шесть крупных китайских фирм перенесли свои коммерческие операции в Харбин. Общие торговые обороты китайских торговых фирм во Владивостоке упали к 1904 г. до 7 млн руб.²⁶ На протяжении всей сухопутной границы с Китаем началась широкая контрабанда, главными предметами которой были байховый чай и русский сахар. Только в 1903 г. в 50-верстную беспошлинную полосу было ввезено 5328 пудов чая, который вскоре был отправлен без уплаты пошлин во многие населенные пункты дальневосточных областей России²⁷. Закрытие порто-франко в дальневосточных портах обеспечило благоприятные условия для ввоза китайской пшеницы из Маньчжурии вместо американской, которой до 1901 г. ввозилось на русский Дальний Восток ежегодно до 1,8 млн пуд., что составляло 90% всей пшеницы, ввозимой в регион. Крупнейшим покупателем маньчжурских хлебных грузов были интенданты и золотопромышленники, которые закупали 75% импортного хлеба²⁸.

Введение таможенного обложения и русско-японская война мало отразились на деятельности торгового дома "Тифонтай и К^о", основной капитал которого к 1907 г. превысил 1,2 млн руб. В 1908 г. по высочайше утвержденному Положению Совета министров Н.И.Тифонтай получил от казны 0,5 млн рублей за понесенные убытки во время войны, когда он занимался поставками продовольствия для русской армии в Маньчжурии. Росло недвижимое имущество предприятия. Фирма "Тифонтай и К^о" имела пивоваренный, лесопильный, известковый заводы, механические мастерские, макаронную фабрику, хлебный склад, мастерскую по выделке мехов. Были открыты торговые отделения во Владивостоке и Харбине. По данным уполномоченного Амурской экспедиции А.Н.Митинского паровая мельница Н.И.Тифонтая перемолола в 1906-1909 гг. 609 тыс. пудов зерна²⁹.

Негативные последствия для Приамурья имело разрешение российским правительством с 1890 г. китайского винокурения — производства манзовского пива и японского напитка "сакэ". По ходатайству министра финансов действие этого закона продлевалось четыре раза до 1 января 1902 г. Государственному казначейству это было выгодно — за каждые сутки казна получала 75 коп. с ведра. В большинстве случаев под японским напитком "сакэ" понималось производство китайской рисовой водки — ханшина, которым занималось в этот период около 150 китайских заводов, представлявших небольшие кустарные предприятия и дававших своим хозяевам около 10 тыс. руб. в год прибыли каждое. Сбыт ханшина китайцами широко осуществлялся как русскому, так и коренному населению и наносил серьезный ущерб хозяйственному и социальному развитию региона³⁰.

Большое распространение получил контрабандный ввоз ханшина из Китая, где его производство и продажа не регламентировались китайским правительством. Основной поток контрабандного спирта из Китая направлялся по р.Сунгари в бассейн рек Амура и Уссури. В 1909 г. в г.Благовещенск из г.Цицикара было доставлено контрабандным путем 282900 л спирта. Общий ввоз китайского спирта в Приморскую область через ст. Пограничная составил за 1907-1909 гг. около 1,5 млн л. Против большинства казачьих сел китайцы строили на своем берегу склады, из которых дешевое спиртное свободно продавалось русскому населению. По подсчетам А.Н.Митинского, в обмен на китайский спирт ежегодно из Приамурья уходило 4 млн руб. в Китай³¹. Другим

видом контрабанды был ввоз наркотических средств. По сведениям Н.П.Забугина, в 90-х гг. XIX в. в Приморскую область ежегодно ввозилось до 4200 пудов опиума на сумму 0,8 млн руб. Наркотики широко использовались китайцами в опиекурильнях, располагавшихся в местах компактного проживания китайцев³².

Разновидностью незаконного бизнеса китайцев в дальневосточном пограничье России было выращивание мака, использовавшегося для получения опиума. В 1909 г. на левом берегу Амура жители 64 российских деревень сдали в аренду китайцам часть своих земель для возделывания посевов мака, который в зимнее время в качестве наркотика переправлялся в Маньчжурию. Маковые плантации привлекали большое количество китайских бродяг, под видом которых на российскую территорию проникало немало бандитов, хунхузов. В 1914 г. в долине пограничной р. Ушагоу на казачьих землях китайские арендаторы возвели целую цепь глинобитных крепостей, в которых организовали вооруженную охрану. Ее необходимость китайские макосеятели объясняли тем, что им якобы необходима защита от хунхузов. Однако на деле такое положение вещей безусловно создавало предпосылки для отторжения российских пограничных территорий в пользу Китая³³.

Мелкий каботаж в акватории залива Петра Великого, от залива Посьета до залива Св. Ольги, с 60-х гг. XIX в. стал также предметом китайского предпринимательства. Не встречая конкурентов среди русского населения, китайцы вплоть до 1914 г. занимали монополию в морских перевозках южного Приморья. Только вывоз грузов из Владивостокского порта китайскими судами для снабжения промышленных новостроек побережья Южно-Уссурийского края составлял приблизительно постоянную из года в год величину — около 32 тыс. т³⁴.

Таким образом, предпринимательская деятельность китайцев оказывала существенное влияние на экономическое развитие дальневосточного региона Российской империи. Однако китайское экономическое проникновение носило неоднозначный характер и было во многом связано с запрещенной торгово-промышленной и промышленной деятельностью. Вся деятельность китайцев в крае строго регламентировалась и направлялась китайским правительством, вынашивавшим планы отторжения у России Приамурья. Одним из важных пунктов для реализации этих планов являлось усиление экономического влияния китайцев на дальневосточной окраине России.

1. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912; Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический. Хабаровск, 1914; Тихвинский С.Л. Китай и всемирная история. М., 1988 и его др. работы; Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.). Хабаровск, 1997 и др. работы; Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX-начало XX в.). Владивосток, 1973 и др.
2. Скальковский К.А. Русская торговля в Тихом океане. СПб., 1883. С. 6; Соловьев Ф.В. Указ. соч. С. 114-118.
3. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. II. Вып. 2. С. 76-78; Скальковский К.А. Указ. соч. С. 2, 6; Соловьев Ф.В. Указ. соч. С. 118-121. По данным хабаровского историка А.Л.Анисимова, общая численность китайского населения, проживавшего в дальневосточных областях России к 1860 г., составляла 10,5-11 тыс. чел. (См.: Анисимов А.Л. Особенности китайской, корейской, японской и русской колонизации российского Дальнего Востока в середине XIX в. // Российское Приамурье: история и современность. Хабаровск, 1999. С. 79).

4. Сухачева Г.А. Обитатели "миллионки" и другие // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 65. Лишь в 1907 г. о существовании общества "Гун и Хэй" стало известно российским властям. Оно было официально запрещено. В составе членов его числилось 300 чел. // Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 140.
5. РГИА ДВ, ф. 1, оп. 7, д. 1718, лл. 8-11.
6. Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 84-85.
7. Скальковский К.А. Указ. соч. С. 42-43; Сибирь и Великая сибирская железная дорога. СПб., 1896. С. 154; ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 142.
8. Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 17, 108; Надаров И. Материалы по изучению Уссурийского края. СПб., 1887. С. 130-131.
9. Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 112-113.
10. РГИА ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 99, л. 143.
11. Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 117-118.
12. РГИА ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 99, лл. 143-144; РГИА, ф. 40, оп. 1, д. 105, т. 1, л. 4; РГАДА, ф. 1385, оп. 1, д. 972, л. 52; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора С.М.Духовского за 1893, 1894 и 1895 гг. СПб., 1895. С. 93; Скальковский К.А. Указ. соч. С. 36-38.
13. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора... за 1893, 1894 и 1895 гг. С. 93-94; Подсчитано по: Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 117-118.
14. Надаров И.П. Второй Хабаровский съезд. 1886 г. Владивосток, 1996. С. 54; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1379, л. 523; Собрание узаконений и распоряжений правительства... 1980 г. I пол. СПб., 1880. Ст. 171; там же. 1885 г. II пол. СПб., 1885. Ст. 4040; Приамурье. Цифры. Факты. Наблюдения. М., 1909. С. 625.
15. РГАДА, ф. 1385, оп. 1, д. 972, л. 53; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг. М., 1990. С. 117-118; Надаров И.П. Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Военный сборник. 1896. № 9. С. 185. Надо сказать, что оседлое и сезонное китайское население Приморской области считало русских временными пришельцами, оно открыто не признавало себя подданными России, подчиняясь китайским властям, через негласных агентов. По свидетельству красноярского историка В.Г.Дацышена, в "манзовской войне" приняло участие до 40 тыс. китайцев, что вызывает довольно серьезные сомнения. Еще в 1897 г. Д.И.Шрейдер сделал вывод о значительном преувеличении масштабов "манзовской войны" дальневосточной администрацией и прессой. (См.: Скальковский К.А. Указ. соч. С. 6-7; Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. Часть 1. СПб., 1996. С. 28; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 359).
16. АВПРИ, СПб. Гл. арх. I-1, оп. 781, 1883-1886; д. 487, лл. 7-9.
17. СЗРИ. Изд. 1857 г. СПб., 1857. Том одиннадцатый. Ч. II. Ст. 230, ст. 232, ст. 273; ПСЗРИ, собр. втор. Т. XXXVII, отд. перв. 1862 г. СПб., 1865. Ст. 38123; там же. Отд. втор. 1862 г. СПб., 1865. Ст. 38933.
18. Даттан А.В. Исторический очерк развития Приамурской торговли М., 1897. С. 5; Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М., 1958. С. 54-60; Сухачева Г.А. Причины увеличения миграции китайцев на русский Дальний Восток в конце XIX-начале XX в. // Миграционные процессы в Восточной Азии. Владивосток, 1994. С. 106.
19. Подсчитано по: Даттан А.В. Указ. соч. С. 79-80, 82-83; Молчанова Е.Г. К вопросу о китайской торговле на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX-начале XX вв. // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Материалы научно-практической конференции. Хабаровск, 1994. С. 158.
20. Граве В.В. Указ. соч. С. 104-115; Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 189-194.
21. Подсчитано по: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г. Томск, 1897. С. 536; Листок Приморского статистического комитета за 1904 г. Владивосток, 1905. № 11-12. С. 8; История Северо-Восточного Китая. XVII-XX вв. Владивосток, 1987. Кн. 1. С. 293-194.
22. Молчанова Е.Г. Указ. соч. С. 159.
23. Листок Приморского статистического комитета за 1904 г. Владивосток, 1905. № 11-12. С. 8.
24. Ти Фон Тай в 70-е гг. XIX в. служил переводчиком в инженерной дистанции Хабаровки. Одновременно занимался торговлей мехами и хлебом. Меха поставлял на

- рынки Санкт-Петербурга и Москвы. (См.: Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. С. 479).
25. Прозоров А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. 1902. С. 201.
  26. Листок Приморского статистического комитета за 1904 г. Владивосток, 1905. № 11-12. С. 8; Березовский А.А. Таможенное обложение и порто-франко в Приамурском крае. Владивосток, 1907. С. 48.
  27. Там же. С. 116-117.
  28. Там же. С. 71; История Северо-Восточного Китая. XVII-XX вв. Владивосток, 1987. Кн. 1. С. 256.
  29. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 75, л. 19; Кларк И.С. Спутник по Маньчжурии, Амуру, Уссурийскому краю Владивосток, 1906. С. 8 (прил.); Митинский А.Н. Материалы по вопросу о снабжении Дальнего Востока сибирским хлебом и мясом. СПб., 1912. С. 34; подсчитано по: Митинский А.Н. Материалы положений и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб., 1911. С. 36.
  30. РГИА ДВ, ф. 704, оп. 3, д. 259, лл. 12, 29; Собрание Узаконений и распоряжений правительства... 1890. Перв. пол. Ст. 208; Там же. 1893. Перв. пол. Ст. 133; Там же. 1896. Перв. пол. Ст. 49; Там же. 1899. Перв. пол. Ст. 724; Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 135, 142. В 1894 г. пятью манзовскими пивными заводами было изготовлено 23 тыс. ведер пива, что превышало производство русских пивных заводов в 2,3 раза. Ханшин изготовлялся из гаоляна и буды. Его крепость составляла 60. Но очистка получаемого спирта от сивушных масел не производилась, что придавало ханшину в большей степени одуряющее воздействие на человека, чем это происходило от употребления русской водки. Ханшин был признан вредным для здоровья. (См.: РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1384, л. 123; Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856-1898 г. СПб., 1902. С. 221-222).
  31. Подсчитано по: Митинский А.Н. Материалы положений и нуждах торговли и промышленности... С. 101-102.
  32. РГИА, ф. 40, оп. 1, д. 105, т. 1, л. 417.
  33. РГВИА, ф. 1558, оп. 3, д. 6, л. 182; АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 80, л. 108.
  34. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Н.И.Гродекова за 1901-1902 гг. Хабаровск, 1902. С. 26. В 1901 г. во Владивостоке было зарегистрировано 569 китайских шаланд, занимавшихся извозом. Следует отметить, что с мая 1898 г. сбор, взимаемый с иностранных судов, занимавшихся каботажем в водах Приамурского края, высочайше утвержденным положением Комитета Министров стал поступать на производственные и социальные нужды Владивостокского коммерческого порта. (РГИА, ф. 487, оп. 1, д. 3, лл. 158-159; Собрание узаконений и распоряжений правительства... 1898. 1 пол. СПб., 1898 Ст. 533).

Документы, архивы

Н. Я. Бичурин как переводчик

© 2002

Б.И. Панкратов

29 августа с. г. исполняется 225 лет со дня рождения великого русского востоковеда Никиты Яковлевича Бичурина, о. Иакинфа, (1777-1853), внесшего выдающийся вклад в развитие отечественной и мировой науки. В творчестве этого замечательного ученого в полной мере проявились лучшие черты, свойственные традиционной российской исследовательской культуре, а научное наследие является столь обширным, что полное его издание остается одной из насущных задач востоковедения по сей день.

При этом многие годы работы Н.Я. Бичурина являются для исследователей истории, географии, права, этнографии Китая, Центральной и Средней Азии богатейшим источником материалов и разносторонних наблюдений. Изучение и освоение научного наследия Н.Я. Бичурина, начавшееся в XIX в., осуществлялось по трем направлениям: 1) подготовка к изданию и переизданию его сочинений, 2) научное осмысление значения его трудов для мирового китаеведения, 3) изучение жизненного и творческого пути Н.Я. Бичурина, его непростой судьбы.

Все три из указанных направлений нашли отражение в работах крупнейшего отечественного востоковеда, монголиста, китаевода, тибетолога, исследователя буддизма Бориса Ивановича Панкратова (1892-1979), который вошел в историю нашей науки прежде всего как ученый с уникальной эрудицией, редкий знаток языков и дальневосточной культуры в самых разнообразных ее проявлениях. "Он выделялся среди своих коллег одаренностью и знаниями особого типа, необычной судьбой и редкой у нас в те годы международной известностью"¹.

История российского китаеведения была одним из предметов научных занятий Б.И. Панкратова. Особенно его интересовали два имени — Н.Я. Бичурин и В.П. Васильева (1818-1900)². В 1951-1953 гг. Б.И. Панкратов вместе с З.И. Горбачевой (1907-1979) и Г.Ф. Смыкаловым (1877-1955) занимался подготовкой к печати выполненного Н.Я. Бичуриным 16-томного перевода -- "Летопись Китайской империи, называемая Юй-ньши цзычжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую. Перевод с китайского. 1825"³. Б.И. Панкратовым были подготовлены к печати I, III, IX, XV и XVI-ый тома рукописи⁴.

Кроме того, согласно "Отчету о выполнении плановых тем 1952 г. на 1-е октября 1952 г. по Сектору восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР⁵", в сборник, посвященный 100-летию со дня

смерти Н.Я. Бичурина, Б.И. Панкратовым была представлена статья объемом 0,75 а.л.⁶. Эта статья сохранилась в двух вариантах: 1) "Иакинф Бичурин как переводчик "Тун-цзянь ган-му"⁷ и 2) "Н.Я. Бичурин как переводчик"⁸. На машинописном тексте первого варианта помечено карандашом: "Ленинград, 1955"⁹, однако очевидно, что этот вариант статьи является первоначальным, по всей видимости, он был написан не позже июня 1952 г.¹⁰, а после обсуждения в Секторе восточных рукописей ИВ АН переработан в публикуемую ниже статью "Н.Я. Бичурин как переводчик".

Данная публикация является данью памяти Н.Я. Бичурина и Б.И. Панкратова. Она была подготовлена к печати доктором исторических наук И.Ф. Поповой и академиком РАН В.С. Мясниковым.

* * *

Среди неопубликованного научного наследия, оставленного зачинателем русского китаеведения Н.Я. Бичуриным, первое место, как по значению, так и по объему, занимают 16 томов (около 8000 страниц, т.е. свыше 300 печатных листов) перевода "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" — "Исторического зеркала государственного управления".

Как и большинство других его работ, этот перевод был выполнен Н.Я. Бичуриным еще во время пребывания в Пекине в 1808-1821 гг. в должности начальника 9-ой Российской духовной миссии. Вот что пишет по этому поводу пристав 10-ой миссии Е.Ф. Тимковский¹¹: "Начальник прежней миссии объявил, что он перевел с китайского языка на русский историю Китая и полную географию всех земель, подвластных сей империи: труд значительный и могущий принести особенную пользу. Он изъявлял усердное желание, по возвращении в отечество, преимущественно обратить свои усилия на окончательное обработка сих переводов"¹².

Из слов того же Е.Ф. Тимковского, который ни в коей мере не был китаистом, и высказывания которого по вопросам Китая и китаеведения являются, по сути, передачей мнений самого Н.Я. Бичурина, следует, что "окончательное обработка сих переводов" должно было иметь своей целью скорейшее их опубликование. Публиковать же их надо было для того, чтобы дать достоверный и полноценный материал для изучения Китая и сопредельных с ним стран, что не всегда можно найти в работах западноевропейских востоковедов, а также чтобы русское китаеведение могло не только заявить о своем существовании, но и занять подобающее ему место в науке.

Е.Ф. Тимковский в своем "Путешествии" дает следующую оценку работ западных ученых: "Сии, однако, труды едва ли могут приносить желаемую пользу; ибо в оных не достаёт главнейшего — прочного основания, лежащего на верных переводах китайской истории и географии с подлинников. Переводы езуитов, по отзыву людей опытных в сем деле, справедливее можно почтить извлечениями из китайских книг, или *парафразами*; при том оные сделаны большею частью в те времена, когда буквы китайские представлялись довольно темными гиероглифами"¹³. И далее: "Сими немногими словами желал я намекнуть о причине недостаточных или часто превратных в Европе понятий о Китае. При сем не могу умолчать, что пополнить наши несовершенные о том знания — отечество находит самый удобный случай посредством членов нашей Пекинской миссии. Проживая в столице Китая по несколько лет и находясь, так сказать, в средоточии просвещения народного, при щедрых пособиях своего правительства и при известном содействии китайского, они имеют и время, и средства приобретать основательные сведения в языке, и тем самым знакомить себя и соотечественников с Историею и Географиею Китая, снискивать точные понятия о внутреннем положении государ-

ства, о законах и сущности действий самого правительства. Издание таких переводов и наблюдений может, кажется, разлить более света на повествования о Китае, в толиком числе книг распространившиеся на языках французском, немецком и даже русском. Тогда мы откроем еще более возможности отразить горделивый упрек, недавно произнесенный одним французским аббатом на счет молчаливости наших соотечественников, бывших в Китае"¹⁴. Таким образом, как мы видим, труды Н.Я. Бичурина должны были заложить научную основу русского китаеведения.

По неизвестным нам причинам издание переводов ["Исторического зерцала государственного управления" или] "Истории Китая" ("Цзы-чжи тун-цзянь ган-му") и ["Статистического описания Китайской империи" или] "Географии всех земель, подвластных Цинской империи" ("Дай-цин и-тун-чжи") по возвращении в Россию Н.Я. Бичуриным осуществлено не было и вместо этого он занялся обработкой и публикацией других своих трудов. Однако нет ни одной его работы, где бы он не использовал в той или иной мере "Историю" и "Географию".

Судя по словам самого Н.Я. Бичурина, можно предположить, что, вернувшись на родину, он изменил первоначальный план ознакомления России с Китаем по многотомным переводам "Истории" и "Географии" и предпочел начать это ознакомление по отдельным областям, очевидно, откладывая напоследок публикацию своих основных пекинских трудов.

Вот что он говорит в предисловии к "Статистическому описанию Китайской империи": "До издания сей книги в свет, вообще я писал о Китае побочным образом, т.е. в тех только отношениях, по которым сие государство было прикосновенно к событиям соседственных к нему народов. В одном только *Китае* (название книги, изданной мною в 1840 году) я распространился о просвещении, нравах и обычаях китайского народа. Но кроме помянутой книги, цель всех, доселе изданных мною разных переводов и сочинений, в том состояла, чтобы предварительно сообщить некоторые сведения о тех странах, через которые лежат пути, ведущие во внутренность Китая. Порядок требовал прежде осмотреть Тибет, Тюркистан и Монголию, т.е. те страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем, и через которые самый Китай имеет связи с Индией, Среднею Азией и Россией. Надлежало прежде обозреть географическое положение и политическое состояние помянутых стран и отсюда вывести политические виды Китая на оные. Таким образом, я имел в виду еще до вступления в Китай подать некоторые понятия о тамошнем дворе и политике его, о тамошнем правительстве и законах его, о народных нравах и обычаях. По вступлении в самый Китай уже менее встретим затруднений при обозрении полного состава китайской империи во всех политических ее изгибах"¹⁵.

Каковы бы ни были причины этого, но 16 томов перевода "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" никогда не были напечатаны, и сам переводчик даже не приступал к подготовке их к печати¹⁶. В настоящее время они хранятся в секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР в том самом виде, как Н.Я. Бичурин привез их из Пекина 130 лет тому назад¹⁷.

Чтобы понять заслуги Н.Я. Бичурина перед русским китаеведением и оценить все значение его работ, необходимо вспомнить, что знали у нас в России о Китае до него и откуда черпались эти сведения.

История русского китаеведения неразрывно связана с историей продвижения России на Восток, историей русско-китайской торговли и историей Российской духовной миссии. Первые попытки разведать о странах, лежавших к востоку от Сибири, разузнать, "где Китайское государство и как богато, есть ли чего добиваться", относятся к концу XVI — началу XVII в., но история установления регулярных русско-китайских отношений начинается лишь с подписания Нерчинского договора 27 августа 1689 г.¹⁸

Постепенное расширение дипломатических и торговых связей с Китаем побуждали Петра I добиваться от китайского правительства разрешения на пребывание в Пекине постоянного представителя — “иметь при его ханове величестве своего агента или консула”. Однако эта попытка не увенчалась успехом. После этого русское правительство решило использовать наличие постоянно проживавшей в Пекине группы русских — албазинцев, состоявших на службе в китайских императорских войсках и по Кяхтинскому трактату (21 октября 1727 г.) выговорило себе право на пребывание в Пекине российской духовной миссии, которая должна была обслуживать религиозные нужды этих выходцев из России.

Согласно трактату в состав миссии, кроме духовных были включены также и светские лица, предназначенные специально для изучения маньчжурского¹⁹ и китайского языков²⁰. Предполагалось, что личный состав миссии будет сменяться через каждые десять лет, в действительности же некоторые миссии пробыли в Пекине более продолжительное время.

Добиваясь учреждения в Пекине духовной миссии, русское правительство, помимо удовлетворения религиозных нужд албазинцев, преследовало двоякую цель: во-первых, в лице архимандрита и его духовного штата оно намеревалось иметь в Китае свое неофициальное дипломатическое представительство и, во-вторых, [стремилось] начать систематическую подготовку кадров русских китаистов, необходимых для обслуживания практических нужд России нужно было как можно скорее выйти из зависимости от католических миссионеров, которые состояли на службе китайского правительства и до сего времени являлись переводчиками и посредниками во всех сношениях ее с Китаем.

Изучение китайского языка считалось необходимым и для духовных членов миссии, как это можно видеть из наказа Сената, данного начальнику 4-й миссии архимандриту Гервасию Ленцевскому в 1743 г.: “Тебе же, архимандриту Ленцевскому, и с тобою отправляющимся иеромонахом в бытность их в Пекине, при прочем по должности вашей звании, всемерно тцтатися к обучению себе тамошнего китайского диалекта”²¹. Постановлением Синода от 13 октября 1742 г. 4-ой миссии было вменено в обязанность, чтобы “члены ее в Пекине обучались неотменно в разглагольствии с тамошним народом для лучшего в проповеди способа”²².

При отправке 8-ой миссии (1794–1808 гг.) начальник ее, архимандрит Софроний Грибовский, получил инструкцию от Синода, 2-ой пункт которой специально указывал: “Сначала приезду в Китай прилагать старание, чтобы научиться их (пасомых) языком говорить, дабы возможно было при удобных случаях внушать им внятно истины Евангелия”²³.

Однако изучение китайского языка, а с ним страны и народа, оказалось не под силу монахам, приезжавшим в Китай в составе первых восьми миссий (находившихся в Пекине с 1715 по 1808 г.). Ни один из них не научился сколько-нибудь китайскому языку и не написал о Китае ничего, что в какой-либо мере заслуживало бы внимания даже его современников.

Причина этого будет понятна, если учесть, что поездка на десять лет в Китай (к “антиподам”), мало кого тогда в России прельщала. Возможность широкой миссионерской деятельности на краю света не привлекала русское духовенство. Монахи ехали из послушания, но никак не по собственному желанию. Поездка в Китай в составе миссии рассматривалась ими равносильной ссылке или заточению в монастыре, и потому они пользовались малейшим предлогом, чтобы только остаться в России. Культурный уровень русского духовенства в то время вообще не был высок, а при таком положении вещей Синоду приходилось отправлять в Китай, конечно, не лучших представителей духовного сословия, а чаще всего насильно тех, которые имели какой-либо “изъян”. Такой подневольный характер работы в миссии не способствовал раз-

свитию активного интереса к изучению страны, которую монахи предпочитали никогда не видеть. Имел здесь значение и возраст этих подневольных исследователей Китая, которые должны были приступать к изучению языка, когда многим из них было уже под пятьдесят лет.

Но если не удалось сделать знатоков языка и страны из духовных членов миссии, то подготовка кадров переводчиков из учеников миссии имела значительно больший успех. В списке 24 учеников, обучавшихся в Пекине с 1729 по 1808 г., находятся такие известные каждому китаисту имена, как Илларион Россохин, Алексей Леонтьев, Алексей Агафонов, Степан Липовцов и др.

Эти люди, в большинстве своем прекрасно овладевшие маньчжурским и китайским языками, великолепно изучившие страну и нравы²⁴, вполне оправдали надежды, возлагавшиеся на них правительством. Благодаря им мы скоро освободились от посредничества миссионеров в сношениях с Китаем, а переводы некоторых китайских сочинений, сделанные ими, положили начало китаеведческим работам на русском языке. До них же в России знакомились с Китаем по латинским трудам католических миссионеров, учились китайскому языку по латинским пособиям католических миссионеров и вели сношения с Китаем на латинском языке также при посредничестве католических миссионеров. Ученики миссии не являлись учеными исследователями Китая, они были простыми практическими работниками, хорошими переводчиками, но их опубликованные и оставшиеся в рукописях труды явились той основой, на которой зародилось русское китаеведение.

Период первых миссий (1715-1808) может быть определен как период нашего ученичества в китаеведении.

Ученики миссии прекрасно осваивали язык, основательно изучали страну, но все они были лишь хорошими практиками, "подмастерьями". Чтобы стать "мастерами", им не хватало еще многого, и в том числе широты кругозора, а также самостоятельности суждений. В силу сложившихся условий, в то время китаеведение в Европе было монополизировано католическими миссионерами, которые намного раньше попали в Китай (в XVI в.), и у них так или иначе приходилось учиться нашим начинающим китаистам. Труды католиков признавались тогда неоспоримо авторитетными в этой области, и их невольным русским ученикам не хватало еще решимости критически подойти к их работам.

Как наука китаеведение возникает у нас в первой половине XIX в., и первые его шаги неразрывно связаны с жизнью и деятельностью Н.Я. Бичурина.

Научная биография Н.Я. Бичурина начинается с января 1808 г., т.е. с момента, когда он прибыл в Пекин в качестве начальника 9-ой духовной Миссии (1808-1821 гг.). Надо полагать, что Н.Я. Бичурин еще будучи в России заинтересовался Китаем. Это предположение подтверждается, в частности, тем, что он поехал в Китай не по категорическому предписанию, как это было с его предшественниками, а по собственному желанию.

В отличие от своих предшественников Н.Я. Бичурин по прибытии в Пекин, немедленно и с поразительной энергией принялся за изучение китайского языка. Приобретя некоторые сведения в разговорном и литературном языках, он начал было изучать маньчжурский и монгольский, но быстро оставил их с тем, чтобы все свое время отдать на лучшее усвоение китайского языка.

На пятом году пребывания в Пекине Н.Я. Бичурин попробовал приняться за серьезные переводы с китайского на русский под руководством китайского учителя, но оказалось, что он не был в состоянии понимать объяснения китайца, старавшегося на китайском же языке растолковать значения отвлеченных понятий, встречавшихся во взятых для перевода текстах. Еще два года работы потратил Н.Я. Бичурин на углубление своих знаний в языке, после чего предпринял перевод "Сы-шу" ("Четверокнижия") с комментариями к нему,

поняв, что для свободного чтения старого китайского текста необходимо приобрести хотя бы начатки китайского классического образования, а введением в таковое и являлось “Сы-шу”. Затем он принялся за свои монументальные переводы. Им были переведены в выборках “Статистическое описание Китайской империи” (“Дай-цин и-тун чжи”) и с небольшими купюрами “Историческое зеркало государственного управления” (“Цзы-чжи тун-цзянь ган-му”), представляющее собой многотомный труд по истории Китая — истории для ученых — философии истории, написанной с неоконфуцианских позиций. Тогда же, между делом, им были переведены “Описание Тибета в нынешнем его состоянии”, “Трактат о прививании оспы”, “Судебная медицина” и “Описание Чжунгарии и Восточного Тюркестана”.

При постоянных занятиях переводами Н.Я. Бичурин по своим рабочим материалам составлял китайско-русский словарь и перевел на русский язык маньчжурско-китайский словарь “Цин-вэнь-цзянь”.

Его трудоспособность была поистине необычайной. Достаточно сказать, что переводы довольно сложных китайских текстов, сделанные им за последние пять лет пребывания в Китае, составляют около 400 печатных листов.

Сам Н.Я. Бичурин не считал свои работы, выполненные в Пекине, доведенными до конца. Он прекрасно понимал, что именно в Китае, в непосредственном общении с китайскими учеными, наиболее целесообразно было продолжать изучение так мало известной у нас страны и заканчивать отделку уже сделанных переводов. Мы знаем, что он обращался с прошением в Синод, ходатайствуя о разрешении оставаться в Пекине еще на 10 лет. Но ему было отказано в этой просьбе. Очень показательно, что в то время как предшественники Н.Я. Бичурина, непригодные к исследовательской деятельности и только тяготившиеся жизнью в Китае, мечтали вырваться отсюда раньше положенного срока, он стремился продолжить свое пребывание в Пекине.

Научные интересы Н.Я. Бичурина лежали в области изучения истории Китая и сопредельных с ним стран Центральной и Средней Азии. Для изучения китайской истории он выбрал летопись “Цзы-чжи тун-цзянь ган-му”. Выбор этот, как нам кажется, определялся прежде всего полнотой этого труда, охватывающего историю Китая от легендарного периода до конца Минской династии; затем хронологической последовательностью, а также относительной компактностью изложения по сравнению с династийными историями. Кроме того, эта летопись в то время была в Китае официально признана и пользовалась широкой популярностью.

Честность ученого побудила Н.Я. Бичурину прежде всего подготовить основу для своих исследований, иначе говоря, подготовить подлинный и полный фактический материал, т.е. полный и тщательный перевод источников, а не тенденциозный пересказ, как это практиковалось на Западе. “Ученые западной Европы — указывал Н.Я. Бичурин — давно уже начали заниматься исследованием среднеазиатских народов, но их мнения по сему предмету не согласны с китайскими известиями; и это не покажется удивительным, когда основательно вникнем в образ их исследований”²⁵.

Научное исследование должно прежде всего базироваться на обширном и доброкачественном фактическом материале — таков основной принцип переводческой работы Н.Я. Бичурина. С его точки зрения, недопустимо подгонять факты к избранной заранее концепции. Выводы и обобщения могут быть сделаны только на основе точного знания фактической стороны событий. Целью переводческой работы Н.Я. Бичурина и была подготовка таких доброкачественных материалов, которые могли обеспечить дальнейшую исследовательскую работу. “Желая передать ученому свету текст подлинника в целости — говорит он — я не смел делать ни прибавлений к оному, ни даже изменения в

словах, хотя это, по собственному моему сознанию, необходимо было как для «связи в происшествиях, так и для плавности в слогое. Перевод Истории, восходящей до самой глубокой древности, требовал строгой отчетливости. В случае «ссылок небольшое прибавление или изменение могут подать повод к сумнению, или ложным заключениям»²⁶.

Его углубленные и упорные труды по всестороннему изучению Китая и непрерывные практические занятия над переводами позволили свободно ориентироваться в трудных китайских текстах, представляющих и в наше время значительную сложность для перевода на русский язык. По свидетельству современников, Н.Я. Бичурин предполагал впоследствии продолжить и обобщить всю проделанную им работу. Таким образом, можно считать, что тщательно выполненные им переводы должны были после литературной обработки и публикации послужить основой для исторических исследований и теоретических обобщений.

Н.Я. Бичурин был первым из русских китаистов, кто со всей резкостью указал на недостаточную добросовестность переводов, сделанных западноевропейскими учеными, и изобличил систему допускаявшихся ими искажений. В своей критике их работ он показывает, что, казалось бы, несущественные погрешности и мелкие подтасовки фактов, допущенные ими, при дальнейших обобщениях приводят к ложным выводам и заключениям²⁷. Н.Я. Бичурин утверждает, что несоответствие между их переводами и китайскими подлинниками натолкнули тех исследователей, которые пользовались этими переводами, на еще более неправильный путь²⁸.

Более того, Н.Я. Бичурин не только указывает на эти факты, но и раскрывает побуждения, следуя которым иные западные востоковеды прибегали к искажениям и явной фальсификации китайского текста. Он прямо обвиняет католических миссионеров в том, что они «с намерением выставляли Китай с одной дурной стороны», стараясь в своих переводах и исследованиях любыми способами «возвысить святость христианской веры перед язычеством»²⁹. Эти справедливые обвинения, предъявленные Н.Я. Бичуриным западным востоковедам, характеризуют его собственные позиции ученого китаиста, боровшегося против каких бы то ни было искажений фактов ради тенденциозных целей.

Н.Я. Бичурин выступает и против тех иностранных исследователей Китая, которые, не владея как следует китайским языком и не зная источников, «хотят объяснить все им неизвестное по собственным умствованиям, или пополнять догадками»³⁰. Н.Я. Бичурин предостерегает людей, интересующихся Китаем и занимающихся его изучением, чтобы они не принимали на веру иностранные сообщения о Китае. «Советую, — говорит он, — также осторожно пользоваться журнальною европейскою критикою. Ныне пишут критики с различною целью, и нередко такие люди, которые несовершенно знают обслуживаемый предмет; а потому и самая критика их по большей части бывает ошибочна»³¹.

В своей собственной переводческой практике Н.Я. Бичурин, как уже было сказано, стремился к максимально точной передаче китайского текста. Его перевод «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му», который дошел до нас в том самом виде, в каком Н.Я. Бичурин привез его из Китая, т.е. необработанным еще для публикации, показывает, как тщательно старался он передать на русский язык каждое слово оригинала.

По 16 томам рукописи перевода «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» можно проследить, как работал Н.Я. Бичурин над китайским текстом, и можно заметить, как трудности, вначале ставившие его в тупик, преодолевались в ходе самой работы. К моменту окончания этого колоссального труда Н.Я. Бичурин был несравненно более квалифицированным переводчиком-историком, нежели тогда, когда им был начат первый том.

Принцип буквального перевода китайского текста, выдвинутый Н.Я. Бичуриным, был в известной мере реакцией на переводческую деятельность западноевропейских китаистов.

Нужно, однако, сказать, что жесткие правила, которые Н.Я. Бичурин поставил в своей переводческой практике, были в основе своей совершенно справедливыми, но при слишком буквальном их исполнении иногда приводили его к не вполне благоприятным результатам. Полная точность перевода в ряде случаев могла быть достигнута лишь адекватной, а не буквальной передачей слов и понятий. Но это мы можем отметить теперь, тогда же переводы Н.Я. Бичурина были значительным шагом вперед.

В истории китаеведения Н.Я. Бичурин явился первым ученым, который понял всю важность публикации переводов источников, дававших материалы для систематического изучения истории Китая, а также Центральной и Средней Азии. Таким образом, он предоставлял возможность исследователям, даже не знающим китайского языка, заниматься историей этих стран и народов. Своими трудами Н.Я. Бичурин подготовил прочную основу для серьезного изучения Востока.

“Он в полном смысле слова положил у нас начало изучению Китайской империи и ее вассальных земель, возбудил интерес в обществе к крайнему Востоку, показал, какую возможность имеет для изучения Средней Азии богатейшая китайская литература, проложил путь для работ другим синологам”, — писал о нем Н.И. Веселовский³².

Разумеется, в работах Н.Я. Бичурина, в частности, в его переводе “Цзы-чжи тун-цзянь ган-му” сегодня можно обнаружить немало погрешностей, вполне объяснимых тогдашним уровнем китаеведения. Но его труды и поныне не потеряли своего значения.

“Цзы-чжи тун-цзянь ган-му” в его переводе не только навсегда остается памятником неутомимого трудолюбия, блестящего овладения китайским языком и глубоких китаеведческих знаний, какими отличался Н.Я. Бичурин, но и сохраняет до наших дней значение как [источника] фактического материала для исследователя, занимающегося историей древнего и средневекового Китая.

Приложение 1.

Б.И. Панкратов.

["И. Бичурин как переводчик с китайского языка". Тезисы доклада]³³.

[1.] Я намерен рассказать здесь о Иакинфе как о переводчике — ученом переводчике-китаеведе, который впервые в русском китаеведении поставил перед собой и выполнил задачу подбора и перевода таких китайских источников, которые позволили ему систематически ознакомить русское общество с Китаем и сопредельными ему странами.

Однако предварительно следует сказать несколько слов о том, как складывалось русское китаеведение, и что оно представляло собою до Иакинфа.

[2.] Приступая к изучению Китая так мало известного у нас в то время, он понимал задачи, которые стояли перед ним, и с первых же лет своей китаеведческой деятельности наметил себе путь для систематического ознакомления с Китаем по китайским источникам.

Надо сказать, что Иакинф зачастую излишне доверял тем источникам, которыми он пользовался, принимая их содержание за непреложную истину. Такое некритическое отношение к китайским текстам не раз вызывало на него

нарекания в современной ему русской печати. (Прибавить об излишнем доверии к "Сань-ши го-юй цзе", 1781 г.).

[3.] Суммируя сказанное о деятельности Иакинфа как ученого китаеведа-переводчика, следует сказать, что главное значение того вклада, который он внес в русскую науку, в основном заключается в следующем:

Иакинф как переводчик способствовал продвижению русского китаеведения, вывел его из сферы узко практических интересов и поднял до уровня науки.

Наиболее важно, как с точки зрения современного ему русского общества, так и для нас сегодня, — это то, что он сумел подобрать нужные и ценные китайские материалы, следуя определенной поставленной им цели, перевести их на русский язык и обеспечить тем самым дальнейшее развитие русской науки в целом ряде востоковедных областей.

Приложение 2.

Б.И.Панкратов.

[Из подготовительных материалов
к статье "Н.Я. Бичурин как переводчик"]³⁴

Следует думать, что Иакинф, пройдя предварительную подготовку в китайском языке, на что он должен был потратить по крайней мере 2-3 года (?), сразу же принялся за перевод Т[ун]-ц[зянь] г[ан]-м[у] (л. 130).

Т[ун]-ц[зянь] г[ан]-м[у] — "история для ученых", в духе неоконфуцианства. После канонических книг это труд, на который более всего ссылаются, труд наиболее важный, наиболее поучительный и наиболее интересный из всей древней китайской литературы. [Это] первая связно изложенная история Китая. Цель ее — дать должностным лицам руководство по философии истории, указать, что следует делать и чего следует избегать (л. 132).

"Иезуиты, как и после них многие европейцы, поселявшиеся в Китае на долгое время, настолько проникались влиянием китайской культуры, что в их глазах все черты жизни страны, в том числе и приемы китайских ученых, заслуживали предпочтение перед соответствующими явлениями европейской жизни. Так, Гобиль старается доказать, что китайские "истории династий", составленные особо назначенными для этой цели комитетами, не нуждаются в проверке путем применения методов европейской (исторической) критики, так как согласное решение целого комитета является столь же веским доводом в пользу достоверности факта, как согласное показание нескольких независимых один от другого источников (Бартольд В.В. История изучения Востока [в Европе и России. Изд. 2. Л., 1925]. С. 103) (л.143)³⁵.

Почему памятник на могиле Иакинфа на фотографиях лишен креста? Что этим мы достигаем? Иакинф не был воинствующим безбожником, не был и убежденным атеистом. Факт тот, что на памятнике крест есть, а мы, публикуя фотографии памятника без креста, превращаем памятник в штоф, как будто желая напомнить, что Иакинф любил выпить (л. 148).

[О] "Сань-ши го-юй-цзе". В 1781 г. император Цянь-лун распорядился, чтобы особый ученый комитет исправил все собственные имена, географические названия и термины в историях Ляо, Цзинь и Юань. Вследствие этого не

осталось ни одного иностранного (не китайского) слова, которое не было бы, по крайней мере, переписано другими иероглифами (л.153).

Выбор его остановился на Т[ун]-ц[зянь] [ган-му] по следующим соображениям:

- 1) Из всех китайских исторических сочинений Т[ун]-ц[зянь] [ган-му] является наиболее связанным, систематическим изложением китайской истории.
- 2) Кроме того, Т[ун]-ц[зянь] [ган-му] дает понимание истории в свете официальных философских установок того времени.
- 3) Т[ун]-ц[зянь] [ган-му] был принят маньчжурами в качестве одобренной правительством истории. На маньчжурский язык переведен [в период] Канси, издан в 1757 г. (л. 158).

[План статьи “Н.Я. Бичурин как переводчик”]:

- 1) Русское китаеведение до Иакинфа.
- 2) Начало китаеведения с Иакинфа.
- 3) Иакинф как знаток китайского языка .
- 4) Интересы Иакинфа в области изучения Китая и место Т[ун]-ц[зянь] [ган]-м[у] среди его работ.
- 5) Методы переводческой работы Иакинфа (л. 165).

Иакинф — первый переводчик с китайского, все [его] предшественники переводили с маньчжурского или с китайского при помощи маньчжурского. <...> Китайского все боялись и не выучивали как следует (л.171).

1. Крель Ю.Л. Жизнь и научно-педагогическая деятельность Бориса Ивановича Панкратова (1892-1979) // Страны и народы Востока. Под ред. М.Н. Боголюбова. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика, Синология, Буддология / Отв. ред. Ю.Л.Крель. СПб., 1998. С. 5.
2. Там же. С.29.
3. Архив Востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (далее – АВ), ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1-16, 8384 л. Переведенное Н.Я. Бичуриным сочинение “Цзы-чжи тун-цзянь ган-му” (“Основное содержание “Всеобъемлющего зеркала, управлению помогающего”) является выдающимся памятником китайской исторической мысли, составленным Чжу Си (1130-1200) на основе знаменитой сводной истории Сыма Гуана (1019-1086) “Цзы-чжи тун-цзянь”.
4. АВ, ф. 152, оп. 1а, ед.хр. 1110, л. 74; ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1125, л. 42-43.
5. Ныне – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН.
6. АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1107, л. 59.
7. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 69, л. 20-49.
8. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 69, л. 1-19, 50-68.
9. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 69, л. 34.
10. Этот вариант статьи имеет на полях немногочисленные карандашные пометы, в частности, на с. 14 машинописного текста в выражении “полная точность перевода в ряде случаев могла быть достигнута лишь адекватной, а не буквальной передачей слов и понятий” подчеркнуто слово *адекватной* и на полях характерным почерком Н.В. Кюнера (1877-1955) написано: “Поясните, так как понятия меняются, а форма остается” [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 69, л. 48]. В АВ СПбФ ИВ РАН сохранился также “Протокол научного заседания Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР, посвященного обсуждению статей Сборника памяти И. Бичурина [от] 6 июня 1952 г.”, в нем, в частности, отмечено: “Выступление Н.В. Кюнера. Н.В. Кюннер сделал

ряд замечаний и дополнений по своей статье "И. Бичурин как исследователь народов Средней Азии". Затем Н.В. Кюннер сделал следующие указания по статье Б.И. Панкратова "И. Бичурин как переводчик". 1. К стр. 14. Перевод Бичурина не является буквальным. Перевод является хорошим литературным изложением смысла китайского текста. 2. Следует уточнить выражение "адекватность [перевода]" (АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1110, л. 58).

11. Тимковский Егор Федорович (1790-1875) — чиновник Азиатского департамента МИД, в своем трехтомном сочинении "Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах" (СПб, 1824) подробно описал обратный путь миссии Н.Я. Бичурина в Россию. О Е.Ф. Тимковском см. Скачков П.Е. Очерки по истории русского китаеведения. М., 1977. С. 182-185, 330-331, 481.
12. Тимковский Е.Ф. Указ. соч. Ч. 2-ая. С. 22-23. (Прим. Б.И. Панкратова.)
13. Тимковский Е.Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 8. . (Прим. Б.И. Панкратова).
14. Тимковский Е.Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 8-9. (Прим. Б.И. Панкратова).
15. Иакинф [Бичурин Н.Я.] Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти страницах. В двух частях. Ч. I. СПб, 1842. С. III-IV. (Прим. Б.И. Панкратова). Институт стран Азии и Африки при МГУ опубликовал новое издание трудов Н.Я. Бичурина. См.: Бичурин Н.Я. Статистическое описание Кигайской империи. В двух частях. М., 2002; а также: Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М., 2002. Обе книги подготовлены к публикации К.М. Тертицким и А.Н. Хохловым.
16. Иное мнение на этот счет имела З.И. Горбачева, которая в 1954 г. писала: "В первый период своей деятельности Н.Я. Бичурин не имел намерения издать этот огромный труд. Он его держал "для собственного пользования". Однако это намерение позднее, видимо, изменилось. Первый том перевода настолько тщательно отредактирован, причем дважды (пометки чернилами и карандашом), что создается впечатление о стремлении автора заняться подготовкой истории к печати. Осуществить это ему так и не удалось". (Горбачева З.И. Рукописное наследие Иакинфа Бичурина. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 179. Вып. 4. История и филология стран Востока. Л., 1954. С. 311).
17. Сотрудники Института востоковедения АН СССР дважды предпринимали усилия к изданию перевода "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" Н.Я. Бичурина. По данным Л.Н. Меньшикова и Л.И. Чугуевского (1926-2000). "в 1936 г. Л.И. Думан начал готовить к печати выполненный Н.Я. Бичуриным перевод известного китайского исторического свода "Всеобъемлющее зеркало, управлению помогающее" ("Цзы чжи тун цзянь"), в 1938 г. в работу включились В.Н. Кривцов и З.И. Горбачева. Работа по изданию труда Н.Я. Бичурина, однако, не была доведена до конца, и он донныне не опубликован" (Азиатский Музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972; см. также: В.М. Алексеев. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 405). З.И. Горбачева упоминает в своей автобиографии, что "с 1937 г. работала над подготовкой к печати переводов Бичурина" (АВ, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 169, л. 9). Подготовку к печати бичуринского перевода "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" выполняли затем в 1951-1953 гг. З.И. Горбачева, Б.И. Панкратов, Г.Ф. Смыкалов при участии С.М. Кочетовой (1907- ?) и Г.О. Монзелера (1900-1959), подготовили к изданию 16 томов рукописи и работали над составлением комментариев к ним. Академическое издание произведений Н.Я. Бичурина планировалось осуществить под общей редакцией В.М. Алексеева (1881-1951), С.П. Толстова (1907-1976), Н.В. Кюннера и Б.И. Панкратова и издать в 1953 г. к 100-летию со дня смерти великого ученого (АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1088, л. 16-17). Вступительную статью, по данным на 1952 г., после смерти В.М. Алексеева, должен был подготовить Н.И. Конрад (1891-1970) (АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1110, л. 74). В настоящее время 16 томов в машинописи хранятся в АВ, комментарии же, очевидно, утрачены.

18. Пункт 5-й этого Договора гласит: "Каким-либо ни есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешней начатой дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать, и продавать что им надобно да и повелено будет". (Прим. Б.И. Панкратова.) См.: Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С.339-340; Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Хабаровск, 1997. С.142-144, 165-170; Н.Я. Бичурину принадлежит перевод китайского текста Нерчинского договора, высеченного на каменном памятнике, стоявшем в Приамурье. См.: Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. В двух частях. М., 2002. С. 241, 370-371.
19. Маньчжурский язык в то время являлся узаконенным языком всей официальной переписки. Переписка между Россией и Китаем велась на трех языках: русском, латинском и маньчжурском. (Прим. Б.И. Панкратова).
20. Согласно 5-му пункту Трактата, "Коем, или дом, которой ныне для российских в Пекине обретается, будет для россиян и впредь приезжающих. Оные сами будут жить в сем доме. А что российский посол, Ильирийский граф, Савва Владиславич представлял о строении церкви, сделана в сем доме вспоможением вельможей, которые имеют надсмотрение в делах российских. В сем доме будет жить один лама (священник) ныне в Пекине обретающийся, и прибавятся другие три ламы (священника), которые придут, как решено. Когда придут, дастся им корм, как дастся сему, который прежде приехал и при той же церкви поставлены будут. Россиянам не будет запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кроме того четыре мальчика учеников и два побольшего возраста, которые порусски и по-латыни знают и которых посол российский, Ильирийский граф, Савва Владиславич хочет оставить в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме и корм дастся им из царского иждивения, а когда выучатся по своей воли да возмущатся назад". (Прим. Б.И. Панкратова.) См.: Бантыш-Каменский Н.Д. Указ. соч. С.368-369. Источником данной цитаты для Б.И. Панкратова могла быть и рукописная копия с Кяхтинского трактата, находящаяся в Бичуринском (фонде АВ, ф. 7., оп. 1, ед. хр. 38, л. 44.)
21. Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Выпуск второй. Казань, 1887. С. 174. (Прим. Б.И. Панкратова.) Адоратский Петр Стефанович (1849-1896), иеромонах Николай, - историограф Российской духовной миссии в Китае. О нем см.: Разумов Н.В. Преосвященный Николай. Бывший епископ Оренбургский и Уральский. Казань, 1897; Скачков П.Е. Указ. соч. С.461.
22. Адоратский Н. Указ. соч. С.185. (Прим. Б.И. Панкратова.)
23. Адоратский Н. Указ. соч. С. 312. (Прим. Б.И. Панкратова.)
24. Бывший ученик миссии Алексей Владыкин в 1755 г. был послан из России в должности директора Торгового каравана в Пекин. Там, защищая русские интересы, он своим "излишним" знанием всех сторон китайской жизни навлек на себя такое неудовольствие пекинских властей, что они отправили в Сенат жалобу на него и просили "дабы впредь подобных ему людей, а особливо тех, кои в Пекине учениками были и кои в торгах не искусны, предводителями караванов не присылали" [Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 262]. (Прим. Б.И. Панкратова.)
25. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л., 1950. С. 9. (Прим. Б.И. Панкратова.)
26. [Бичурин Н.Я.] История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р.Х. до 1227 года по Р.Х. с картою на разные периоды истории. Пер. с кит. монахом Иакинфом Бичуриным. СПб, 1833. С. III-IV. (Прим. Б.И. Панкратова.)
27. Иакинф [Бичурин Н.Я.] Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // Москвитянин. Учено-литературный журнал. 1851. № 1. Ч. 2. С. 180. (Прим. Б.И. Панкратова.) В этом небольшом обзоре Н.Я.Бичурин, в частности, указал, что несходство его перевода со сведениями западных ориенталистов о среднеазиатских народах заключается "не в перемене слов, а в изменении исторического повествования".
28. Там же. С. 182. Анализируя различные методологические пути анализа истории, Н.Я.Бичурин писал: "Три находятся пути для исследования древних исторических происшествий: путь прямой, путь косвенный и путь мечтательный (фантастический). Когда история открывает след древних происшествий в письменных современных памятниках, география указывает место, хронология по-

казывает время их событий: то это есть прямой путь, который верно ведет к цели, когда идем по сему пути с должною осмотрительностью, не уклоняясь в стороны. Но если время несколько сгладило и активические, и фактические следы древних происшествий, то рассудок предписывает в сем случае собирать данные, прикосновенные к современным обстоятельствам, исследуемых происшествий. Разобрав сии данные с критическим взглядом, и расположив с логическою правильностью, должно извлекать отсюда выводы, которые могли приблизительно пополнить утраченное историческое, т.е. разъяснить темные места. Это есть косвенный путь, то есть путь производить исследования через соображение посторонних исторических данных, по каким-либо обстоятельствам прикосновенных к рассматриваемым событиям. Сей путь требует основательности в суждениях, чтобы правильно определить самые признаки исторических следов. Когда же не откроем следов, с которых можно было бы начать исследования, то остается прибегать к догадкам и предположениям, основанным на созвучии слов, или из поверхностной вероятности обстоятельств; и посему самые умозаключения, выводимые из сих догадок и предположений, не имеют твердого основания, а подобно миражу представляют только признаки неопределенных предметов. Это есть мечтательный путь, на котором нынешнее *безотчетное верование ученых в непогрешительность авторитетов и обольстительное самомнение* иногда далеко отводят нас от прямого пути в стороны. В продолжение последнего и в начале настоящего столетия в Европе это был любимый путь для исторических исследований". [Там же. С. 181].

29. Там же. С. 181. (Прим. Б.И. Панкратова.) Далее Н.Я. Бичурин пишет, что для западных исследователей была свойственна "упоительная мечта, что с европейским просвещением сопряжено какое-то высшее знание вещей", и они "при каждой встрече несогласия в обоюдном повествовании мало-помалу отступали от китайских подлинников и таким образом неприметно отклонились на путь косвенный" [Там же. С. 181-182].
30. Иакинф [Бичурин Н.Я.]. Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти страницах. В двух частях. Ч. I. СПб, 1842. С. VIII. (Прим. Б.И. Панкратова.)
31. Указ. соч. с. XI. (Прим. Б.И. Панкратова.)
32. Русский биографический словарь. Т. И-К. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб, 1897. С. 154. (Прим. Б.И. Панкратова.) Автор биографической статьи о Н.Я. Бичурине в этом издании – Веселовский Николай Иванович (1818-1918) – известный археолог, востоковед, историк науки. Главные его труды посвящены истории и археологии Средней Азии. О нем см. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. П, 1921. Т. 25. С. 337-398, а именно: Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. С. 337-355; Печенкин Н.М. Памяти Н.И. Веселовского. С. 356-358; Фармаковский Б.В. Н.И. Веселовский – археолог. С. 359-386; Латышева В. Список трудов Н.И. Веселовского. С. 387-398.
33. 20 мая 1953 г. в Секторе Восточных рукописей ИВ АН прошло Заседание, посвященное столетию со дня смерти Н.Я. Бичурина. О заседании см.: АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1124. л. 19-21], на котором выступил Б.И. Панкратов. Тезисы его доклада (АВ, ф. 145, оп.1, ед. хр. 69, л.124-126) находились среди черновых материалов к публикуемой статье.
34. Все материалы к публикуемой статье хранятся в одной папке (АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 69, л. 1-197), куда вложены по 2 экземпляра обоих вариантов статьи в машинописного текста (л. 1-68); черновик статьи, написанный карандашом, с многочисленными исправлениями (л. 69-121); тезисы и черновые материалы к докладу, написанные карандашом (л.122-129); а также подготовительные материалы к статье, записанные в основном карандашом на листах в половину обычного машинописного (формата А 4) и представляющие собой выписки, краткие афористичные записи, характеристики, замечания. Поскольку подготовительные материалы в большинстве своем вошли в статью, считаем возможным опубликовать лишь некоторые из них (с указанием в скобках номера листа из названного выше фонда).
35. См. также: Бартольд В.В. Сочинения. Работы по истории востоковедения. М., 1977. Т. IX. С. 299-300.

Китайский исторический роман в оценке литературоведов КНР

© 2002

А. Желоховцев

В современной китайской литературе роман превалирует как литературный жанр. Именно солидные, объемные романы пользуются успехом у читателей. Нередко не слишком зажиточная семья ежегодно приобретает роман в одном томе для семейного чтения. Люди позажиточнее могут купить и много томный роман из двух-трех или даже пяти томов. В продаже есть книги любого объема на любой кошелек и вкус, предлагаемый выбор очень велик. Несмотря на конкуренцию зарубежной переводной литературы, в 90-х гг. XX века ежегодно выпускалось романов свыше 300 наименований, а в последнем десятилетии литературная романная продукция насчитывает тысячи произведений.

Китайские литературоведы считают, что в среднем из каждой десятки новых романов три-четыре обязательно будут на исторические темы.

В Китае исторический роман — жанр традиционный и многоликий, потому что требования к нему постоянно менялись в зависимости от злобы дня. Сегодня он совсем не тот, что был вчера, и это очевидно. Китайское литературоведение изучает этот жанр, а знание современной китайской литературы стало обязательным атрибутом образованного человека, в вузах появился специальный курс и в последние десять лет в стране издано свыше тридцати учебников по современной литературе. При этом различаются произведения на историко-революционную тематику, военно-исторические и собственно исторические романы, то есть книги об отдаленной истории. К моменту образования КНР сложились два вида произведений, в одном — историческое содержание является основным, в другом автор опирается на исторические мотивы. К первому отнесены из литературы 30-х гг. «Волость Дацзэ» Мао Дуня, ко второму — «Старые легенды в новой редакции» Лу Синя¹.

Со времен 50-х гг. в русских переводах известны произведения военно-исторической и историко-революционной тематики. Однако они не имели успеха прежде всего потому, что на чуждый читательским вкусам литературный оригинал накладывались еще существенные недостатки далекого от совершенства перевода, иногда абсолютно беспомощного.

Преобладала в литературе 50-х гг. военная тема. Писатели стремились удовлетворить тягу массового читателя к приключенческой литературе, созда-

---

Желоховцев Алексей Николаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Вся пухлые военно-революционные исторические романы с многочисленными подробностями событий близкой истории. В них очень четкое деление героев на своих и чужих, а мужество и доблесть бойцов и народных ополченцев всегда берут верх над подлостью и коварством врагов. Таковы «В горах Люйляна» Ма Фэна и Си Жуна (1946, рус. пер. 1951), «Повесть о новых героях» Кун Цзюэ и Юань Цзин (1949, рус. пер. 1951). Успех такого рода романов породил поток однотипных, приспособленных ко вкусам массового читателя произведений с угмными и смелыми партийцами, предателями-помещиками, темными, но постепенно прозревающими крестьянами и глупыми, жестокими врагами: японскими оккупантами или гоминьдановскими реакционерами. Сцены допросов и пыток демонстрировали свирепость поверженного народом врага.

Кроме традиционных в этом жанре произведений выпускались и европеизированные по форме романы, например, переведенные у нас «Могила живых людей» (1950, рус. пер. 1958) и «Дети реки Хуайхэ» (1953, рус. пер. 1956) Чэнь Дэнкэ. Из периода гражданской войны наибольшее внимание выпало на долю романа Ду Пэнчэна «Битва за Яньань» (1954, рус. пер. 1957). Эта книга в основе своей документальна, среди колоритных персонажей действует и подлинное историческое лицо — знаменитый полководец Пэн Дэхуай. Но в 1959 г. Пэн Дэхуай был разжалован по политическим мотивам, а роман о нем осужден, что стало трагическим эпизодом в современной литературной истории.

После гонения на «правых» тематический диапазон китайской литературы сузился, и крупные по объему произведения стало возможным создавать исключительно в рамках революционной, военной и исторической тематики. В 1958-1966 гг. самыми примечательными сделались весьма объемные романы, которые пользовались успехом у китайского читателя, всегда равнодушного к масштабным произведениям. Чтобы вспомнить это не столь давнее прошлое, назовем те книги, которые тогда были переведены на русский язык и изданы у нас.

О борьбе против маньчжурской монархии рассказывал роман Ли Люжу «Перемены за шестьдесят лет» (1957, рус. пер. 1959), о событиях антияпонской войны Сопrotивления говорилось в романах Фэн Дэина «Цветы осота» (1958, рус. пер. 1959) и «Жасмин» (1959, рус. пер. 1961), Ли Инжу «Весенний ветер над древним городом» (1959, рус. пер. 1961), Лю Чжися «Железнодорожный партизанский отряд» (1959, в рус. пер. Чжи Ся «Крылатые тигры»), о революционной борьбе в китайской деревне в 20-х гг. написан роман Лян Биня «История красного знамени» (1958, рус. пер. «Четыре поколения», 1960), о патриотическом движении 30-х гг. — роман Ян Мо «Песня молодости» (1958, рус. пер. 1959). Наиболее популярные в КНР романы этого периода «Начало» (1959) Лю Цина о кооперировании китайской деревни и «Красный утес» (1961) Ло Гуанбиня и Янь Ияня о заключенных в чунцинскую тюрьму в последний период гражданской войны подпольщиках остались не переведенными на русский язык и нашему читателю неизвестными, но по сию пору именно о них больше всего и охотнее всего пишут китайские историки литературы.

Произведения того времени страдают временной ограниченностью, о чем спокойно и объективно говорят вузовские учебники по современной литературе. В «Учебном курсе по истории современной литературы Китая» Фунданьского университета в Шанхае, вышедшем в 2001 г. уже пятым изданием, сказано так: «В этот период тема современной истории получила развитие в творчестве прежде всего потому, что находилась в тесной связи с общераспространенным тогда преподаванием традиционной истории революции, большинство писателей совершенно сознательно соединяли литературное творчество с преподаванием революционной традиции, что вело к сильнейшей политической тенденциозности литературных произведений»². Кроме политической заданности, была и еще одна любопытная причина широкого распространения истори-

ческой литературы: «Хотя в то время подобная тематика не слишком далеко отстояла от действительности, писатели в своем творчестве сознательно рассматривали ее как «историю». ...Можно сказать, что современная историческая тематика обрела свою повествовательную форму уже в практике новой литературы со времени «4 мая», которая и повлияла на творчество 50-х и 60-х гг.»³.

В условиях запретов и ограничений историческая тема была для китайских писателей того времени самой привлекательной и давала им большие возможности для проявления своих творческих способностей, чем любая другая. Отсюда и значительное число созданных произведений, и внимание к ним читателей, несмотря на очевидные литературные изъяны этих творений. Такая литература стала пройденным этапом, и литературоведы, оценивая ее с современных позиций, указывают не только на незавершенность отдельных произведений, которые остались в одном первом томе, без второго, или в двух томах, без третьего: «Если бы в середине 60-х гг. не разразилась «великая культурная революция», многие писатели, наверное, отдали бы все свои силы, чтобы завершить исторические эпопеи, воспевающие революцию под руководством КПК. Однако из-за постоянно обострявшейся в КПК внутрипартийной борьбы двух линий в 60-х гг. и грубой травле писателей в ходе «культурной революции» многие грандиозные замыслы остались нереализованными. Когда некоторые писатели после «культурной революции» попытались завершить творческие планы, то их душевные и физические силы оказались столь подорванными, что они не смогли заново переосмыслить и понять историю, исходя из уроков реального опыта, не смогли выйти на новый уровень сознания»⁴.

Учебники, естественно, отличаются академичностью в трактовке материала, поэтому нелишне будет указать, что политический катаклизм в период десятилетия «культурной революции» отличался труднообразимой силой. В качестве примера можно взять наиболее известный в первой половине 60-х гг. роман Ло Гуанбиня и Янь Ияня «Красный утес» (1961). Успех этого историко-революционного произведения был неслучаен, так как оно в большой степени автобиографично. Его авторы сами были в годы гражданской войны подпольщиками, прошли через тюрьмы и лагеря и создали повествование о лично пережитом. Жизненная основа помогла создать увлекательное произведение с напряженным сюжетом. Однако оно нарушило ритуальную для писателей тех лет обязанность упоминать Мао Цзэдуна. В ходе начавшихся в 1966 г. преследований один из авторов, Ло Гуанбинь, скончался, а сама книга после 1964 г. не переиздавалась до завершения «культурной революции» в 1976 г.

Не случайно, что именно этот роман стал наиболее популярным в КНР вплоть до 80-х гг. Литературовед Хун Цзычэн сообщает в своей истории литературы, что тираж уже первого мемуарного очерка 1956 г., положенного в основу романа, достиг 3 млн экземпляров⁵. Далее последовали бесконечные переработки рукописи, помощь в творчестве со стороны писательских организаций. В общем рукопись изданного в 1961 г. романа была четвертой по счету и являлась продуктом бригадно-коллективного труда. Роман специально пропагандировался. «Менее чем за два года он выпускался многократно, так что общий тираж достиг 4 млн экземпляров. До 80-х гг. был переиздан более двадцати раз тиражом свыше 8 млн экземпляров. В итоге можно сказать, что это был роман, изданный самым крупным тиражом в те времена»⁶. Тогда эту книгу именовали «учебником коммунизма», который учит молодежь как жить, как бороться, как узнавать врага и как к нему относиться. Вывод Хун Цзычэна о романе звучит как приговор истории прошлому: «Десятилетняя работа над составлением книги «Красный утес» была успешным практическим опытом «организации производства» в современной литературе. Подобный способ организации производства постоянно применялся в театре и кинопроизводстве, а

в литературных жанрах «индивидуального творчества» встречался отнюдь не часто; однако в последующий период «культурной революции» от стал чуть ли не главным способом создания произведений. Мотивация творчества была полностью политизирована. Автор получал интерпретацию исходного материала из авторитетных статей или же от людей более сведущих в подоплеке тогдашнего общественного сознания, как основу для обработки, отрекался от «индивидуалистического», не подходящего умпредставления, и заменял его новым пониманием. Поэтому в некотором смысле можно утверждать, что автором «Красного утеса» является сколоченный для написания книги коллектив, сотрудничающий ради единой цели в сфере общественного сознания»⁷.

Создание «романа-эпопеи» по историко-революционной тематике не увенчалось творческим успехом, но методика написания была перенесена в область собственно исторического романа — об уже достаточно отдаленном времени. Таким стал роман Яо Сюэиня «Ли Цзычэн» о событиях середины XVII века, приведших к воцарению маньчжурской династии Цин после поражения крестьянской войны под руководством Ли Цзычэна. Сегодня литературовед Хун Цзычэн полагает, что этот исторический роман тоже можно причислить к «историко-революционным романам». «Когда Яо Сюэинь работал над «Ли Цзычэном», крестьянские восстания древности рассматривались как «исторические истоки» современной революции XX века... "Ли Цзычэн", «анализирующий» феодальное общество с позиций «исторического материализма и диалектического материализма» показал сущность современной истории»⁸. Роман был задуман в пяти частях. Первая часть в двух томах вышла в 1963 г., вторая в трех томах и третья были изданы с 1976 по 1981 г. Произведение удостоилось похвал за «воспевание героев крестьянской революционной войны». Причины литературного успеха его хорошо высказал в учебнике по истории современной литературы Хун Цзычэн: «В этом произведении Ли Цзычэн изображен вождем и героем крестьянской повстанческой армии, обладающим высокой мудростью, талантами и моральным благородством, он не только герой и рыцарь в традиционном смысле, а вождь с талантами полководца и политика. Яо Сюэинь в описании этого персонажа (а также супруги Гао и других) в повстанческой армии открыто воспользовался сопоставлением с крестьянскими повстанцами XX века, базировавшимися на Цзинганшане. Пламенная преданность Ли Цзычэна революционному делу, его выдающиеся полководческие способности, его строгая взыскательность к самому себе и великодушие к другим и даже такие его недостатки как суеверие и пристрастие к разбойничьим скитаниям, единение повстанческой армии, вобравшей всех от мала до велика, и сильных и слабых, так что армия в народе как рыба в воде, важность правильного политического курса и организационной дисциплины для развития армии — все это вместе взятое подытожено на опыте и уроках рабоче-крестьянской красной армии XX века. Такова идеологическая база авторского исследования повстанческой армии в последние годы династии Мин»⁹.

Одной из причин художественной неудачи исторического романа 50-60-х гг. была догматическая ограниченность, о которой современное литературоведение говорит так: «После создания нового Китая под влиянием тезиса, что крестьянские восстания были движущей силой прогресса в феодальном обществе, большинство исторических романов изображало крестьянские восстания или же их вождей; появлялись также романы и пьесы, в которых описывались феодальные чиновники или литераторы, но под влиянием теории классовой борьбы всегда было затруднительно избежать судьбы критикуемых. При «культурной революции» произведения на историческую тематику практически прекратилось»¹⁰.

С окончанием «культурной революции» китайская литература воскресла вновь, восстановив все прежние темы и жанры, причем в больших масштабах по сравнению с прошлым. После десятилетия литературной пустыни уже простое количество написанного радовало общественность. Пресса с гордостью сообщала, что, если в 1959 г. было издано 32 новых романа, то в 1977 — уже 56, в 1979 — 65, а в 1980 — 91 роман¹¹. Три пятых всех романов были посвящены проблемам революционной и военной истории; очевидный приоритет отдавался теме войны сопротивления Японии.

Литература 80-х гг. сохранила в трансформированном виде прежнюю тематику, при этом обогатилась новыми проблемами и жанрами, общепринятыми в других литературах мира. Документализм — так в одном слове можно выразить специфику произведений этого десятилетия. Он укрепил извечную китайскую любовь к отечественной истории. Сразу и в огромном числе появились книги исторического, мемуарного и биографического характера, отличающиеся подлинной документальностью. Доступность архивов небывало возросла, и писатели охотно стали украшать свои сочинения подлинными историческими свидетельствами и материалами, воспроизводя их дословно. Появились романизированные биографии художников (Сюй Бэйхун), композиторов (Хэ Лутин), военачальников (Пэн Дэуай). Они имели успех у тех читателей, которые желали знать больше правды о себе и своей стране. Литературоведы говорят об этом с некоторой долей иронии: «С наступлением нового периода вслед за воскрешением литературы нашлись писатели, погружившиеся в чтение, закопавшиеся в старых бумагах, постаравшиеся романами воскресить историю, воскресить исторических лиц, а также воскресить сам исторический роман. Согласно статистике, в конце 80-х и особенно с началом 90-х среди необозримого количества романов из каждого десятка было два-три исторических, т.е., если ежегодно выходило свыше 400 романов, то исторических среди них было свыше сотни — это же ошеломительная цифра!»¹².

Первой литературной биографией стала книга о композиторе Хэ Лутине, написанная Ши Чжунсином. Этот выбор был неслучаен: именно Хэ Лутин одним из первых реабилитировали после преследований в годы «культурной революции». Еще в 1954 г. Хэ Лутин публично, на собраниях и заседаниях, вразрез с тогдашней политической линией утверждал, что нельзя политучебой подменять профессиональное образование. В 60-х гг. композитор пострадал потому, что не мог смириться с вульгарной оценкой творчества Дебюсси, которого выбрали мишенью для критики «буржуазного декаданса». Для многих поэтому загадочным и неожиданным было освобождение Хэ Лутина в 1972 г., за четыре года до окончания «культурной революции». В беллетризованной биографии рассказывается, как однажды Мао Цзэдун осведомился: «А как там Хэ Лутин? По-моему, исправлять его не нужно. Он написал «Песню партизан», песня-то хорошая?» Так состоялось помилование осужденного Хэ Лутина. Как удачно выразился критик Ли Цзюнь в статье «Правда о несгибаемом композиторе»¹³, «одно слово бывает весомее девяти треножников». Далее критик писал: «Последние несколько лет молчавшая долгие годы биографическая литература начала потихонечку подниматься. Пусть даже и не появилось еще сенсационных произведений, но уже заметно, что этот долгое время отстававший литературный жанр уже начал стабильно развиваться... По мере того как «чистая литература» постепенно эволюционирует к «темноте» и «бездуховности», получающие удовольствие от такого рода произведений неизбежно нуждаются в правдивых и достоверных произведениях, волнующих своей фактической основой. Вот почему начали процветать очерки, биографии и документалистика».

В этом море литературы критика выделяет лишь ничтожную часть трудов, обходя большинство их молчанием. Главную же беду современного исторического романа усматривает в низком художественном уровне. Лишь незначительное число романов выдерживает переиздание и набирает общий тираж свыше 400 тыс. экземпляров.

В большом ходу в 90-х гг. оказалась императорская тема: появились исторические романы с жизнеописаниями цинских императоров и императриц. Шуньчжи, Канси, императрицы Цыси и Лун Юй стали центральными фигурами посвященных им произведений. На крепкой документированной основе написано немало книг о правителях XX века. Здесь можно назвать «Первый человек Китая Мао Цзэдун» Чжан Неэра (1993), «Борьба умов в Сиане» Е Юнле (1993), «Подлинный исполин» (1993) Лю Байюя о Чжоу Энълае, «Предрассветный мрак» (1992) Чжоу Эрфу о Чан Кайши. В переводе на русский язык имеются повести-инвективы против Цзян Цин «Из жизни «красной императрицы» Лэ Синя и «Неофициальная история крупного писателя» Чэнь Мяо (рус. пер. 1993).

В классической китайской литературе, начиная со знаменитого романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (XIV в.), сложилась традиция, ставшая привычной: удачливые основатели императорских династий удостоиваются панегирических восхвалений, превращаясь в положительных героев, которым противопоставляются либо мятежники-узурпаторы, либо глупые и жестокие правители династии, теряющей трон. Вокруг имен этих последних правителей складывались очернявшие их легенды. На таком негативном примере поучались и предостерегались современные властители.

В эту категорию лиц, заклеянных официальной историей, входят императрица Гаохоу (Люй Чжи) при династии Хань и Ван Ман, воцарившийся во время правления династии Синь (Новая), а династии Тан — императрица Ухуо (У Чжао, или У Цзэтянь).

Для XX века классическим в литературе стал пример императрицы Цыси (ум. 1908) из маньчжурской династии Цин. О ней возникла обширная как мемуарная, так и художественная литература, послужившая благодарным материалом для книги профессора В.И.Семанова «Из жизни императрицы Цыси», изданной дважды большими тиражами.

Таким образом, можно сказать, что современная китайская литература унаследовала от старого Китая двоякую традицию изображения правителей страны: либо дифирамбическую, либо сатирическую, причем и в том и в другом случае проявлялось тяготение к типично средневековому гротеску. Эта традиция стойко держалась и в XX веке, продолжая воздействовать на общественное сознание китайского общества.

При правлении Чан Кайши (1927-1949) гоминьдановские власти не поощряли изображение вождя в литературе. Затем, в годы КНР, о Чан Кайши писали очень мало, причем только как о чудовищном злодее, сопровождая упоминания его имени бранью. В основном же предпочитали умолчание.

Литературная ситуация кардинально изменилась только в 1992 г., когда один из старейших писателей КНР Чжоу Эрфу опубликовал роман «Предрассветный мрак». Это самостоятельное произведение, но входит составной частью во многоотную историческую эпопею «Великая стена на десять тысяч ли». Темой романа стала Каирская конференция глав трех союзных держав в 1943 г., на которой Рузвельт, Черчилль и Чан Кайши приняли совместную декларацию, полностью отвечающую национальным интересам Китая в войне сопротивления Японии. Это была убедительная победа политики и дипломатии Чан Кайши на международной арене.

В романе Чжоу Эрфу впервые в литературе КНР Чан Кайши был изображен объективно, а его государственная деятельность оценена положительно. Автор при этом не скрывает антикоммунизма Чан Кайши и его намерения бороться с КПК после окончания войны.

На состоявшемся в Пекине в 1992 г. обсуждении роман Чжоу Эрфу был высоко оценен, особо было отмечено «справедливое описание войны сопротивления».¹⁴

На наш взгляд, появление такого произведения, в котором Чан Кайши становится центральной фигурой и при этом позитивно изображенной, позволяет считать, что китайская литература в 90-х гг. успешно преодолела негативное наследие догматического прошлого и в области исторического романа сокрушила традиционный старинный запрет, освободившись от идеологического табу.

Вслед за прорывом Чжоу Эрфу практически каждый из привлекавших общественное внимание новых исторических романов ломал издавна сложившиеся стереотипы. В книге «Двадцать лет литературы нового периода» в разделе об историческом романе литературовед Ма Исинь выделяет трехтомное произведение Тан Хаоминя «Цзэн Гофань». Он пишет: «Цзэн Гофань был крупнейшим сановником-китайцем за двухсотлетнюю историю династии Цин, а потому всегда являлся спорной исторической фигурой. Повествование в романе то ровное и замедленное, то и напряженное; перед читателем возникает образ исторического деятеля, которого в истории в разные времена именовали очень по-разному: то «бритоголовым», то «первейшим человеком с древних времен», то «последним конфуцианцем». В романе обрисованы индивидуальные особенности личности Цзэн Гофаня. Он был простым человеком, который питался кашами из пяти злаков. Он создал хунаньскую армию, сражался с тайпинами, трижды пытался покончить с собой, так что можно сказать, — перенес сокрушительные поражения; однако он выстоял, он верил в пословицу: «молодец в бою — когда надо зубы сплюнет и кровь сглотнет», что и стало для него панацеей в решающие минуты. Среди поражений, позора и интриг Цзэн Гофань постепенно добивался успеха. Кисть писателя проникает в его душевную жизнь, изображает натуру Цзэн Гофаня в разных ракурсах. У него неприязнь к роскоши, простота и скромность крестьянского сына, а с другой стороны — благородство и достоинство не выпускающего из рук книгу потомственного книжника-интеллигента; есть в нем и увертливый, жестокий, свирепый, неразборчивый в средствах старый бюрократ... А подноготная натуры Цзэн Гофаня фактически зиждется на стремлениях и мечтах книжников всех эпох: «Утром — парень из крестьянской хижины, а вечером — восхожу в зал Сына Неба». Чтением книг сделана карьера, получен чиновничий чин, из полководца — стал министром, прославил своих предков, не запятнал ни себя, ни имя, чистая репутация в истории... Корень натуры Цзэн Гофаня как раз в этом сплаве «верноподданничества» с извечной мечтой китайского традиционного литератора. Осознав эту психологию, мы лучше представим себе душевный мир Цзэн Гофаня, а также весь культурный бэкграунд китайской традиции. Теории и методика конфуцианства, буддизма, даосизма и легизма в руках Цзэн Гофаня, можно утверждать, разыгрывались мастерски. А может быть, это и стало причиной глубокого укоренения Цзэн Гофаня в китайской культуре»¹⁵.

В литературоведении особо подчеркивается уравновешенность, сдержанность и объективность романиста, который не позволяет себе никаких субъективных эмоций, не судит своего героя, воздерживаясь от хулы и похвалы. Важным условием успеха романа у публики критика считает серьезность историко-архивного исследования. Романист посвятил десять лет жизни изучению документальной основы для своего романа о Цзэн Гофане. Неудиви-

тельно внимание к этому произведению китайских ученых: ведь прежде исторические романы в КНР лишь иллюстрировали заранее предписанные шаблонные схемы, а не исследовали по-настоящему историю. Разница между книгой Тан Хаомина и произведениями прежних десятилетий была очень разительна и вполне заслуживала внимания литературоведов.

Большой общественный интерес вызвал обширный роман Эр Юэхэ «Великий император Канси», особенно после того, как он сделался литературной основой телесериала, показанного по всей стране. Популяризация таких исторических знаний была особо уместна, потому что именно Канси своими военными походами определил пограничные пределы Китая на континенте, возвратил империи Тайвань, предотвратил отпадение Тибета и Монголии, урегулировал течение рек Хуанхэ и Хуайхэ, возродил китайский Великий канал... У него было долгое и славное царствование, отмеченное Нерчинским договором с Россией (1689 г.). При этом Канси был первым китайским императором, который начал изучать у миссионеров-иезуитов европейские языки и геометрию. В общем, китайским читателям есть чем восхищаться, читая о великом цинском императоре Канси. Но литературоведы подчеркивают и отрицательные стороны его правления: «Достоин внимания, что под пером Эр Юэхэ воспевания и восхваления Канси не идут сплошной чередой, автор также сумел показать его сложность. Каждое деяние Канси почти всегда сопровождалось лязгом оружия и сверканьем клинков, морем крови и трупным смрадом. Для самого Канси это было делом охранения и упрочения его собственного положения и самой жизни. Так что он не чурался истреблять безвинных. Просвещенная политика и военные победы Канси возведены на горах белых костей. В этом смысле Эр Юэхэ ничего не утаивает, позволяя нам увидеть теневую сторону «величайшего императора всех времен»¹⁶.

Литературоведы особо отмечают изображение в романе тогдашних литераторов-интеллигентов, раздираемых противоречием между присягой верности китайской династии Мин и политической необходимостью служить цинским императорам, вторгшимся в Китай во главе маньчжурских войск. Верноподданничество и патриотизм — с одной стороны, соблазн власти и «доверие» Канси — с другой, раздирали душу китайской образованной элиты, которая в конце концов «спустилась с гор», то есть стала служить Цинам. Это прозрачная историческая аналогия той дилемме, которая вновь выпала на долю китайской интеллигенции уже в середине XX века, когда она была поставлена перед необходимостью служить основанному Мао Цзэдуном новому государству — КНР вопреки прежним обетам верности чанкайшистскому гоминьдану. Знаменательно, что и в XVII и в XX веках выбор был сделан одинаковый: интеллигенция осталась с народом и той властью, которую народ принял.

Завершая раздел о современном историческом романе, литературовед Ма Исинь пишет, что «творчество на историческую тематику требует не только воссоздания обстановки, людей, места и времени, атмосферы и характеристики эпохи, но и должно просвещать в какой-то степени современного читателя. Именно в этом заключается прекрасная традиция всей истории развития китайской литературы. Историческая романистика нового периода отбросила методу и приемы четкого разделения героев на восхваляемых и поносимых, и тем самым дарит читателям больше почвы для развития и размышлений»¹⁷.

В 90-х гг. исторический роман в китайской литературе сделал еще один шаг вперед в своем развитии, что не замедлило отразиться в зеркале литературоведения. В одной из лучших работ по современной литературе, вышедшей в 1998 г., сотрудник Института литературы АОН КНР Чжан Жэнь писал: «Что такое «история» в литературном творчестве? Традиционные понятия и учебники по теории литературы отвечают: «охудожествление истории», что озна-

чает образное охудожествление истории классовой борьбы согласно определенным установкам. Из исторических романов середины и конца 80-х годов и особенно переходного периода 90-х, я ощутил глубокую перемену в их требованиях к истории и к искусству; охудожествление истории преобразилось в вопрос «что такое история»; дедукция и разукрашивание исторической сущности преобразились в поиски и погоню за колоритом исторической экзистенции; безоглядное, вне сомнений приятие предписанных исторических выводов преобразилось в допрос истории сомневающимися. Милан Кундера считал миссией романиста быть «исследователем экзистенции». В сегодняшнем Китае исторических романистов больше не устраивает прежняя работа «охудожествления истории», они больше стремятся вникать в историю и быть участниками истории, больше стремятся принять на себя миссию исследователей подлинного облика человеческой экзистенции и исторической экзистенции. С их точки зрения исторический роман является только диалогом между сегодня и вчера, они стремятся собственными глазами заново разглядеть историю, собственными словами заново описать историю»¹⁸.

Таким образом, если до 90-х гг. исторический роман расширял свои жанровые рамки, например, с появлением биографий, или же ломал прежние тематические ограничения, в частности, в изображении Чан Кайши и гоминьдана, то в последнем десятилетии XX века наметилась уже не жанрово-формальная, а сущностная перемена в творческом подходе к исторической теме. Чжан Жэнь в своей монографии показывает с очевидностью, что эта метаморфоза происходит под воздействием литературы Запада (не случайна ссылка на Милана Кундери!) и, как увидим ниже, западной современной философской мысли, освоение которой только началось в Китае. Чжан Жэнь продолжает: «Исторический роман переходного периода отнюдь не отрицает изображения важнейшей сущности истории, которого требуют традиционные представления (например, истории революции рабочих и крестьян под руководством партии), но он еще больше внимания уделяет повседневной экзистенции человека, демонстрируя исторический колорит. Коррелятивный с исторической сущностью колорит с необходимостью передает изначальный вкус и цвет исторической жизни; он имеет общее с эстетическими исканиями в современном неореалистическом романе о современной жизни, что подобно высказыванию Хайдеггера о «субстанциональном проявлении изначальной экзистенции»¹⁹.

Здесь Чжан Жэнь опирается на литературную критику шанхайского ученого Чэнь Сыхэ, который еще в 1994 г. опубликовал статью «Новый исторический роман» и развил ее идеи в книге «Учебный курс по истории китайской современной литературы» (Шанхай, 2001). Свой тезис о взаимосвязи нового исторического романа с неореализмом Чэнь Сыхэ отстаивает с категоричностью: «Новый исторический роман и неореалистический роман — это разные ветви, растущие из одного и того же корня, в нем всего лишь время и место повествования отодвинуты в историю. Если исходить из конкретного творчества, то новый исторический роман в основном тематически ограничивается республиканским периодом. Но при этом избегает важнейших исторических событий революции, а потому, определяя понятие нового исторического романа, главным будет указать, что его тематика республиканского периода находится вне истории партии. Его творческий метод идентичен главной тенденции неореалистического романа. Новый исторический роман в решении исторической темы сознательно отказывается от интерпретации истории через концепцию политической власти, а всемерно стремится показать подлинную картину народной истории»²⁰.

Литературными образцами таких новых произведений Чэнь Сыхэ называет повесть известного писателя Мо Яня «Красный гаолян» (ее знают в

России по одноименному кинофильму), а также неизвестный у нас, но популярный в Китае роман Чэнь Чжунши “Байлююань” (1993). О нем Чжан Жэнь пишет: “Если бы “Байлююань” был окован традиционным образцом описания сущности истории и писал бы только о борьбе двух партий, гоминьдана и компартии, и о классовой борьбе крестьян с помещиками, то он не открыл бы образ главы клана Бай Цзюсюаня во всей исторической специфике кланового строя, не нащупал бы экзистенцию сельских кланов в структуре конфуцианско-обрядовой идеологии, не смог бы живописать читателям колоссальное влияние на стабильность и исторические метаморфозы Китая клановой культуры, поддерживавшей в смутное время сельскохозяйственное производство и деревенский жизненный уклад: тогда роман утратил бы свою взрывную силу и уникальную ценность”²¹.

Столь положительные отзывы китайских литературоведов о новом направлении в литературе отнюдь не свидетельствуют о полном принятии его. Тот же Чэнь Сыхэ отмечает, что на почве нового исторического романа возникают произведения пессимистического и упадочнического толка. В них смакуется “духовный декаданс республиканского общества и упадок традиционной культуры”, при этом писатели тщательно и сознательно избегают ясной и открытой констатации собственной позиции, так что их произведения приобретают необычный для китайской литературы “мрачный колорит”. Среди таких авторов литературовед называет известных писателей Е Чжаояня и Су Туна, а у первого даже находит тенденцию “переписать заново историю республики”. Таких писателей Чэнь Сыхэ обвиняет в “сознательном эскапизме от современной действительности” и тревожится появлением у них многочисленных последователей из молодого поколения, причем у эпигонов, как бывает везде и всегда, недостатки только усугубляются. Свое исследование о новом историческом романе Чэнь Сыхэ заканчивает в критическом тоне: “Это привело к тому, что на литературной арене появились в большом количестве произведения на республиканскую тематику, насыщенные декадентскими настроениями и пропитанные атмосферой безнравственности. Все это можно рассматривать как тупиковое ответвление нового исторического романа, уже потерявшего прежде ему присущее стремление восстановить изначальное значение литературы и деполитизировать общественное сознание”²².

Недостатки, о которых здесь говорит Чэнь Сыхэ, на наш взгляд, являются неизбежным последствием быстрого литературного развития, то есть практически неизбежной болезнью роста. Китайский исторический роман покинул стандарт, выработанный в 50-х и 60-х гг. в иных общественных условиях, и создал по существу новый жанр литературы, более приспособленный к общественной атмосфере новой, переходной эпохи. Китайская литература еще раз продемонстрировала свою жизнеспособность, отвечая современным требованиям. Развитие ее не было гладким и прямолинейным: после вынужденного из-за “культурной революции” перерыва в литературном творчестве, в жанре исторического романа стали исчезать тематические и политические ограничения, он обособился от конъюнктурных требований политики, способствовал пониманию ценности и значения литературы как таковой.

Замечательно, что исторический роман в Китае на своем сложном пути, претерпевая метаморфозы и даже полный запрет, сохранил читательскую аудиторию, которая обеспечила ему в новых условиях устойчивый рыночный спрос и тем самым гарантировала не только его собственную, говоря словами китайского литературоведения, экзистенцию, но и дальнейшую литературную перспективу. Богатство китайского исторического наследия и традиционная в китайском обществе любовь к своей истории — вот прочная почва для процветания китайского исторического романа и во вновь наступившем XXI веке, хо-

тя нельзя поручиться, какие именно метаморфозы ждут его в будущем. Ясно одно: жизнеспособность романа в Китае — вне всяких сомнений.

1. Синь шици вэньсюэ эршинянь [Двадцать лет литературы нового периода]. Шанхай, 2001. С. 439.
2. Чэнь Сыхэ. Чжунго дандай вэньсюэши цзяочэн [Учебный курс современной литературы Китая]. Шанхай, 2001. С. 75.
3. Там же. С. 75.
4. Там же. С. 80.
5. Хун Цычэн. Чжунго дандай вэньсюэши [История современной литературы Китая]. Пекин, 2000. С. 112.
6. Там же. С. 111.
7. Там же. С. 113.
8. Там же. С. 121.
9. Там же. С. 122.
10. Синь шици вэньсюэ аршинянь [Двадцать лет литературы нового периода]. Шанхай, 2001. С. 439.
11. Жэньминь жибао. 1981. 28 октября.
12. Синь шици вэньсюэ эршинянь [Двадцать лет литературы нового периода]. Шанхай, 2001. С. 440.
13. Вэньбао. 1989. 23 декабря.
15. Синь шици вэньсюэ эршинянь [Двадцать лет литературы нового периода]. Шанхай, 2001. С. 440-441.
16. Там же. С. 441.
17. Там же. С. 448.
18. Чжан Жэнь. Синь шици вэньсюэ сяньсян [Явление литературы нового периода]. Пекин, 1998. С. 186.
19. Там же.
20. Чэнь Сыхэ. Чжунго дандай вэньсюэши цзяочэн [Учебный курс современной литературы Китая]. Шанхай, 2001. С. 309.
21. Чжан Жэнь. Синь шици вэньсюэ сяньсян [Явление литературы нового периода]. Пекин, 1998. С. 186.
22. Чэнь Сыхэ. Чжунго дандай вэньсюэши цзяочэн [Учебный курс современной литературы Китая]. Шанхай, 2001. С. 310.

Е.Е. Яшнов — ученый и поэт

© 2002

А. Хисамутдинов

Говорят, если человек талантлив, то он талантлив во всем. Это в полной мере относится и к Е.Е.Яшнову. Общеизвестный авторитет в области китайской экономики и статистики¹ он был также талантливым поэтом. Первым отметил поэтический дар Яшнова поэт Валерий Перелешин². Небольшую биографическую заметку о нем опубликовала Елена Таскина³. Но эти работы носят общий характер и почти целиком повторяют сведения из предисловия к последнему сборнику стихов Яшнова, написанного, вероятно, его женой⁴. И даже в антологии, посвященной творчеству поэтов, живших в Приморье, даны весьма отрывистые и неполные сведения о поэте⁵. К сожалению, Яшнов не оставил подробной автобиографии. Из его прижизненных документов сохранилась лишь копия анкеты, которую он отправил М.Ф.Достоевскому в «ЦЕКУБУ престарелых ученых».

Евгений Яшнов родился 16 ноября 1881 г. в пос. Норская Мануфактура в 12 верстах от Ярославля. Его отец занимался покупкой льна для льнопрядильных фабрик и умер в возрасте 34 лет, когда мальчику было всего 4 года. Мать Яшнова была из ярославских мещан. Горе не сломило ее, и, проявив удивительное самопожертвование и работая на фабрике, она смогла дать хорошее образование сыну. В 1897 г. он окончил Ярославское городское училище. «Семнадцатилетним (даже моложе) мальчиком, — вспоминал он позже, — кончившим Ярославское городское училище, не имевшим ни знаний, ни опыта, ни руководителей, тыкался я туда и сюда, словно щенок, потерявший свою кошку. Бывали и очень тугие времена — вплоть до помыслов о самоубийстве и т.п. Вообще «праздник жизни — молодости годы» для меня прошли очень грустно. Но уже с 21-22 лет я понемногу черепащим шагом стал находить себя и, следовательно, свое место в мире»⁶.

Продолжить образование молодому Яшнову помешал, с одной стороны, недостаток средств, а с другой, — увлечение политикой. С 1899 по 1904 г. его трижды арестовывали, а с 1902 по 1904 г. он находился в ссылке в Вологде. Все это время Яшнов работал в газетах — сначала корректором, а потом и журналистом. Его статьи появлялись в «Северном крае», «Самарской газете», «Самарском курьере», «Нижегородском листке». В 1905 г., переехав в Санкт-Петербург, Яшнов писал статьи в газеты «Новости жизни», «Товарищ», «Голос», «Волна». Тогда же им было написано несколько десятков стихотворений и рассказов. В эти годы он близко сошелся с поэтической средой столицы. В 1906 г. у него выходит первая книжка стихов «В каменном городе», а на следующий год вторая — «Голоса молодости». Эти работы были отмечены М.Горьким. «После арестов и ссылки, — писала жена Яшнова, — он жил около двух лет в Петербурге и Москве, некоторое время скрывался в Финляндии и

Хисамутдинов Амир Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дальневосточного Технологического института (Владивосток).

ненадолго выезжал за границу в качестве корреспондента от какой-то газеты. Побывал он тогда в Италии, в Вене и в Берлине. Делясь впоследствии своими впечатлениями о Берлине, он рассказывал, что каждый берлинский дворник уже в то время собирался завоевывать Россию»⁷.

Литературным трудом было невозможно заработать на жизнь, и Яшнов устраивается на должность статистика. Еще во время вологодской ссылки ему пришлось работать счетчиком в оценочном бюро Губернского земства. Тогда его наставником был известный статистик П.П.Румянцев. Вскоре, как он часто делал это впоследствии, Яшнов круто меняет жизнь и уезжает в Среднюю Азию. В 1908 г. появляется в Туркестане, где устраивается на работу статистиком в управление переселенческого дела в Сыр-Дарьинском районе, занимаясь главным образом исследованиями киргизского хозяйства. Это был период, когда он стал увлеченно работать над стихами.

Через несколько лет Яшнов на короткий срок покидает Среднюю Азию. Два года — 1913-1914 гг. — он провел в Самаре, обследуя крестьянские и помещичьи хозяйства. Наглядно убедился в том, какие противоречия вызрели к тому времени в крестьянской среде, и предчувствовал, что скоро может вспыхнуть бунт. Много позже его друзья вспоминали его пророчества.

О друзьях Яшнова известно очень мало. Он был дружен с литературоведом и библиографом Н.С.Ашукиным, который пришел в поэзию примерно в то же время, что и Яшнов, и опубликовал несколько поэтических сборников прежде чем увлекся биографическими работами. Близким другом Яшнова был правнук С.Н.Глинки литературовед А.С.Волжский, рассматривавший личность через религиозно-философскую проблематику. Другом и коллегой по перу становится для Яшнова и Л.Н.Зилов, который, как и он, увлекался пейзажной лирикой. Сохранилось несколько писем Зилова к Яшнову, в них он делился своими планами, давал советы по стихосложению.

В 1913 г. Яшнова командировают в Северную Персию для статистического обследования хозяйства русских переселенцев. Впечатления от новой поездки на Восток нашли отражение в его цикле статей «На пути в Афганистан». В них он описывает реалии незнакомой и во многом непонятной ему жизни среднеазиатских народов.

В Средней Азии Яшнов поработал с небольшим перерывом до 1915 г. Через сухие цифры он анализировал современное состояние экономики и составлял прогнозы на будущее. В это время опубликовал множество научных статей в различных журналах. В основном они были посвящены истории Туркестана, а также различным вопросам экономики и статистики. В начале 1915 г. Яшнов возвращается в Петроград и работает в управлении делами особого совещания по продовольствию (1915-1917), напечатал несколько интересных работ в «Известиях Особого совещания по продовольственному делу», «В Петрограде, — писала Л.Г.Бессонова-Яшнова, — он живет напряженной, насыщенной тяжелой работой, жизнью. Надо было кормить армию. Он и его сослуживцы работали по 10 и больше часов в сутки. В свободное время он встречался с людьми из петроградских литературных кругов. Он знал в ту пору Вячеслава Иванова, Федора Соллогуба и других. Встречался с Александром Блоком, стихи которого очень высоко ценил, понимал и увлекался ими до самой смерти. Это были предреволюционные годы, насыщенные политической борьбой. От сутолоки петроградской жизни Яшнов опять мысленно уносится в свои любимые степи, он живет воспоминаниями о них и надеждой на возвращение к природе»⁸. Мир поэзии помогал ему уйти от монотонной жизни чиновника.

Как статистик, занимающийся проблемами крестьянского хозяйства, Евгений Евгеньевич предчувствовал грядущие трагические перемены в России. Вот что Яшнов говорил устами одного из своих героев: «Помните одно — исто-

рия учит, что развалу всякого государства неизбежно предшествовала утрата религиозного чувства и воли к накоплению. И если то, что мы наблюдаем сейчас в России, не временное явление, то она накануне гибели, которая придет в виде одной из самых ужасных революций в мире. Всего хуже, что наша идиотская интеллигенция ждет — не дожидается этой революции... Безмозглая окультуренная шпана и не подозревает, что революция прежде всего раздавит ее, что она радуется приближению своей смерти... Надо кричать об этом на всех перекрестках!...»⁹

Гражданская война не изменила жизнь Яшнова. Наоборот, она как бы подтолкнула его к новым путешествиям. Легкий на подъем, он быстро переезжал из города в город, захватывая с собой только рукописи стихов и нехитрый скарб. Осенью 1917 г. Евгений Евгеньевич уезжает в Омск и занимается продовольственной и кооперативной статистикой в различных органах колчаковского правительства. В этот период увидели свет его работы по экономике Сибири в омском журнале «Промышленность Западной Сибири».

Предчувствуя падение белой власти, в конце 1919 г. он уезжает из Омска во Владивосток. Здесь работает консультантом и секретарем ведомства финансов правительства Антонова и сходитяся с поэтами Всеволодом Ивановым, Арсением Несмеловым, Леонидом Ещиным. На долгие годы его другом становится преподаватель Государственного Дальневосточного университета философ Л.А.Зандер. Несмотря на отточенную логику, ясность научных работ, Яшнов так и не стал преподавателем, хотя такая возможность была — преподавать в только что открытом университете во Владивостоке. Возможно, препятствием было отсутствие полного академического образования. Тем не менее во Владивостоке он продолжает печатать свои научные работы. Судя по обрывкам рукописей стихов, он вновь возвращается к поэзии.

Владивосток не стал постоянным домом Яшнова, и вскоре он переезжает в Маньчжурию. Изучением на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) условий работы занимались прежде всего экономическое бюро, тарифно-показательный музей, метеорологические станции и отделы агрономической части земельного отдела дороги. Здесь собралась целая плеяда талантливых специалистов, свидетельство тому — работы Г.В.Дикого, П.Н.Меньшикова, В.И.Сурина, Н.А.Сетницкого и др. Важно было и то, что на протяжении многих лет издавался научный журнал «Вестник Маньчжурии». В Харбине проживало немало сотрудников бывшего Омского правительства. Зная Яшнова как прекрасного специалиста - статистика и весьма доброго сослуживца, они постарались перетащить Евгения Евгеньевича в Харбин, и в 1921 г. он переезжает туда. Его очень тепло принял управляющий КВЖД Б.В.Остроумов и назначил агентом Экономического бюро КВЖД (1921-1935). Долгое время это бюро возглавлял бывший министр финансов Омского правительства И.А.Михайлов, который прекрасно относился к Яшнову.

Вот одно из первых стихотворений, написанных Яшновым в Китае.

В Маньчжурии

Судьбы запутанный итог,
Сводимый говором копыта,
Пыль сладковатую дорог,
Цвета и гам чужого быта,
Чужой пейзаж, чужой порог.
Восточной девушки ланиты
И речи кружево чужой
Люблю бродяжную душой.

И здесь, в Маньчжурии, спелят
 Иероглифы, тряпки, знаки,
 Лавчонок с чем-то чайный ряд,
 Меж них голодные собаки,
 Гортанный крик, замкнутый взгляд
 И сквозь сползающие мраки
 Зовущий к радостям ночей
 Фонарь китайский у дверей.

Как Духа Мрака древний стяг,
 Фонарь качается кровавый...
 Он, как убийца в овраге
 Немую жертву сталью ржавой,
 Влечет усталых и бродяг
 В притон забыться за отравой...
 Тысячелетья напролет фонарь зовет...

Евгений Евгеньевич принял участие и в деятельности пекинского журнала «Русское обозрение», редактором которого был известный профессор и деятель гражданской войны Г.К.Гинс. На страницах этого издания увидела свет подборка стихов Яшнова о России. В «Русском обозрении» он выступил и в роли критика. Превосходным качеством отличались харбинские журналы «Архитектура и жизнь», «Восточное обозрение». Многие репродукции были наклеены. Помимо статей о зодчестве там публиковались стихи и рассказы, которые, однако, по мнению рецензентов, не всегда были высокого уровня. «Первые две книжки журнала, — писал Е.Е.Яшнов, — имеют узко-местный — харбинский характер. Нам кажется, редакции не мешает несколько расширить сферу своего наблюдения. Даже ближайшие центры Дальнего Востока — Дайрен, Тяньцзинь, Шанхай и Пекин представляют с точки зрения архитектуры и искусства много интересного. Иначе, ограничиваясь одним Харбином, легко можно впасть в чисто провинциальное преувеличение значимости своей колокольни»¹⁰.

Очень многое дала Яшнову поездка в Москву, которую он совершил в 1923 г. Два месяца провел он в столице, увидел многих друзей и родных. Но не остался в Советской России. Он объяснял это тем, что уже оброс корнями в Китае, где нашел работу по душе. Вероятно, была и другая причина — он наглядно увидел новую жизнь при власти большевиков. Как ученый он понимал тщетность многих их усилий. И хотя неоднократно писал о следующем приезде в Москву и Петроград-Ленинград, этого не сделал. Несмотря на то, что немалая часть русской интеллигенции в Харбине с воодушевлением принимала новые изменения в России, Яшнов продолжал скептически относиться к ним. Жаркие споры протекали далеко за полночь. «Жизнь здесь, — писал Яшнов, — идет прежним темпом и тоном. Философское обнищание прогрессирует, и мы с Н.В.Устряловым порой доходим до того, что пьем «за упокой человечества». «Нет у меня упования на Гвевров и надежды на Ислам; в небесах — пустыня, а земля — лишь кукольный театр», — сказал один старый персидский поэт. Но так как надо же за что-нибудь цепляться, то большую веру подмениваешь маленькими верами (хорошо хоть не верочками) — в работу о китайском крестьянском хозяйстве, в шахматы, в поток прочитываемых книг, в выписки, во встречи, словом — во вседневное»¹¹. Известному стороннику сменовеховства Н.В.Устрялову Яшнов посвятил следующее стихотворение:

Порой Устрялов женственно поспешно
На сущее клал розовые краски.
В сердца угасшие хотел Сетницкий
Вдохнуть живую веру в воскресенье.
Их вразумить пытался тщетно Яшнов
Невразумительною пьяной речью.
В их снах и лицах Трифионов стремился
Вскрыть подсознательные устремленья.
Тоску по родину в глухой Байоне
Старался письмами облегчить Дикий.
Демократию защищал упорно,
Но безнадежно вечно — юный Нилус.
К ним прилепившись, мыслить о Европе
По-русски стал студент из Вены — Штирнер
И многие другие промелькнули
Меж них в пыли эпохи после — Омской.
Меж тем, летели годы революций,
Кипенья Азии, кремлевских планов.
Звучала музыка стихий повсюду
Назойливей Вертинского пластинок.
(Быть может, даже Блок сказал бы: слишком)
Шатались цены благ земных за ними
Все ценности в сознании колебались.
Утратили свой абсолютный облик
Для нас пространство, время и движение.
Нас угнетали, в мысль не воплощаясь,
Идеи не рожденные. Скитались
Москвы агенты, бывшие монархи
И масса эмигрантская по свету.

Яшнов еще раз побывал в России. 11-18 апреля 1926 г. в Хабаровске состоялась I конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока, на которую его пригласили. Это была его последняя поездка в Россию. Железнодорожный занавес стал медленно опускаться, но на Дальнем Востоке Харбин еще долго был окном в Россию, которым Яшнов пользовался, востылая книги. В 1926 г. вышла его большая книга «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии». «Напрасно было бы, — отмечалось в предисловии к ней, — искать главный интерес предлагаемой книги в общих воззрениях автора по вопросу о теории крестьянского хозяйства, которым и сам он отвел лишь ограниченное место в заключительной главе. Хотя эти воззрения и в состоянии вызвать жаркие споры, но кто при оценке книги интересовался бы прежде всего содержащимися в ней общими теоретическими соображениями, тот неминуемо просмотрел бы исключительно крупное и совершенно бесспорное значение предлагаемого труда в сфере «цифр и фактов», установленных впервые для сельского хозяйства Маньчжурии на основе научных методов исследования»¹². За эту работу Яшнов получил в 1928 г. награду Русского Географического общества.

Яшнов продолжал метаться между ночной работой и сочинением стихов. «От меня стихи ушли, — писал он в одном письме. — Может быть в силу внутреннего усыхания, м.б., по отсутствию окружения (это очень много значит!) и, наконец, м.б., потому, что нельзя же безнаказанно писать экономические книги и статьи. Для них необходимы какая-то совершенно иная упрощенная конструкция мышления, и раз к ней привыкнешь, то трудно вернуться к поэтическому бреду: так и лезут из-под пера суконные фразы. Но я не огор-

чаюсь. Был же у меня период от 20 до 30 лет, когда я почти не писал стихов, а просто жил и был по-своему счастлив и несчастлив. Конечно, экономика (да еще на чужбине) не дает удовлетворения. Вот кончил еще одну книгу («Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы») — смотрю на нее, как муж на родившегося у жены от постороннего мужчины ребенка. При чем тут я?»¹³. Яшнов был не справедлив к своей книге. Она получила высокую оценку специалистов. В печати появились ссылки на нее.

Отдушину от невзгод Яшнов видел в переписке с друзьями. «Настроение усталое, — писал он в одном письме. — Небольшие болезни, отсутствие будущего, серый горизонт, — словом, весь тот комплекс красок, которыми окрашена теперь жизнь нашего поколения. Правда, лично мое существование пока вполне благополучно. Но кругом в мире такая невеселая атмосфера! Ныть я принципиально не люблю. На дне моей души есть какое-то здоровое старообрядчески-крестьянское (от предков) зерно. И я спокойно знаю, что мир движется к хорошему, а не к дурному. Но ведь даже по дороге к очевидному счастью можно наткнуться на глубокое болото. И мир как раз к нему подошел. В чем основная болезнь современности и как ее вылечить, — об этом, конечно, можно долго спорить. Я недавно был в Японии и ужасался царящей там бедности (крестьянства и мещанства); так же ужасает меня бедность китайской деревни; не лучше положение в Индии, Персии и, по-видимому, в Индокитае. Вот вам половина человечества, если не больше»¹⁴.

Яшнов продолжает интересоваться книжными новинками, которые издаются в России. Одно время он увлекся Ф.М.Достоевским, как личностью и великим писателем. В то время известным литературоведом и знатоком творчества Ф.М.Достоевского был А.С.Долинин. Проникнув в душевное состояние Яшнова, он писал ему в письме от 14 июня 1927 г.: «Затем об испытываемом Вами «стыде за содеянное и сказанное». Стыд за содеянное дело хорошее и хорошо, если на это есть чувствительность. Только я сомневаюсь, чтобы Вы когда-либо совершали «постыдные» деяния и потому у Вас, конечно, это гипертрофия. А вот стыд за сказанное находит у нас вообще, вернее должно было бы находить более пищи. Да и то вероятно не у Вас. Впрочем, Вы указываете совсем не ту причину, у Вас стыд из-за «непреодолимой ничтожности всех наших дел и помыслов». Вообще наша комариность пред лицом непостижимого мира — это одна из наиболее доминирующих нот Вашей души и Ваших мыслей <...> Центральный интерес для меня имеет то место Вашего письма, где Вы говорите, что, повидая много видов религиозности и при том подлинной, Вы пришли «к выводу об относительности религиозных форм и символов веры», что у Вас нет объективных оснований для признания христианства высшей формой. Опыт других религий и сочувственное восприятие его относительных прав есть и для меня очень близкое и если хотите сравнительно новое»¹⁵.

Поспешно начинает гложуть и переписка с Долининым. Вот одно из последних писем Яшнова от 6 апреля 1928 г., так и не отправленное. «Я не так загружен работой и заботами, как Вы, и, однако, пишу редко. Правда, есть у меня оправдание: одно время у нас стали говорить, что у вас там подозрительно относятся к переписке с границей. И хотя Харбин — полурусский город с большой и чисто-советской и полусоветской колонией. Но все же я задумался. Впрочем, по-видимому, это преувеличено. Тем более, что наша переписка такая типично личная. Есть и другая — более, б.м., важная причина моего молчания: не то я опустел душевно, не то запутался... Трудно собраться с мыслями. Один лишь туман»¹⁶.

Судя по корреспонденции, Яшнов всерьез увлекается философией. Делится мыслями о ней в письмах к философу и журналисту Л.А.Зандеру и

другим. Видно, что поэзия не стала для Яшнова убежищем от проблем эмигрантского бытия, он ищет ответа в философии. О политических пристрастиях Яшнова трудно сказать что-либо определенное. Он никогда не говорил и не писал о них публично. Вот как отзывались о нем тогда в Харбине: «Е.Яшнов в настоящее время формально и фактически порвал с советскими кругами. По всем данным он намерен поселиться с женой в одном из приморских городов Дальнего Востока (возможно, Циндао или в Дайрене) и жить на средства, которые ему удалось сэкономить за время службы в СМЖД»¹⁷.

Японская оккупация Маньчжурии изменила политическую ситуацию. Один за другим уходили составы из Харбина на станцию Пограничная. Среди них было немало и сослуживцев Евгения Евгеньевича. Пришлось ему проводить Н.В.Устрялова и экономиста Н.А.Сетницкого. Все споры о философии, о будущем России были оставлены на потом. Жизнь рассудила их. Вскоре Устрялов и Сетницкий будут арестованы и расстреляны в Москве.

Осенью 1935 г., уже после продажи КВЖД японцам, Яшнов уезжает в Тяньцзинь. Затем, долго пожив в Пекине, устраивается в 1938 г. на постоянное жительство в Шанхае.

Почти не сохранилось свидетельств о последних годах жизни Яшнова. Вероятно, он продолжал писать стихи и научные работы. Начавшаяся Тихоокеанская война свела многие его усилия на нет. Сохранился в рукописи только набросок его интересного труда «Темные проблемы экономики сельского хозяйства в Китае». «Бесспорно, — писал Яшнов, — что в настоящее время Китай переживает весьма тяжелый аграрный кризис. Авторы «буржуазного» направления объясняют его пересеченностью страны. В более «левых» кругах причины видят в недостатках существующего строя и в «грабительской» политике империалистов. За последнее десятилетие второе направление приобрело себе немало адептов среди китайских экономистов. К сожалению, несмотря на довольно большую литературу по данному вопросу, многое в нем остается не освещенным, отчасти благодаря отсутствию надежных цифровых материалов, отчасти же в силу предвзятости многих исследователей, что нередко ведет их к забвению некоторых бесспорных предпосылок, которые, казалось бы, должны лежать в основе всяких суждений на эту тему. В результате порой авторы выпадают в явные — но, однако, не замеченные ими — противоречия и делают выводы, не соответствующие реальному положению вещей. Цель этой работы — указать на некоторые пробелы в нашем понимании китайского аграрного кризиса»¹⁸.

Яшнов был деятельным участником заседаний Исторического кружка в Шанхае, где он выступил с теорией о строгой периодичности восстаний и революций в истории Китая. Многие запомнили строгую научную аргументацию и живость сообщения. Тема его доклада была «Китай, как изолированное государство». В своем заключении Яшнов отмечал: «Если мы так бессильны предвидеть свою собственную судьбу, то не значит ли это, что в отношении Китая, столь во многом чуждого для нас, дело обстоит еще хуже?... Но в настоящем и здесь обстановка в данном смысле значительно изменилась. В экономическом отношении он начинает утрачивать свою изолированность и, в частности, постепенно превращается во ввозящую хлеб страну. На политической сцене исчезли северные «варвары» в виде кочевых или полукочевых народностей Азии. Их место заняли индустриальные государства Европы и Япония»¹⁹. Яшнов был уверен, что с помощью цифр можно предсказать будущее.

Это был его последний публичный доклад. В 7 часов утра 25 июня 1943 г. перестало биться его сердце. «Е.Е.Яшнов, — отмечалось в некрологе, — принадлежал к плеяде тех ученых статистиков, которые в конце прошлого, в начале текущего века, еще до революции много сделали к познанию России. Ста-

тистическая наука в их трудах потеряла свою былую сухость, она стала живой, действенной, руководящей, она учила и вдохновляла <...> Большую работу провел покойный в области изучения народонаселения Китая. Его работы по этому вопросу обратили внимание научных кругов и не раз цитировались другими учеными, в том числе и иностранцами»²⁰.

Его верным спутником и другом была жена — Любовь Георгиевна Бесонова-Яшнова. После смерти мужа она опубликовала поэтический сборник. Последним стихотворением в нем было следующее:

В вечерней полутьме едва маяча
И от усталости едва дыша,
Стоит пред Ним заезженная кляча,
Обглоданная временем душа.

Отчаявшаяся, полуживая,
Испившая судьбу свою до дна,
Она глядит на мир, не понимая,
Зачем была на жизнь осуждена.

Под кислотой отчаянья истлела
Последняя земная страсть,
И шелуха исчерпанного тела
Готовится — отжившая — отпасть.

(27 июня 1941 г.)

По свидетельству вдовы, многие стихи Яшнова были утеряны. Он часто писал на клочках бумаги, календарных листках или черновиках своих научных работ и мало заботился об их сохранности. Беспокоясь об архиве, она часть его передала известному китаеведу С.А.Полевому, жившему в США и работавшему в Гарвардском университете. Сюда вошли только что изданный сборник, некоторые письма, две небольшие рукописи и переплетенная тетрадь стихов. Другая часть материалов Яшнова, вероятно, попала в один из российских архивов. Перед своим отъездом в Россию в 1948 г. Л.Г.Яшнова встречалась с известным поэтом В.Перелешиним. От нее он получил сборник стихов Яшнова. Последние годы жизни вдова Яшнова жила в Свердловске. Продолжая мечтать о том, чтобы работами мужа пользовались отечественные ученые, она отправила академику В.М.Алексееву в дар книги Е.Е.Яшнова²¹. По утверждению Е.Таскиной, Л.Г.Яшнова перевезла прах мужа и похоронила в Свердловске²².

В 1997 г. автору этих строк посчастливилось побывать в Солт-Лейк-Сити и познакомиться с архивом семьи Полевых. Сын известного китаеведа Л.С.Полевой передал автору материалы Яшнова, которые и помогли написать настоящий очерк, за что выражаю ему искреннюю благодарность.

Благодарю также русского библиографа Гавайского университета Патрицию Полански за возможность ознакомиться с работами Е.Е.Яшнова, хранящимися в библиотеке Hamilton.

1. Скачков П.Е. Библиография Китая. М., 1960. Алфав. указ. С. 686 (57 назв.).
2. Перелешин В. Поэт Евгений Яшнов // Новое Русское слово. Нью-Йорк, 1972. 11 июня. С. 5.
3. Таскина Е. Дороги жизни Е.Е.Яшнова // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 114-115.
4. Е.Е.Яшнов (1881-1943) // Яшнов Е.Е. Стихи. Шанхай, 1947. С. V-XI.

1. Сто лет поэзии Приморья: Антология. Владивосток: Уссури, 1998. С. 290.
2. Собр. А.А.Хисамутдинова. Коллекция документов о Е.Е.Яшнове.
3. Е.Е.Яшнов (1881-1943) // Яшнов Е.Е. Стихи. Шанхай, 1947. С. VIII.
4. Там же. С. XI.
5. Яшнов Е.Е. У истоков революции. Из воспоминаний земского статистика // Русское обозрение. 1921. № 5 (май). С. 121-122.
6. Е.Я. (Рецензия) // Рус. обозрение. 1921. № 3-4 (март-апр.). С. 156.
7. Собр. А.А.Хисамутдинова. Коллекция писем Е.Е.Яшнова.
8. Дикий Г.В. Предисловие // Яшнов Е.Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии. Экономический очерк — Харбин: Тип. КВЖД, 1926. С. V.
9. Собр. А.А.Хисамутдинова. Коллекция писем Е.Е.Яшнова.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 3. Д. 546. Л. 1.
14. Собр. А.А.Хисамутдинова. Коллекция писем Е.Е.Яшнова.
15. Там же. Рукопись Е.Е.Яшнова.
16. Ар-ов Л. <Арнольдов>. Памяти Ев. Ев. Яшнова // Шанхайская заря. 1943. 26 июня. С. 3.
17. Архив Петербургского отделения института востоковедения Российской академии наук (СПб). Ф. 820. Оп. 3. Д. 936. 3 л.
18. Таскина Е. Дороги жизни Е.Е.Яшнова // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 115.

В Обществе российско-китайской дружбы

Празднование первой годовщины подписания российско-китайского договора

24 июня 2002 г. в Москву по приглашению Совета Федерации и Росзарубежцентра РФ прибыла делегация Всекитайского Собрания Народных Представителей, Китайского народного общества дружбы с границей и Общества китайско-российской дружбы во главе с заместителем Председателя ВСНП, президентом Всекитайской Федерации по науке и технике, академиком Чжоу Гуанчжао.

25 июня в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась церемония открытия фотовыставки "Наука и техника Китайской Народной Республики", на которой выступили руководитель Российского Центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД РФ В.В.Терешкова и заместитель главы китайской делегации академик Ху Цинхэ.

Затем состоялся Форум делегаций двух стран. На нем был заслушан ряд сообщений китайских и российских представителей о достижениях в области науки и техники КНР и Российской Федерации, представляющих интерес для обеих сторон. В этот день китайская делегация встретила также с руководством Совета Федерации РФ.

В Доме Российской армии прошел торжественный вечер, посвященный первой годовщине Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

С китайской стороны на нем присутствовали китайская делегация в полном составе, Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Чжан Дэгуан и сотрудники посольства КНР. С российской стороны — заместитель министра иностранных дел РФ А.В.Салтанов, Председатель Росзарубежцентра В.В.Терешкова, заместитель Председателя российской части Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития В.М.Домбровский, почетный Председатель ОРКД академик С.Л.Тихвинский, ответственные сотрудники Росзарубежцентра, Общества российско-китайской дружбы, ветераны войны, другие представители российской общественности. Открыв вечер, В.В.Терешкова предоставила слово для доклада о годовщине Договора заместителю Председателя ОРКД, заместителю директора ИДВ РАН академику В.С.Мясникову. С китайской стороны выступили Посол КНР Чжан Дэгуан и Председатель КНОДЗ и ОКРД Чэнь Хаосу, который от имени КНОДЗ вручил В.В.Терешковой медаль КНР "Посланец мира и дружбы". В заключение состоялся концерт дважды Краснознаменного Ансамбля песни и пляски им. А.В.Александрова.

Вечер прошел в теплой и дружественной обстановке.

Научная жизнь

Навстречу европейскому форуму китаеведов

26-28 августа нынешнего года впервые в Москве будет проходить XIV международная научная конференция Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК). Тема конференции: "Китайская традиционная цивилизация и современный мир".

В этой связи редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" обратилась к председателю Организационного комитета конференции — директору Института Дальнего Востока РАН, члену-корреспонденту РАН М.Л.Титаренко с несколькими вопросами, касающимися предстоящего форума.

Вопрос: Какие соображения определили выбор общей темы нынешней научной конференции ЕАК?

Ответ: Как правило, при формулировании общей темы очередной научной конференции Правление ЕАК и ее Исполком руководствуются целым рядом соображений: научной значимостью и весомостью общей темы, учетом конкретных пожеланий и предложений членов Ассоциации, отражающих состояние китаеведческих исследований, проводимых в странах Европы, способностью данной темы объединить индивидуальные исследования, ведущиеся в различных центрах, с тем чтобы получить "кумулятивный" эффект от их представления и обсуждения на общем форуме.

Предлагая в качестве общей на предстоящей XIV научной конференции ЕАК тему "Китайская традиционная цивилизация и современный мир", мы исходили из убеждения, что научный анализ содержания и форм процесса модернизации в Китае, научный прогноз результатов этой модернизации в материальной и духовной сферах возможны лишь при глубоком и всестороннем исследовании основных сторон и черт традиционной китайской цивилизации, присущих ей ценностных установок и проявлений в различных областях жизни китайского общества. Наша идея была активно поддержана зарубежными коллегами в немалой степени потому, что европейское китаеведение всегда отличало стремление вписать современные процессы в Китае в контекст его многовековой культурно-исторической традиции. Надо сказать, что эта особен-

ность, при всех известных различиях, сближает подходы к изучению Китая в Западной Европе и в нашей стране.

Кстати, выбор впервые в истории деятельности ЕАК в качестве места проведения конференции ассоциации именно Москвы, России для обсуждения указанной темы представляется весьма удачным: Москва — это символическое место встречи и взаимодействия между цивилизациями Запада и Востока, а такое взаимодействие характерно и для процесса модернизации в Китае. Думается, что в выборе в пользу Москвы при решении вопроса о месте проведения конференции также в определенной мере отразилось признание авторитета нашего китаеведения, наряду с понятным желанием зарубежных коллег использовать поездку на конференцию для личного знакомства с сегодняшними реалиями нашей страны.

Вопрос: Как намечается организовать работу конференции?

Ответ: XIV конференция ЕАК по составу участников будет одной из самых представительных. Предполагается, что число участников и гостей конференции превысит 300 человек. Повесткой дня намечено проводить в течение трех дней заслушивание докладов и их обсуждение в рамках общих пленарных заседаний и секций по основным направлениям исследований Китая, а также несколько отдельных тематических панелей. После этого наступит время культурной части программы нашей конференции — ознакомление с Москвой и поездка участников в Санкт-Петербург. Как положено, уже напечатаны тезисы докладов и сообщений зарубежных и российских китаеведов, представленные в Оргкомитет в установленные заранее сроки.

Темы выступлений на пленарных заседаниях, работа в 13 секциях конференции обещают, на мой взгляд, действительное многообразие научных постановок и исследовательских проблем. Заседания секций будут проходить по истории Китая — древней, средневековой, новой и новейшей, по его экономике, политике, социологии и антропологии, по китайской литературе (отдельно — проза, поэзия, драма) и китайскому языку, по религии, философии, искусству и археологии, по проблемам китайских женщин и гендерных исследований и по теме китайского города. Представленные материалы и заявки позволили запланировать несколько специальных заседаний-панелей по таким интересным для многих темам, как внешняя политика Китая, современная реформа образования в стране, географические концепции Китая древних и средних веков и др.

Полагаю, что каждый из авторов докладов и сообщений найдет в аудиториях конференции заинтересованных слушателей — как единомышленников, так, по-видимому, и научных оппонентов: это обещают нам широта интересов и тематики и высокий научный багаж собирающихся выступить на ней ученых-исследователей Китая.

Вопрос: Охарактеризуйте, пожалуйста, состав участников конференции. В частности, кто из известных европейских китаеведов должен прибыть в Москву?

Ответ: Судя по полученным заявкам и присланным в Оргкомитет материалам будущих выступлений, конференция вызывает значительный интерес. В Москву выразили желание приехать китаеведы из научных центров и университетов многих европейских стран — Великобритании, Франции, Италии, Германии, Чехии, Голландии и др. Среди них немало известных специалистов, ученых с мировыми именами — назову Марианну Бастид-Брюгьер (Франция), английского сиолога Глена Дадбриджа, итальянского профессора Пьеро Коррадини, немецкого ученого, профессора Мехтхильд Лейтнер.

Достойно будет представлено наше российское китаеведение — “хозяйева” конференции придут на нее из всех регионов, всех научно-исследовательских и вузовских центров нашей страны, в которых ведутся научные работы по Китаю и преподавание китайского языка и в которых все шире развиваются научные, культурные и деловые связи с Китаем.

А это, наряду с традиционными научными и образовательными центрами российского китаеведения в Москве и Санкт-Петербурге, представляемыми учеными Института Дальнего Востока и Института востоковедения РАН, Московского государственного университета и его Института стран Азии и Африки, Института языкознания РАН, Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургского отделения ИВ РАН, — сегодня также ученые и преподаватели, работающие на китаеведческом направлении во Владивостоке, Хабаровске, Чите, вузовских и научных учреждениях Восточной и Западной Сибири, Центральной России (Казани, Уфе и других городах).

Отрадно еще одно наблюдение, связанное с предстоящей конференцией: в ней вместе с известными и маститыми китаеоведами примет участие немало молодых ученых, уже успешно заявивших о себе авторитетными трудами по целому ряду проблем истории, культуры, экономики, политики и социологии современного и традиционного Китая.

Как надеются организаторы, московская конференция ЕАК сумеет внести полезный и достойный вклад в дело дальнейшего развития мировой синологии, в углубление нашего общего познания великой китайской цивилизации и современной жизни народа огромной страны, а значит — и нашего взаимопонимания с этой страной, упрочит сотрудничество ученых европейских стран, объединившихся в Европейскую ассоциацию китаеведения.

Делегация Академии общественных наук Китая в РФ

С 17 июня по 1 июля 2002 г. по приглашению Президиума РАН с официальным визитом находилась в РФ делегация Академии общественных наук (АОН) Китая. Делегацию возглавлял Президент АОН Китая, профессор, член Политбюро ЦК КПК Ли Теин. В состав делегации входили: заместитель руководителя делегации, вице-президент АОН Китая профессор Ли Шэньмин, директор Института стран Восточной Европы, России и Средней Азии АОН Китая профессор Ли Цзинцзе, директор Института политологии АОН Китая профессор Ван Ичэн, директор Института иностранной литературы АОН Китая профессор Хуан Баошэн, директор Института экономики АОН Китая профессор Лю Шучэн, Президент АОН провинции Хэйлунцзян профессор Цюй Вэй, заместитель директора Института современного Китая АОН Китая профессор Чжан Цихуа, заместитель директора Института марксизма-ленинизма АОН Китая профессор Ли Цзунфу, заместитель директора Института философии АОН Китая профессор Ли Дэшунь, заместитель директора Института США АОН Китая, ученый секретарь Президента АОН Китая профессор Чжан Юйянь, заместитель директора Института России, стран Восточной Европы и Средней Азии АОН Китая профессор Ма Вэйшэн, заместитель начальника Управления внешних сношений АОН Китая профессор Чэнь Чжэньшэн.

18 июня делегацию принимал Президиум РАН. Президенту АОН Китая Ли Теину был вручен диплом о присвоении ему ученой степени доктора *honoris causa*. Профессор Ли Теин выступил с докладом "ВТО и Китай" (текст доклада публикуется в этом номере журнала).

В тот же день делегацию АОН Китая встречал профессорско-преподавательский состав МГУ. Профессору Ли Теину была присвоена ученая степень Почетного доктора и был вручен диплом "Почетного доктора МГУ".

19 июня на заседании Ученого совета ИДВ РАН за выдающиеся заслуги в развитии теории и практики экономических реформ в Китае, теории модернизации развивающихся стран и большой личный вклад в расширение научных обменов между обществоведами АОН Китая и ИДВ РАН также была присвоена ученая степень Почетного доктора ИДВ РАН и вручен диплом "Почетный доктор ИДВ РАН".

С 20 июня по 1 июля 2002 г. делегация АОН посетила Нижний Новгород, Волгоград и Владивосток. Делегация встречалась с представителями руководства этих городов и областей, научной и педагогической общественностью, знакомилась с положением дел в науке и культуре, промышленности и сельском хозяйстве. Во время встреч члены делегации подчеркивали особую важность укрепления дружбы и взаимовыгодного всестороннего сотрудничества и стратегического партнерства между Россией и Китаем.

VIII Всероссийская научная конференция «Философии стран Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация»

28 — 29 мая 2002 года в Институте Дальнего Востока РАН в восьмой раз прошла ежегодная конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». В конференции приняли участие специалисты из научных учреждений и высших учебных заведений России, Украины и КНР.

Открыл конференцию доклад директора ИДВ РАН, члена-корреспондента РАН, профессора М.Л. Титаренко. Как было отмечено в докладе, в настоящее время все страны мира, включая азиатские, стоят перед проблемой адаптации к новым условиям. Темпы изменений столь велики, что общество не успевает осознать те факторы, которые начинают определять его жизнь, и вызванные ими отрицательные тенденции в социальном развитии. В частности, в рамках объективно существующего процесса глобализации мировая культура сталкивается с вызовом, бросаемым многообразию цивилизаций. Не обошла эта проблема стороной и КНР — государство, обстановка в котором имеет огромное значение для России. С началом проведения политики реформ и открытости развитие Китая стало приобретать все больше черт экстравертности, что, с одной стороны, способствует налаживанию межцивилизационного диалога, а с другой — таит в себе ряд рисков для национальной и мировой культуры. В докладе подчеркивалось, что в этом контексте важной задачей науки является раскрытие роли китайской философии в развитии Азиатского региона и всего мира, поскольку решающим для развития Китая фактором является объединяющая роль системы ценностей китайской цивилизации.

Выступление руководителя Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН профессора А.Е. Лукьянова «Космогония как принцип власти» затронуло проблему принципа мировоззренческой легитимности власти, воплощенного в космологических учениях. В сообщении были обоснованы определения двух типов власти. Один из них присущ подлинной цивилизации, которая представляет собой сознательное поддержание субъектами власти — союзами духовных лидеров — статического и динамического алгоритмов действия архетипа этнокультуры в физическом, духовном и идеально-мыслительном планах. Второй тип власти принадлежит псевдоцивилизации, суть которой — целенаправленное изменение действия архетипа политическими идеологами.

Доклад В.Ф. Феоктистова (ИДВ РАН) «Был ли Ван Би идеалистом? Ещё раз о категориях у и ю» был посвящен переводу на русский язык важнейших терминов китайской философии. Как отметил автор доклада, искажение философских категорий при переводе приводит к неверному представлению о китайской философии, из чего вытекает и неправильная квалификация отдельных философов и целых направлений. В подтверждение своих слов В.Ф. Феоктистов показал, как историки философии воспринимали учение Ван Би —

мыслителя III в. н.э., до настоящего времени необоснованно причисляемого к идеалистам. Это связано с неправильным переводом терминов *у* и *ю* как «небытие» и «бытие», тогда как данные понятия не существовали в древней китайской философии. В заключение автор подчеркнул, что без адекватного перевода терминов нельзя правильно понять и сами философские идеи.

Основная часть сообщений на конференции затрагивала различные проблемы традиционной китайской мысли. Доклад А.И. Кобзева (ИВ РАН) «"Странное учение" Хуй Ши» посвящен одному из главных представителей древнекитайской «школы имен». Подробно рассмотрев немногие свидетельства об этом мыслителе в памятниках письменности, отметив значительные расхождения в датах жизни этого философа и разобрав квалификации его учения в различных древних источниках, докладчик сосредоточил внимание на знаменитых «десяти парадоксах» Хуй Ши. А.И. Кобзев указал на то обстоятельство, что Хуй Ши впервые в истории китайской мысли выделил лингвистическую проблематику, отказавшись от исключительно «морально-прагматизированного» философствования. Эта проблематика и стала разрабатываться рядом древнекитайских мыслителей в качестве методологии познания, альтернативной общепринятой в культуре Китая нумерологии.

Другой видный представитель «школы имен» — Гунсунь Лун — оказался в центре внимания Н.Л. Кварталовой (ИДВ РАН). Свое сообщение она посвятила разбору знаменитого парадокса Гунсунь Луна «Белая лошадь не есть лошадь». По ее мнению, данное утверждение становится возможным, если автор использует метаязык, имея в виду содержание понятий «лошадь» и «белый» — в этом случае понятие «белая лошадь» оказывается шире понятия «лошадь». Метаязык, по определению Н.Л. Кварталовой, представляет собой средство описания так называемого объектного языка. Как отмечает автор доклада, в главе «Бай ма» трактата «Гунсунь Лун-цзы» можно четко разграничить эти уровни и соотнести их с участниками диалога.

Доклад С.А. Горбуновой (ИДВ РАН) был посвящен знаменитому реформатору китайского буддизма — Тайсюю, оказавшему большое влияние на развитие буддийских доктрин и религиозной практики в Китае XX века. Он ставил своей целью создание новой модели буддизма, которая должна была способствовать распространению и популяризации этого учения. Выступая за синтез концепций махаяны и науки, призывая к изменению устройства религиозных институтов, Тайсюй пытался адаптировать буддизм к реалиям современной общественной жизни. В сообщении А.Б. Калкаевой (ИДВ РАН) была рассмотрена эволюция понятия «жизнь» в творчестве китайского философа XX в. Лян Шумина. Показав развитие этой категории в различных произведениях мыслителя, докладчица продемонстрировала, как от дуальной модели «жизнь — безжизненная основа мира» он постепенно пришёл к интерпретации жизни как единственной высшей реальности. Н.Е. Боровская (ИДВ РАН) в своем выступлении проследила общую линию истории педагогической мысли Китая, начиная с Конфуция (VI-V вв. до н.э.) и Мэн-цзы (IV — начало III в. до н.э.) и вплоть до конфуцианства эпохи Мин (XIV-XVII вв. н.э.). В докладе была отмечена тесная связь концепций обучения с различными взглядами на природу человека. Говоря о педагогических воззрениях Ван Янмина (1472-1529), Н.Е. Боровская указала на основополагающую роль его теории врожденного знания для позднейших образовательных стратегий. Общий анализ педагогических концепций привел ее к заключению, что в Китае сложились причины для отсутствия эмоционального обучения; тем не менее, по мере эволюции педагогической мысли постоянно возрастало внимание к индивидуальности учащихся.

В двух докладах были затронуты проблемы методологии китайской философии. В выступлении на тему «Типологические матрицы мыслительных

процессов древних китайцев и проблема универсалий» А.Н. Воробьев (ИДВ РАН) доказывал первичность «пяти элементов» (*у син*) по отношению к понятиям *у чай* («пять материалов») и *лю фу* («шесть складов»), а также обосновывал свое заключение о том, что проблема универсалий, поставленная западной философией, «была решена китайцами ещё в VI в. до н. э.». Сообщение П.М. Кожина (ИДВ РАН) было посвящено представлениям о нормах и исключениях в древнекитайских философских текстах.

Теме влияния традиционного наследия Китая на современность были посвящены выступления Бао Оу (ИИЕТ РАН) и К.А. Богатырева (РУДН). Бао Оу в докладе «Научно-техническая инновация и китайская традиция» рассказала о формах и интерпретациях инновации (*чуансинь*) в Китае в разные исторические периоды, а также о ее значении в современной жизни страны. К.А. Богатырев затронул проблему влияния конфуцианства на современную китайскую действительность. Осветив роль этого учения в древнем и средневековом Китае, автор показал характер и направления воздействия конфуцианской философской традиции на развитие китайского общества в новое и новейшее время, негативные и позитивные последствия такого воздействия.

На конференции было уделено внимание и японской философской мысли. Доклад Д.Г. Главевой (ИДВ РАН) был посвящён анализу одного из важнейших понятий принятой в японском буддизме доктрины «просветления» — *хонгаку* («исходной просветлённости»). Д.Г. Главева проследила эволюцию принципа *хонгаку* и показала, что несмотря на различия его определений, представители разных школ сходились в главном: доктрина «исходной просветлённости» предполагает принадлежность природы «просветлённости», «постижения» (*хаку*) чему-то уже существующему. Концепция *хонгаку*, лёгшая в основу буддийской культуры Японии, обусловила практическую направленность основных школ японского буддизма и идею абсолютного равенства феноменов и ценностей в их построениях.

Важные элементы традиционной культуры Китая нашли освещение в выступлениях В.С. Кузнецова (ИДВ РАН) и В.Б. Югай (ИСАА). В докладе В.С. Кузнецова «Представление китайцев о фатальной значимости цифр» на основе многочисленных этнографических данных была продемонстрирована важная роль, которую вплоть до настоящего времени в жизни китайцев играет символика цифр. Было отмечено, что многие представления о значении определенных чисел восходят к древним воззрениям, отраженным в классической литературе, и напрямую соотносятся с нумерологическими построениями традиционной философии. В.Б. Югай рассказала об истории чайной культуры в Китае в ее связи с конфуцианством, даосизмом и буддизмом, подчеркнув позитивное восприятие чаепития «тремя учениями». В докладе было описано распространение чая в Китае во времени и пространстве, а также была дана характеристика некоторых посвященных чайной культуре текстов, созданных в разные периоды китайской истории.

Широко обсуждавшаяся в ходе конференции проблема диалога Китая и Запада стала центральной для некоторых докладов. Так, в своём выступлении А.В. Ломанов (ИДВ РАН) рассказал о научной и миссионерской деятельности Джеймса Легга — знаменитого переводчика и интерпретатора китайской классики, жившего в XIX веке. Докладчик подробно остановился на участии Дж. Легга в спорах о переводе основных богословских терминов на китайский язык и подчеркнул его внимание к традиционной культуре Китая, а также убежденность в том, что в конфуцианстве присутствует ряд предвосхищающих христианство элементов. К.И. Шилин (ИСАА) предложил собравшимся переосмыслить наследие К. Маркса и обратить внимание на «экоософский уровень» его идей. На основе своих изысканий докладчик сделал вывод о том, что пози-

тивное развитие мира возможно при условии синтеза евразийской, китайской и западной культур и коренной переориентации системы управления экономикой и культурой.

С.И. Королев (Московский институт исторической антропологии) призвал собравшихся осуществлять интерпретирующие переводы с целью адекватной интеграции текстов, созданных в рамках других культур, в пространство данной культуры. Проблема перевода стала основной и для доклада Л.И. Головачевой (Севастополь) «Внутритекстовые связи, акростишие и мезостишие в "Лунь юй"», продолжившего серию ее исследований в области текстологии этого древнего конфуцианского трактата. Стремясь к достижению адекватной интерпретации, докладчица рассматривает «Лунь юй» в качестве мезотекста, образованного объединенными при помощи ряда технических способов фрагментами.

Три сообщения на конференции затронули проблемы литературы. Доклад В.Ф. Сорокина (ИДВ РАН) был посвящен жизни и творчеству писателя и критика XX в. Чжоу Цзожэня, чьи литературоведческие труды были незаслуженно забыты, а творческие искания не получили развития в китайской литературе в последующие годы. Чжоу Цзожэнь полагал, что писатель не должен излагать в своих работах какое-либо учение, ему следует отказаться от стремления «принести пользу». Полемизируя с марксистами, он писал, что литературе не может оказать решающего влияния на массы, а если в книге и отражается классовая позиция, это происходит независимо от намерений автора. В своём выступлении А.Н. Желоховцев (ИДВ РАН) рассказал о новом «Учебном курсе по истории современной китайской литературы» Чэнь Сыхэ, изданном в 1999 г. Фуданьским университетом (Шанхай). Благодаря новым методологическим установкам данный курс смог представить современную китайскую литературу намного полнее, чем другие работы китайских специалистов. Чжао Чуньмэй (Нанкайский университет, КНР) в сообщении «Л.Н. Толстой и китайская классическая философия» рассмотрела тему влияния культуры Китая на знаменитых русских писателей.

Отдельным проблемам современного Китая были посвящены доклады сотрудников ИДВ РАН О.Н. Борох, Т.В. Шайковой, Л.И. Кондрашовой и В.Н. Усова. О.Н. Борох затронула тему научной коррупции (*сюэшу фубай*) в КНР — проблему, которую активно обсуждают в последнее время в китайских СМИ в попытках выявить причины возникновения этого явления, его влияние на развитие науки и способы борьбы с ним. В докладе Т.В. Шайковой рассказывалось о статье ректора Хэйлунцзянского университета профессора И Цзюньцина «Практическая философия: трансценденция и сублимация», посвященной дискуссиям по поводу практической философии. Л.И. Кондрашова, осветив процесс развития частной и общественной собственности в средневековом и современном Китае, пришла к выводу о том, что необходимо отказаться от представления о взаимоисключающем характере таких понятий, как «частное» и «общественное», «личное» и «коллективное» и рассматривать их в первую очередь как взаимодополняющие категории. В.Н. Усов описал идеологическую ситуацию, сложившуюся в Китае после смерти Мао Цзэдуна, и ее изменение в свете дискуссии о практике как единственном критерии истины.

Тезисы сообщений, представленные в оргкомитет конференции, готовятся к изданию Институтом Дальнего Востока в виде специального сборника.

Рецензии

Вклад в российское корееведение

**Сотрудничество. Материалы международной конференции.
Москва, 29-30 ноября 2000 г. Вып. 3. Под ред. Ли Вл.Ф.,
Ким Е.У. Москва: ФНКА РК, 2001. 150 с.**

Одной из особенностей интеллектуальной жизни в постсоветское время является стремление многочисленных российских этносов активизировать свой духовный потенциал, обретающий все более значимую стратегическую ценность. Возникают различные формы научных контактов и появляются ассоциации, которые пытаются выйти на более широкую академическую арену с учетом своеобразия своих проблем.

Заметное проявление подобного процесса — периодические встречи представителей корейской научной интеллигенции.

К ним, безусловно, относятся слова Юрия М.Тена, депутата Госдумы РФ, председателя Оргкомитета конференции, о том, что подавляющая масса нынешнего поколения российских ученых, несмотря на немалые трудности и преграды, самоотверженно отдает свои силы, ум и талант науке, которая, конечно, является интернациональной и глобальной по своему содержанию. В 2000 г. в Москве была проведена 6-я международная конференция по проблемам науки и техники, организованная Федеральной национально-культурной автономией российских корейцев совместно с другими общественными организациями. После доработки представленных докладов из печати вышел содержательный тематический сборник по актуальным вопросам российского корееведения.

Публикация, посвященная узловым вопросам российского корееведения, от начала до конца пронизана идеей конструктивного взаимодействия между исследователями самых различных политических пристрастий, в том числе и тех, кто сегодня ориентируется на Север Кореи, с одной стороны, и Юг полуострова — с другой. Условно материалы довольно отчетливо подразделяются тематически на

историко-культурные и современные (о судьбах корейского этноса после освобождения от колониализма в августе 1945 г.).

В историко-культурном разделе читатель найдет новые сведения о первом корейском посланнике в Российской империи Ли Пом Чине (Ли Бомджине), жившем в С.-Петербурге с 1900 по 1911 г. Автор очерка — Юлия Пискулова, праправнучка мужественного корейского дипломата.

Другая уникальная по своему содержанию статья посвящена легендарному генералу Хо Ви, одному из боевых лидеров антияпонских отрядов «Ыйбен» (Армии справедливости). Авторы публикации — Прокопий Хегай, внук отважного генерала, и Софья Цой, супруга другого внука Хо Ви — Хо Ун Пе (Хо Дина) — проводят огромную работу по сбору материалов, воссоздающих живой образ национального героя Кореи. Еще один очерк посвящен Чве Чжэ Хену (Петр Семенович Цой), выдающемуся организатору антияпонского сопротивления, первому председателю Янчхиинского волостного исполкома Приморского края. Автор статьи — его внук Валентин Цой, кандидат технических наук.

Немало новых данных содержит очерк о первом президенте Временного корейского правительства в эмиграции Ли Донхви, написанный аспиранткой Дипломатической академии МИД РФ Цой Ге Сук, прибывшей на учебу в Россию из Республики Корея. Молодая исследовательница, в частности, нашла доказательство того, что Временному корейскому правительству удалось получить от правительства Советской России чрезвычайную финансовую помощь в размере 2 млн руб. (в валюте). Именно благодаря этой ценнейшей поддержке Ли Донхви сумел объединить вокруг себя многих борцов за неза-

висимость Кореи, проживающих не только в России, но и в Китае, Японии, США, создать международную социалистическую организацию «Тонянг чонкук» («Все страны Азии»), наладить систематический выпуск изданий, посвященных национально-освободительной борьбе корейцев (с. 110).

Интересный, в том числе малоизвестный материал содержится в статьях на исторические темы профессора Б.Д.Пака и ведущего научного сотрудника ИВ РАН Светланы Нам. В первой статье предпринята попытка вновь ответить на непростой вопрос, почему ван (король) Кореи Коджон в конце XIX в. «полностью избрал прорусскую ориентацию» (с. 22). С.Нам освещает сложнейшие коллизии постепенной натурализации корейской диаспоры в России на рубеже XIX-XX вв. Весьма позитивную гуманистическую роль в этом процессе, по мнению автора, сыграла русская православная церковь (с. 30-31).

Современные проблемы российских корейцев после дезинтеграции СССР рассматриваются в насыщенных богатой свежей фактурой статьях Юрия М.Тена, Ен Ун Кима, Моисея Кима и др. В этой связи заслуживает внимания суждение Ен Ун Кима о том, что «...при всем различии культур и истории Кореи и России есть некие глубинные моменты народного самосознания и менталитета, которые позволяют корейцу легко адаптироваться к жизни русских и интегрироваться в нее» (с. 54). Отсюда возникает огромный потенциал российско-корейского межцивилизационного синтеза и открывается невиданный простор двустороннего взаимодействия.

В публикации доктора юридических наук Людмилы Иногамовой-Хегай дан анализ соотношения норм международного и российского права по таким актуальным проблемам нашего времени, как коррупция, незаконная вербовка людей, торговля людьми, нелегальная иммиграция и эмиграция, захват заложников и т.д. (с. 121-122). Как ни парадоксально, отмечает Л.Иногамова-Хегай, в уголовном праве России отсутствует «норма о рабстве» (с. 121), хотя оно довольно широко практикуется в современном международном терроризме.

В статье Е.Е.Кима и К.Е.Кима (ведущие исследователи Академии труда и социальных отношений) впервые детально

рассматривается трудовое законодательство Республики Корея, представляющее для российских юристов определенный интерес. Хотя, как подчеркивают авторы, по некоторым вопросам теории и практики трудовых отношений. «Россия далеко ушла по сравнению с Южной Кореей» (с. 136).

Своего рода обобщающий сюжет представлен в размышлениях известного российского корееведа-международника профессора Дипломатической академии МИД РФ Владимира Ли, посвященных социально-политической доктрине Ким Дэ Чжуна. Ученый полагает, что политическая философия «кимдэчжунизма», представленная в его докторской диссертации, защищенной в начале 90-х гг. в Дипломатической академии МИД РФ, — это восточноазиатский вариант теории конвергенции, который включает в себя следующие основные принципы: а) постепенное утверждение политического плюрализма, народного самоуправления и демократии; б) формирование многоукладной (частно-государственной) экономической структуры; в) сбалансированное распределение прибылей и доходов (через налоги и бюджет) между работодателями и наемным трудом; г) разработка и проведение в жизнь долгосрочной программы приоритетных «инвестиций в человека»; д) поиски более мягких, «амортизированных» сценариев вхождения воссоединенной Кореи в глобальное сообщество (с. 13-14). Если эти структурные элементы теории конвергенции обретут свой динамичный импульс, они могут послужить встречной основой для диалога с Севером Кореи, где также намечаются позитивные сдвиги в сторону открытости рынка и некоторой либерализации, полагает профессор Ли.

Рецензируемые статьи и очерки, несомненно, вызовут немалый интерес не только среди специалистов-международников, но и научной интеллигенции, широких кругов молодых читателей. Можно лишь выразить сожаление о том, что в них допущены некоторые досадные редакционные погрешности, в том числе и невероятный разбой в транскрипции корейских имен. Кажется, настало время специалистам - корееведам РФ, РК и КНДР провести на эту тему обстоятельный обмен мнениями, чтобы сообща выработать единый подход к правилам их написания.

Белов Е.А. Краткая история Синьхайской революции. 1911-1913. Учебное пособие. М.:Вост. лит. РАН, 2001. 160 с.

Синьхайская революция, безусловно, является одним из ключевых событий истории Китая в новое время наряду с «опиумными» войнами, тайпинским восстанием, китайско-японской войной 1894-1895 гг., восстанием ихэтуаней. Вполне закономерно, что Синьхайской революции уделяется большое внимание в КНР, где раз в десятилетие, в годовщину революции проводятся представительные международные конференции, посвященные этому событию (последняя такая конференция состоялась в октябре 2001 г.). Значительное место занимает изучение событий, связанных с Синьхайской революцией, и в отечественной историографии о Китае. Наиболее существенные исследования наших историков перечислены в рецензируемой книге (с.158).

«Краткая история Синьхайской революции» написана доктором исторических наук профессором Е.А. Беловым, одним из ведущих российских специалистов по новой истории Китая, автором четырех научных монографий о Синьхайской революции и хронологически связанной с ней проблематике. Однако в отличие от предыдущих работ Е.А. Белова рецензируемая книга является не научным исследованием, а учебным пособием, предназначенным для преподавателей и студентов исторических факультетов педагогических институтов и университетов. «Закон жанра» потребовал от автора отказаться от многих хорошо известных ему исторических подробностей и сосредоточить внимание на главных аспектах Синьхайской революции.

Е.А. Белову удалось достаточно убедительно показать социально-экономические предпосылки революции, специфические особенности революционного движения в Китае накануне революции, попытки реформ, предпринятых маньчжурскими правителями с целью сохранения своей власти в изменившихся условиях. Оправданно выделено то обстоятельство, что русско-японская война 1904-1905 гг. оказала на китайское общество значительно

большее влияние, чем русская революция 1905-1907 гг. (с. 18-19).

Для формирования представлений будущих историков о специфике революции 1911-1913 гг. в Китае очень существенны сведения о деятельности Хубэйского революционного центра, тактика которого отличалась от тактики первой общекитайской революционной партии Тунмэнхой, а также акцент на «провинциальный характер» революции и превращение армии в решающий фактор политической борьбы, развернувшейся после свержения Цинской династии.

Интересные материалы содержатся в главе о политике иностранных держав в Китае в период революции, в частности о попытке российской дипломатии выработать свою особую позицию по отношению к происходившим в Китае событиям. Е.А. Белов плодотворно использовал материалы Архива внешней политики Российской империи, о чем, возможно, следовало бы упомянуть.

Е.А. Белов прав в том, что трудно дать однозначную оценку Синьхайской революции (с. 152). Однако, на наш взгляд, стоило хотя бы кратко сказать о существующих в современной историографии, в частности в КНР, полярных взглядах на это событие. Одни историки считают, что революция открыла эпоху возрождения и модернизации страны, тогда как другие (таких, правда, меньшинство) придерживаются «концепции отрицания революции», согласно которой «Синьхайской революции следовало бы избежать» (см. Проблемы Дальнего Востока. 2002. №1. С. 177,183).

Книга написана достаточно ясным и доступным языком, хотя, может быть, текст несколько перегружен обилием китайских названий и имен, и тем более ценно, что она снабжена именованным указателем.

Хотелось бы, чтобы издание подобного рода учебных пособий по истории стран Азиатско-Тихоокеанского региона, написанных на серьезной научной основе, было продолжено.

**Крадин Н.П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск:
Издатель Хворов А.Г., 2001. 352 с., 291 ил.**

Архитектура как часть культурного наследия наших соотечественников за рубежом менее других аспектов освещена в специальной литературе. Книга профессора Н.П.Крадина восполняет этот пробел в отношении дальневосточного русского зарубежья, раскрывая многие неизвестные данные о вкладе русских зодчих в градостроительство на Северо-Востоке Китая (Маньчжурии). В рецензируемой книге рассматриваются малоизвестные страницы развития русской архитектуры в Маньчжурии периода строительства и функционирования Китайско-Восточной железной дороги. Исследуются характер и стилистические особенности русских построек, творчество российских архитекторов и инженеров, церковное православное зодчество. В книге представлены биографии 20 русских зодчих, принявших участие в строительстве Харбина и оставивших заметный след в жизни города, сказочно быстро возникшего на берегу р. Сунгари в связи со строительством КВЖД в начале XX столетия.

Судьбы россиян — архитекторов, инженеров и художников показаны автором в общей мозаике картины дальневосточного русского зарубежья, представленной им как русская Атлантида.

Автор книги профессор Николай Петрович Крадин, заслуженный архитектор России, лауреат ряда смотров-конкурсов по архитектуре, имеет более 450 публикаций и научных работ, в том числе семь монографий, в последние годы — председатель президиума Хабаровского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. По-видимому, интерес его к истории "русского Харбина" возник не случайно: в течение ряда лет он занимался темой историко-архитектурных памятников Дальнего Востока России, и судьбы многих архитекторов привели его в Харбин. Изучая интересовавшую его тему, автор не только обратился к историческим архивам Москвы, С.-Петербурга, Хабаровска, но и сам не раз бывал в Харбине и других городах Китая, откуда привез множество снимков тех памятников архитектуры, которые еще сохранились в современном Харбине.

Он собрал старые открытки и фотографии начала века, когда город начал строиться как административный центр КВЖД, а затем стал культурным центром дальневосточного русского зарубежья первой половины XX столетия.

Исследователь не ограничивается историко-архитектурным описанием самых выдающихся зданий и храмов города и его планировкой. На страницах книги читатель найдет творческие портреты зодчих, строивших город: одного из самых деятельных русских архитекторов в Харбине Ю.П.Жданова (1877-1940), С.А.Венса (1873-1937), проектировавшего знаменитый отель "Модерн", П.С.Свиридова (1889-1971), Б.М.Тустановского, М.М.Осколкова и многих других, чья творческая мысль послужила созданию этого русско-китайского города.

Обращаясь к прошлому, автор видит и современный город. Он показал в своей книге, как не прерывается связь времен. Вот обнадеживающий факт: за последние годы под защиту государства взято множество зданий, представляющих историческую ценность. Среди них и восстановленный (с внешней стороны) Софийский храм.

Но с горечью, которую автор не может скрыть, написано в книге и о разрушенных в годы китайской "культурной революции" храмах, исторических памятниках, об уничтоженных кладбищах¹. Кстати, бездумно были в те годы разрушены и могилы тех, кто строил этот город и дорогу, принесшую процветание краю².

Помимо описания основных зданий Харбина, таких как "Модерн", Желсоб, Коммерческие училища, Железнодорожный вокзал, Управление дороги, Н.П.Крадин дает описание и знаменитых особняков Ковалевского, Джигелло-Сокко, торговых домов И.Я.Чурина и Ко., Мацуура и др.

Отдельный раздел посвящен православным храмам Харбина, количество которых (22) не перестает удивлять исследователей истории русского зарубежья, тем более, что большая часть из них построена в трудные годы на средства прихожан. Даются биографии художников, расписывавших эти храмы: братьев Задорожных, Д.И.Глушенко, Н.А.Вьюнова, А.Е.Степанова и др.

Уделено внимание и религиозным сооружениям других конфессий — синагогам, мечетям, костелам. Они также строились по проектам русских архитекторов и инженеров.

Книга богато иллюстрирована — почти триста иллюстраций ведут читателя в увлекательное путешествие — в прошлое и настоящее Харбина. Со страниц книги на вас смотрят лица тех, кто был причастен к строительству города и его богатой культурной жизни. Как отмечает автор, благодаря их “таланту и невероятной работоспособности”, Харбин в начале века приобрел облик “одновременно

и русского, и европейского города”.

Книга написана живо, текст хорошо отредактирован (чего, к сожалению, нельзя сказать о резюме на английском языке).

Несомненно книга профессора Н.П.Крадина, выполненная тщательно, с опорой на архивные материалы и личные обследования архитектурных памятников и множеством фотографий, а также с уважением и порой восхищением перед трудом почти неизвестных в современной России архитекторов и гражданских инженеров, — прекрасный вклад в дело изучения истории российской культуры, истории контактов России и Китая в XX веке.

© 2002

*Е.Кириллова,
кандидат исторических наук*

1. Однако удивительно, какой силой и верностью историческому прошлому может обладать человеческая память! В 2000 г. в Мельбурне вышла уникальная книга-альбом, составленная бывшей харбинкой Т.Жилевич (Мирошниченко) “В память об усопших в земле Маньчжурской и харбинцах”, где на 340 страницах в великолепно воспроизведенных фотографиях перед нами вновь встают уничтоженные кладбища Харбина, его памятники и храмы. Высокое качество печати дает возможность разглядеть даже надписи на надгробиях, лица людей, пришедших на родные могилы, скульптуры на надгробиях, выполнявшиеся в течение десятилетий Г.Г.Урзовым в своей мастерской на Новом (Успенском) кладбище.
2. Умерли и похоронены в Харбине архитекторы и инженеры В.К.Вельс, И.И.Обломиевский, А.А.Бернадацци, В.Д.Лачинов, С.А.Венсан, Ю.П.Жданов, М.А.Трояновский, В.А.Рассушин и др.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 20.06.2002 г. Подписано к печати 17.07.2002 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{8}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,9 тыс. Уч.-изд.л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 921 экз. Зак. 6388

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2002 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).
2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.
4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.
5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

- а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...
- б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...
- в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.